Яков Давидзон

ОРЛЯТА ПАРТИЗАНСКИХ ЛЕСОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания фотокорреспондента о детях-партизанах, с которыми он встречался в отрядах С. А. Ковпака, А. Ф. Федорова, Н. Н. Попудренко.

Для младшего и среднего школьного возраста.

-
- Возвращение в прошлое
- Неуловимый мститель
- Штурм
- Поединок
- И с победой вернулся домой
- Красное знамя
- И твой вклад, Паша
- Память сердца
- Рассказ партизана
- Взлети выше солнца
- Беглец
- Пулям навстречу
- Вася Коробко
- Глава, которая требует продолжения

Володя Казначеев

Иван Васюк

Коля Любичев

Нина Сомина

Саша Кобзенков

Наша Вершинин

Леня Босенко

Ваня Шкелев

Володя Бебех

Валя Проценко

Миша Давидович

Вася Коробко

Автор книги — известный фотожурналист, лауреат Государственной премии УССР им. Т. Г. Шевченко, заслуженный работник культуры УССР. В годы войны он по заданию штаба партизанского движения Украины был направлен в партизанские соединения А. Ф. Федорова, С. А. Ковпака и Н. Н. Попудренко. Там Яков Давидзон и создал свою историческую фотолетопись партизанского движения. Книга Якова Давидзона — необычна. Фотокорреспондент разыскал многих героев своих снимков,

рассказал об их вкладе в победу над фашизмом. Но судьбы остальных ему так и не удалось проследить. Призывом к читателю продолжить поиски отважных мальчишек и девчонок Я. Давидзон заканчивает свою книгу.

Возвращение в прошлое

Из Сталинграда я добирался до Москвы шесть суток: где на фанерном самолётике У-2, где на попутной машине, а где и просто пешком. Столица встретила суровой сосредоточенностью, спокойствием и какой-то особой после боёв на Волге тишиной. Близился к концу ноябрь 1942 года. Зима уже вошла в свои права. Снег, однако, был расчищен, но его не вывозили с улиц, как в мирное время, и он лежал па тротуарах высокими сугробами. Мороз выбелил стёкла, заклеенные крест-накрест бумажными лентами, ветер выжимал слёзы из глаз.

Как разительно отличалась эта картина от сталинградской! Там улицы были красные от кирпичной пыли, и покрытые копотью остовы домов траурно чернели на их фоне.

В вестибюле гостиницы «Москва» часовой попросил меня предъявить удостоверение личности. Внимательно изучил печати.

— К кому идёте?

— Меня вызвал полковой комиссар товарищ Бажан.

Часовой поднял телефонную трубку, набрал номер и сказал невидимому собеседнику: «Старший политрук фотокорреспондент газеты «За Радянську Україну» Давидзон прибыл».

После этого вернул мне удостоверение, взял под козырёк и показал рукой палево, в направлении широкой мраморной лестницы. Я смущённо перевёл взгляд с измызганных, кое-где подгоревших валенок, верно служивших мне в Сталинграде, на сверкавший чистотой пол.

Но часовой подбадривающе кивнул головой: мол, смелее, смелее…

Известный украинский поэт Микола Бажан жил в небольшом отдельном номере. Поверх тонкого гостиничного одеяла лежала серая солдатская шинель, письменный стол был завален рукописями и оттисками статей.

— Вот и сбывается ваша мечта, Яков Борисович, — сказал он.

— Какая мечта? — растерялся я.

Вызов из Москвы свалился неожиданно, в самый разгар сражения на Волге. Признаюсь честно — меня он сначала вовсе не обрадовал, а скорее раздосадовал. Приближался час окончательного разгрома фашистов в Сталинграде, и я готовился отснять героическую эпопею на плёнку.

Но приказ есть приказ. Мне пришлось подчиниться и уехать в Москву.

— Но догадываетесь, зачем вас вызвали? — Бажан лукаво

прищурил глаз.

— Нет, — честно признался я.

Перед глазами пронеслись события годичной давности. Кажется, в июле 1941 года, после возвращения из Тернополя, меня как военного фотокорреспондента направили в Бровары. Там я и встретился с Миколой Бажаном. Он сразу предложил мне работать в новой газете «За Радянську Україну»…

— Вспомнили? — спросил нетерпеливо Бажан.

Как тут было не вспомнить!

— Значит — к партизанам? — обрадованно воскликнул я и чуть было не бросился обнимать Бажана.

— Вам надлежит сегодня же явиться в штаб партизанского движения, к товарищу Строкачу…

Начальник штаба партизанского движения — высокий, широкоплечий, с красивым, но несколько суровым лицом — Тимофей Амвросиевич Строкач, в упор глядя на меня, спросил:

— Не боитесь в тыл, к немцам? Если вы, фотокорреспондент, прилетевший фиксировать для потомков героизм партизан, попадётесь в руки к фашистам…

В нарушение устава я вскочил со стула и почти закричал:

— Я — солдат! Пусть моё оружие — фотоаппарат, но я — солдат… и я обязан быть там, среди партизан!

Наверное, моё поведение развеселило Строкача. Он улыбнулся, надолго задержал на мне взгляд и сказал:

— Это я по собственной инициативе задал такой вопрос. Приказ о вашем откомандировании в партизанское соединение Сидора Артемьевича Ковпака подписан.

Я и сегодня помню, как перехватило у меня дыхание и радостно забилось сердце: мечта начинала сбываться!

День летел за днём, а мои бдения от темна до темна под дверью кабинета Строкача оставались безрезультатными. Соединение Ковпака двинулось в рейд по вражеским тылам, и короткие остановки, которые делали партизаны, не позволяли соорудить хотя бы временный аэродром. И вскоре от одного вида вещмешка с фотоплёнкой и химикалиями меня охватывала тоска и уныние…

В тот день, устроившись, как обычно, поближе к кабинету начальника штаба, я с надеждой ожидал, когда откроются двери и адъютант выкрикнет:

«Товарищ Давидзон, машина внизу!»

Но никто обо мне не вспоминал, мимо сновали незнакомые люди, не обращая на меня никакого внимания.

Впрочем, я тоже никого не замечал. Просмотрел я и появление человека в добротном романовском полушубке и

каракулевой кубанке с ярко-красной лентой наискось.

— Здравствуй, — произнёс незнакомец, задержавшись возле меня. — Из какого соединения?

Я поспешно поднялся, выпрямился, и невесело ответил:

— Да ни из какого… Собираюсь лететь к Ковпаку. Я — фотокорреспондент газеты «За Радяиську Украшу».

— А я — Фёдоров! Полетишь со мной!

Имя первого секретаря подпольного Черниговского областного комитета партии, командира крупнейшего партизанского соединения «генерала Орленко» было овеяно легендами.

«Вот с какими людьми мне выпало встретиться!» — радостно подумал я.

Парад в честь сорокалетия Советской Украины. Колонну бывших партизан возглавляют легендарные командиры Алексей Федорович Федоров, Сидор Артемьевич Ковпак, Тимофей Амвросиевич Строкач.

Линию фронта мы почувствовали своими… боками. Немецкая зенитная артиллерия открыла заградительный огонь. Самолёт

бросало, как на ухабах. За иллюминаторами вспыхивали оранжевые, красные, белые огненные шары. В любой момент осколок мог прошить тонкий металл. Но никто даже вздохом не выдал своего волнения. Я боялся лишь одного: как бы лётчик не повернул обратно.

Но самолёт не изменил курса, и вскоре линия фронта осталась позади. Густые облака скрыли нас от немецких истребителей.

В трескучие морозы начинался партизанский рейд из брянских лесов на Украину.

Командир партизанского соединения дважды Герой Советского Союза А. Ф. Федоров.

Лиля Карастоянова среди партизан (крайняя слева). Никто не знал в тот миг, что дни ее жизни уже сочтены.

Я незаметно задремал. Проснулся от сильного толчка, почти сбросившего меня на пол. Какой-то мешок свалился мне на колени, мешая подняться. Было темно, лампочка под потолком не горела. Моторы ревели, но пилоты открыли дверь. Мы увидели, как по снегу к нам бежали люди. Лётчики встали у выхода, держа наготове автоматы. Фёдоров тоже был на ногах. Кто-то на бегу громко выкрикнул пароль, лётчики опустили автоматы и выбросили трап.

Узкая длинная поляна в районе клетнянских лесов служила партизанам аэродромом. Высоченные ели, отяжелевшие от пушистых белых одежд, морозный воздух, искрившийся под лучами фонариков мириадами снежинок, чуткая лесная тишина, — всё это и отдалённо не напоминало о том, что мы находимся в глубоком немецком тылу.

К самолёту спешили люди в полушубках и шинелях, в шапках-ушанках и обычных фуражках, перепоясанные крест-накрест пулемётными лентами, с короткими немецкими автоматами-«шмайсерами» и винтовками.

— Вот мы, товарищи, и в Лесограде, — взволнованно сказал

Фёдоров, обращаясь к нам.

Голос Москвы. Этот снимок обошел газеты всего мира.

Командир партизанского соединения С. А. Ковпак (апрель 1943 г.). За время войны он дважды удостаивался звания Героя Советского Союза.

Командир соединения черниговских партизан Герой Советского Союза Николай Никитич Понудренко (январь 1943 г.).

Герой Советского Союза, комиссар Сумского партизанского соединения Семен Васильевич Руднев. Погиб в бою с оккупантами.

Это и впрямь был настоящий город, в котором обитало свыше десяти тысяч человек: партизаны и мирные жители, сбежавшие в лес от карателей, крестьяне из сожжённых дотла деревень. Здесь были свои улицы, вдоль которых расположились добротные, тёплые землянки, отрядные кухни, госпиталь, мастерские, стожки

сена, телеги, конюшня.

Прибывших с Большой земли встретили тепло, подолгу расспрашивали о Москве, о делах на фронте. Наперебой зазывали в землянки, обещая «мировые удобства». Я рассматривал партизан жадно, ибо это были люди не простые — это были настоящие герои. Мне хотелось немедленно вытащить фотоаппарат и начать снимать. Огорчало лишь одно обстоятельство: было слишком темно.

Самолёт быстро разгружали, а отовсюду уже везли на розвальнях, запряжённых лошадьми, и просто на санках раненых. Их отправляли в Москву.

Уходили в поход партизаны...

21 сентября 1943 года в 16.00 по московскому времени партизанское соединение Н. Н. Попудренко встретилось с передовыми частями Советской Армии. Такими были первые минуты этой долгожданной встречи.

— А я думала, что партизаны лежат в снегу, в засаде… и немцы видны невооружённым глазом, — сказала мне по секрету Лиля Карастоянова. Её большие тёмные глаза горели восторгом, она часто оглядывалась по сторонам, словно боялась упустить что-то важное. Я признался ей, что тоже несколько иначе представлял себе наше прибытие.

— Ничего, Лиля, — успокоил я Карастоянову, — хватит и на нашу долю боёв…

Откуда мне было тогда знать, что наш самолёт окажется последним, что сутки спустя фашисты пойдут па штурм Лесограда, и пули снова начнут разить без разбора взрослых и детей…

Всех прилетевших пригласили в командирскую землянку — большую, просторную, с длинным деревянным столом. Выставили небогатое угощение — картошку в мундирах, солёные огурцы, лук и по куску хлеба на каждого. Хлеб, присыпанный пеплом, издавал неповторимый аромат.

Зато разговоров было вдоволь. Засиделись до утра. К моему разочарованию, о партизанской жизни говорили меньше всего. Зато с неослабным вниманием слушали наши рассказы о делах па фронте, о жизии на Большой земле. Я оказался единственным, кто попал в лес прямо из Сталинграда, и мне пришлось поподробнее вспоминать события, свидетелем которых пришлось быть. Лиля Карастоянова рассказывала о Болгарии, о том, как

ведут подпольную борьбу болгарские коммунисты.

Когда я выбрался из землянки, светило неяркое зимнее солнце. Поскрипывал под ногами снег. Ко мне подошёл кареглазый улыбчивый мальчишка.

— Здравствуйте, — сказал он. — Вы прилетели ночью, правда? — Миша, — представился он и тут же поправился: — Михаил, фамилия Давидович. Это у вас фотоаппарат?

— Я — фотокорреспондент, Миша. Если ты не возражаешь, сниму тебя первым.

Так я познакомился с мальчишкой-партизаном и полюбил его всей душой за весёлый, неунывающий нрав, за звонкий голос, которым он распевал свою любимую песню «Орлёнок, Орлёнок…»

День спустя я уже забыл, что такое тишина. Фашистское командование, стянув крупные силы — армейские части, гестапо, полицию, — начало осаду Лесограда. Бои разгорелись на дальних подступах к партизанской столице, но оттого не стали менее трагическими и кровавыми. Да и спустя тридцать с лишним лет я помню и шелестящий звук несущихся к земле бомб, и грохот, от которого едва не лопались барабанные перепонки. Помню лица ребят, ваших сверстников. В них не было страха. Вчерашние школьники мечтали только об одном — о расплате…

В этой книге, друзья, я хочу поведать о них — о ваших сверстниках, о юных орлятах партизанских лесов.

Я раскладываю на столе снимки и начинаю свой рассказ…

Неуловимый мститель

Владимир Петрович Казначеев.

Летом 1943 года партизаны очистили от фашистов большое село. После нескольких дней непрерывного движения, после бессонных ночей была объявлена днёвка. Все, кто был свободен от службы, разошлись по хатам спать.

Мне нужно было разыскать ведро для воды да пару стеклянных банок для реактивов.

Переходя из дома в дом, я наткнулся на Володю Казначеева, о котором уже слышал раньше. Мальчик пристроился на печи. Я сказал, что хочу сфотографировать его. Володя спрыгнул вниз, быстро умылся, причесался и стал к стене.

— Спасибо, товарищ Давидзон! — поблагодарил он меня, когда я сделал своё дело — Может, моя помощь нужна? Паренёк очень удивил меня: ведь только ночью вернулся с «железки», смертельно устал, а готов немедленно прийти на помощь.

— Отдыхай, Володя, я и сам справлюсь, — пришлось успокоить его.

Он забрался на печь и тут же уснул.

Госпиталь снялся неожиданно, и на утро в опустевших классах гулял осенний ветер, шевеля обрывки бумаг да раскачивая ленты забытых в спешке стираных бинтов.

Немцы заехали в Соловьяновку на двух мотоциклах, набрали в продолговатые фляги воды из колодца и убрались.

В доме, где жили Казначеевы, по вечерам собиралась вся семья: мама, братья Володя и Анатолий и старшая сестра Саша — секретарь комсомольской организации лесоучастка. Приходили соседи, товарищи. Сидели допоздна, обсуждая дела на фронте. Чаще и чаще возникал вопрос: как помочь Красной Армии. Володина старшая сестра Саша, как обычно, вступала в разговор, когда страсти особенно накалялись. — Мы, комсомольцы и пионеры, должны создать подпольную группу, — говорила она, — вести разведку…

— А сведения куда будешь девать? — обрывал её Володя. — Нет, мы должны пробиваться на фронт.

— Таких, как ты, в армию не берут, — осаживала его мать.

— Помогать нужно, а не спокойненько записывать, где и сколько фашистов сидит на нашей земле! — горячился Володя.

— Как хотите, — как-то вмешалась в общий спор мама, — только я бы вам посоветовала пойти в лес. Много теперь красноармейцев и командиров пробирается к фронту. Вот им и помогайте!

В клетнянских лесах в те дни было немало выходивших из окружения бойцов. Группами и в одиночку пробирались они по запутанным лесным тропам, нередко попадая в расставленные полицией и жандармерией ловушки. Соловьяновские ребята установили круглосуточное дежурство на подходах к деревне. Они перехватывали утомлённых, голодных, нередко раненых красноармейцев. Кормили, давали на дорогу припасы, собранные деревенскими женщинами, уводили от опасных дорог. Вскоре Володя и Саша уже знали, куда нужно направлять наших солдат. В глубине лесов, среди векового бора, жил лесник Коробцов с дочерью. Когда они впервые привели четырёх бойцов, он встретил ребят не очень приветливо.

— А ты уверена, что это хороший человек, отозвав сестру в сторону, спросил Володя.

Не нравится он мне…

— Успокойся, Володя. Побольше бы таких, как товарищ Коробцов, — ответила Саша.

Сколько раз Володя Казначеев ходил на хутор, он и счёт потерял. Днём, ранним утром или поздней ночью, едва раздавался в стекло условный стук, Володя незаметно выскакивал из дому и спешил на «сборный пункт» — так они назвали

заброшенную вырубку. Туда ребята из группы Саши Казначеевой и вели отовсюду солдат. А уж затем Володя или Саша показывали им дорогу к леснику.

Первые весточки дали о себе и партизаны: на дороге, что вела на Быстрянский лесоучасток, разгромили обоз, побили полицаев и захватили два пулемёта. Потом подверглись нападению жандармы. Вскоре средь бела дня взлетел на воздух мостик с немецким бронетранспортёром…

— Теперь недолго ждать, — радовался Володя. — Фашисты скоро своё получат!

С удвоенной энергией взялся Володя за дело: не только отводил к Коробцову красноармейцев, но и собирал оружие. Для этого ему приходилось уходить далеко от дома. Он обшаривал окопы и полузаваленные блиндажи на местах недавних боёв. Патроны, винтовки, автомат с расколотым ложем, гранаты он прятал в тайнике. «Придут партизаны, спросят: как вы тут, пионеры и комсомольцы, готовились к борьбе с врагом? — рассуждал Володя, возвращаясь в село. — Я выйду и доложу: «Пионер Казначеев Владимир собрал оружие для борьбы с фашистами и готов немедленно вступить в отряд!» Конечно, его поблагодарят и примут в отряд. Пулемётчиком, на тачанку!»

Поглощённый этими мыслями, Володя не заметил, как навстречу ему выбежала сестра.

— В селе — каратели! Приехали на машинах, обыскивают каждый дом. А командиры — у нас… Их нужно немедленно увести к леснику.

— Они и теперь у нас? — всполошился Володя.

— Нет, я их успела, вывести. Но это совсем рядом с домом, стоит немцам начать прочёсывать окрестности…

— Так чего же мы стоим!

Не заходя в село, брат и сестра кружным путём поспешили к опушке. Под густым кустом орешника лежал пожилой мужчина в ватнике, из-под которого выглядывала командирская гимнастёрка. Голова у пожилого была перевязана грязным бинтом. Второй был помоложе, в одной форме, хотя по ночам уже было холодно. Он встретил их с пистолетом в руке и, лишь узнав Сашу, облегчённо вздохнул.

— Спасибо, девушка, — сказал он, — за молоко. Ему теперь легче. Пожилой открыл глаза и попытался встать. Товарищ помог ему.

— Нужно уходить? — спросил он у Саши.

— Да, каратели близко…

Шли долго. Раненый командир часто отдыхал. Извинялся, что доставляет столько забот.

Володя изо всех сил помогал ему идти, подставляя своё плечо.

— Где-то горит, — вдруг насторожился командир.

— Точно, горит, — подтвердил Володя.

— Наверное, лесник хату топит, — предположила Саша.

— Не похоже… Дым злой, глаза ест, — не согласился командир.

Когда они добрались до хутора, дом лесника догорал.

— Каратели, — только и промолвила Саша.

…Они возвратились в Соловьяновку спустя два дня. Мамы не было, она ушла на лесоучасток — так назывался рабочий посёлок в лесу. Саша слегла — простудилась во время ночёвки на сожжённом хуторе. Уже больная, она всё-таки провожала командиров до соседнего села, в котором их ждали проводники-комсомольцы.

Вскоре у Саши поднялась температура, начался бред. Володя опасался за её жизнь и решил сходить к матери на лесоучасток.

Чтобы выиграть время, он пошёл через лес напрямик. Ориентировался Володя легко, потому что с детства знал тут каждое деревце. А темнота и непогода не пугали его — в лесу он всегда чувствовал себя уверенно.

…На подходе к посёлку Володю перехватил знакомый бухгалтер — до войны он работал вместе с Сашей. Вид у пего был ужасный: без шапки в пальто, наброшенном прямо поверх нижней рубахи. От холода и волнения бухгалтер едва мог говорить.

— Туда нельзя, Володя… Там каратели… Всё сожгли, многих расстреляли… Мамы у вас больше нет, Володя…

Когда в клетнянских лесах появились первые отряды соединения Фёдорова, Володя сказал окрепшей сестре, что уйдёт к партизанам:

— Мне надоело наблюдать за фашистами! Я хочу бить их!

— Ты думаешь, мне легко делать вид, что я смирилась с новой властью? Наша задача — разведка.

Трудно сказать, чем бы закончился разговор, не появись Геннадий Андреевич Мусиенко. Он поздоровался с Володей за руку. Снял телогрейку, аккуратно повесил её на гвоздь в прихожей. Саша вытащила из печи тёплые щи и налила до краёв глубокую миску. Мусиенко жадно ел и не переставал говорить.

— Сегодня километров сорок уже намотал. Увязались за мной полицаи, пришлось крюк дать. Думал, не дойду до вас. Рассказывай, Сашок, как у вас в селе. Полицаи помнят, что поблизости партизаны?

— Держатся нагло, уверены в своей силе, — сказала Саша.

— Ну, ничего. Скоро они иначе запоют. Ваша задача сейчас — не упустить ничего важного. А важно всё: сколько их и когда меняют караулы, где ночуют и куда ходят за самогоном, как часто наезжают немцы.

— А Володя вот в лес собрался, к вам…

— Правду сестра говорит? — не поверил Мусиенко.

— Правда. Считать и Саша сумеет. Я хочу воевать с фашистами! — Володя был настроен воинственно. Мусиенко почувствовал это. Помолчал, обдумывая, как лучше возразить.

— Ну, что же Володя, законное желание у тебя.

— А я о чём ей толкую! — обрадовался парнишка.

— Теперь представь такое положение. Ты, твои товарищи, Саша, словом, все, кого мы считаем нашими ушами и глазами в стане врага, уйдут в лес. Готовим мы очередную операцию, ну, скажем, получили задание разгромить управу и комендатуру в селе Соловьяновка. Проверили оружие, построились и отправились на задание. Подошли к селу, развернулись в цепь. Где находятся опорные пункты, мы не знаем. Когда меняются часовые — тоже. Сколько вообще против нас немцев и полицаев — не имеет понятия. Пошли в атаку. А нас из пулемётов встретили! Так встретили, что в живых никого не осталось. И всё почему? Да потому, что такие, как Болодя Казначеев, делают лишь то, что им захочется!

Как ни горько было Володе отказываться от задуманного, но он согласился — прав, тысячу раз прав Мусиенко.

— Завтра, Володя, пойдёшь в Берёзовку. Там немцы что-то затевают, а сведений мы не имеем. Двое разведчиков оттуда не вернулись. Учти это…

В ту ночь Володя спал плохо, его мучили тревожные сны. Забылся перед самым рассветом. А когда Саша растолкала его, Мусиенко уже не было.

— Геннадий Андреевич предупредил, чтобы ты был осторожен, ты сирота, ходишь по сёлам, побираешься, кормишься подаянием.

В партизанском дозоре.

Володя молча кивал головой. Память у него была цепкая, лёгкая. Он ещё в школе, бывало, прослушает объяснение учительницы на уроке и дома даже не заглядывает в учебник. Поэтому ему легко было запомнить, куда и к кому обращаться в Берёзовке за помощью.

— Будь осторожен, Володя, — попросила Саша и обняла брата.

— И я с тобой, — запросился Толя.

Толя был на три года младше Володи, ему шёл одиннадцатый год, но он уже ходил на встречи со связными и партизанскими разведчиками.

— Ты тут Саше помогай, Толя, — сказал Володя брату. — Ты — резерв главного командования!

— Сам ты резерв, — обиделся брат.

Володе повезло. По дороге его догнала подвода. Пожилой возница придержал коня.

— Садись, подвезу. Тебе куда?

— Всё равно, — ответил Володя. — Лишь бы к ночи в село попасть…

Больше возница ни о чём не спрашивал. Иногда лишь покрикивал на лошадь и помахивал в воздухе кнутом. Телега катила по большаку, подпрыгивала на выбоинах да рытвинах. Зарядил нудный осенний дождь. Возница накинул на Володю

толстую домотканную дерюгу. Володя согрелся и задремал.

На развилке Володя попросил остановить и сказал, что, пожалуй, зайдёт в Берёзовку. Когда-то жили там родственники матери, может, примут.

— Возьми, хлопец, — сказал возница и сунул Володе кусок чёрного хлеба

— Спасибо, дядя! — поблагодарил Володя.

Хлеб он съел по дороге. Когда входил в соло, опускались сумерки. Холодный ветер продувал насквозь его старенькое пальтишко. В воздухе кружились редкие снежинки. Улица, по которой он шёл, словно вымерла — ни души. Кое-где на домах сохранились таблички. В этом большом селе Володя никогда не бывал, но от расспросов осмотрительно удержался. Неприветливо чернели тёмные окошки. Ноги скользили в размокшей глине. В центре села размещалась управа — каменный добротный дом с намокшим фашистским флагом. Часовой торчал у крыльца. В окнах мелькали какие-то фигуры. Заглядевшись, Володя едва не наткнулся на патруль, но в последний момент успел юркнуть в чей-то двор. Он укрылся за сараем. Двое полицаев с винтовками не спеша прошли мимо.

Нужно было найти семьдесят первый номер. На доме, во дворе которого он спрятался, виднелся написанный прямо на бревенчатой стене номер «36».

«Значит, семьдесят один — на противоположной стороне. Вот только в какую сторону — вправо или влево от управы?»

Прижимаясь к заборам, Володя разведал обходы опасного места. Обрадованно вздохнул, когда уяснил, что мимо управы ему пробираться не понадобится.

Но там, где должен был стоять указанный Мусиенко дом, он увидел старое пепелище.

«Что же теперь делать?» — растерялся Володя. Надвигалась ночь, снег усиливался. «Заберусь к кому-нибудь на сеновал или в сарай», — решил Володя.

Осмотревшись по сторонам и не заметив ничего подозрительного, медленно побрёл по улице. Он приглядывался, где получше можно укрыться. Конечно, проще всего было постучать в первые же двери и попроситься переночевать. А вдруг нарвёшься на полицаев? Нет, он не мог рисковать: задание должно быть выполнено.

Ещё издали Володя увидел дом под черепицей. В окнах света не было. В глубине двора стоял сарайчик с открытым чердаком.

Володя едва успел перекинуть ногу через забор, как его грубо дёрнули назад и сиплый голос произнёс:

— Стой! Куда прёшь?

Бежать было поздно да и невозможно: полицай крепко держал в своих руках Володин воротник.

— Отпустите, дяденька! — запросился Володя. — Сирота я…

— Знаем мы вас, сирот! — рассмеялся полицай. — Ты слышь, Иван, ещё один сирота, — обратился он к невидимому напарнику.

— Теперь время такое, — сказал тот примирительно, выходя из-за дерева.

— Ты мне про время басни не рассказывай — раз сирота, значит, партизанский выкормыш. Двигай в управу! — И он едва не задушил Володю, покрепче схватив за воротник.

— Отпустите, дяденька… — взмолился Володя.

— Пошли, пошли, — потащил за собой парнишку полицай.

В управе было натоплено. В печи гудел огонь. Трое полицаев резались в карты и даже не повернулись к вошедшим.

— Вот, привели, — сказал полицай, который поймал Володю. Но никто не обратил внимания на его слова. Это разозлило полицая и он закричал:

— Партизана привёл!

Вот как встречали взрослые и ребятишки села Тельчи Алексея Федоровича Федорова! (Январь 1943 г.)

Полицаи, как по команде, резко подняли головы.

— А… опять пацана приволок, — безо всякого интереса вырвалось у одного из них.

И полицаи снова вернулись к картам.

— Вот мы сейчас поглядим, что тут у него, — сказал полицай,

вытряхивая котомку.

Не найдя ничего подозрительного, полицай заметно рассвирепел.

— Говори, к кому идёшь! Кто послал тебя? — заорал он.

— Сирота я… Хожу по сёлам… Есть ведь надо…

— Ты у меня сейчас заговоришь! Заговоришь! — пригрозил полицаи и поднялся. Он вышел в соседнюю комнату и вернулся с резиновой плёткой. Володя видел, как пороли такой же плёткой колхозного бригадира. При размахе резина растягивалась, а при ударе сокращалась и рвала кожу.

— Ну чего ты к парнишке пристал? — оторвавшись от карт, недовольно сказал полицай в меховой безрукавке. Лицо его показалось Володе не таким жестоким и равнодушным, как у других. — Откуда ты идёшь?

— Из Соловьяновки я… Сирота.

Полицай пристально вгляделся в Володино лицо.

— Из Соловьяновки, говоришь? Отец у тебя на лесоучастке работал, в урочище «Красный дворец»? — спросил он.

— Да, дяденька, работал…

— Отпусти хлопца, Иван! — сказал полицай. — Не врёт. Отец его умер ещё до войны. А мать где? — обратился он к Володе.

— В прошлом году заболела и умерла, — отвечал Володя, чувствуя, как от ненависти к полицаям у него закипает кровь.

— Иди, парень! — разрешил полицай, и Володя кинулся собирать вытащенные из котомки хлеб, старый женский платок, захваченный для обмена, перочинный ножик, ручку, потрёпанную книжку «Робинзон Крузо» куда юный разведчик собирался записывать сведения о враге.

— Ну, гляди, добряк! — зло протянул полицай, поигрывая резиновой плёткой. — Завтра доложу господину коменданту. Ответишь за нарушение приказа! Ведь сказано: всех подозрительных задерживать…

— Так ведь то подозрительных, — вяло возразил полицай в безрукавке. — А этого я знаю. Сирота. Иди, иди, парень!

Володя не стал ждать, чем закончится перебранка между двумя полицаями, и выскочил на улицу. Побежал куда глаза глядят. Лишь вконец запыхавшись, остановился, прижался к забору. Конечно, самое правильное в его положении — немедленно покинуть село. А как же задание? Ведь даже беглые наблюдения свидетельствовали, что село наводнено немцами. Пока его вели в управу, он видел бронетранспортёры и грузовики, спрятанные во дворах, две пушки.

«Нет, уйти я отсюда не могу! — сказал Володя сам себе. — Будь что будет: попрошусь переночевать!»

Он решительно свернул к калитке. Постучал. Кто-то подошёл, спросил:

— Чего надо?

— Пустите, пожалуйста, переночевать… Сирота я…

— Иди своей дорогой, — донеслось в ответ. — Мы не подаём!

Володю впустили только в третью хату. Пожилая крестьянка, закутанная в платок, молча поставила на стол миску с холодной картошкой, дала солёный огурец и кружку воды. Пока Володя ел, хозяйка постелила на лавке под окном.

Уставший, замёрзший Володя заснул мгновенно.

Утром он проснулся от того, что кто-то пристально смотрел на него. Володя открыл глаза и увидел мальчика приблизительно одних с ним лет. У мальчика были русые волосы, приветливое лицо.

— Здоров ты спать, — сказал он, улыбаясь. — Я думал — помер…

— Не-е, устал я вчера очень. Меня зовут Володей. А тебя?

— Дмитрием.

— В какой класс перешёл?

— В шестой.

— И я в шестой…

Мать позвала мальчишек завтракать.

— Посиди, я тебе воротник пришью, — сказала крестьянка, взяла Володино пальтишко и ушла в другую комнату.

— Иди сюда, — тихо подозвал Володя Дмитрия. Тот послушно встал рядом.

— Дай честное пионерское, что не проболтаешься!

— Честное пионерское! — прошептал Дмитрий. — Клянусь!

— Ты мне должен помочь, — решительно сказал Володя. Нужно узнать, что задумали немцы и заодно сосчитать их силы…

— Ты — партизан?

— Пока нет, — честно признался Володя.

— А меня возьмут, как ты думаешь?

— Не всем идти в лес, — рассудительно начал Володя и слово в вторил то, что сказал ему Мусиенко. Дмитрий слушал внимательно т согласно кивал головой.

Непроходимых мест для народных мстителей не существовало. Партизаны преодолевают трясину.

— Что немцы задумали, я и теперь знаю, — сказал Дмитрий. — Сосед наш — полицай. Так его сын, жаба, хвастал, что скоро партизанам — каюк… Немцы каждый день прибывают. Даже два танка есть…

Они договорились, как действовать дальше. Огородами мальчики обошли всё село. Книга «Робинзон Крузо» основательно пополнилась непонятными постороннему человеку значками.

…Карательная экспедиция сорвалась. После боя, в котором немцы понесли большие потери, Мусиенко забрал Володю и Сашу в отряд имени Щорса партизанского соединения А. Ф. Фёдорова. Саша стала медсестрой, секретарём комсомольской организации отряда.

— Ну, хлопец, — сказал, познакомившись с Володей, комиссар отряда Аким Захарович Михайлов, — пойдёшь в связные. И ещё одно: по всем вопросам обращайся ко мне лично.

Володя посмотрел на высокого, худого и очень сурового на вид человека в серой армейской шинели и ответил:

— Слушаюсь, товарищ комиссар!

— Э, да ты, оказывается, у нас военный! — рассмеялся Михайлов.

Не мог знать тогда юный партизан Володя Казначеев, что в его жизнь вошёл человек, который заменит ему родителей. Человек, у которого он учился выдержке, честности и прямоте, умению отдавать предпочтение слову «нужно», а не слову «хочу».

Но тогда, с любопытством присматриваясь к непривычной обстановке партизанского лагеря, Володя забыл и о комиссаре Михайлове, и о сестре. Его можно было увидеть среди бойцов пулемётного взвода — перемазанного ружейным маслом, с чёрными от пороховой копоти руками, самозабвенно копающегося во внутренностях «максима» или «дегтяря». Помогал Володя ухаживать и за отрядными лошадьми. Но сильнее всего тянуло его к минёрам. То ли потому, что подрывники были в отряде на особом положении, то ли потому, что они постоянно что-то мастерили, укладывая толовые шашки в деревянные корытца или в цинковые коробки из-под патронов. Правда, к своему делу они его не подпускали. Даже, случалось, прогоняли подальше. Скоро Володя был в курсе всех дел. Появились новые друзья. Ближе всего он сошёлся с Лёней, Мишей и Валей Гузненками. Их мать и двух братишек тоже расстреляли фашисты. Отец — Александр Фёдорович — ушёл в отряд ещё в сорок первом. Для него война в тылу врага была делом знакомым: он бил немцев ещё в 1918 году, когда служил под началом Николая Щорса. Чтобы не разлучаться с детьми, бывший красноармеец организовал семейную пулемётную тачанку.

Володя завидовал им — Гузненки участвовали в лихих атаках на вражеские гарнизоны. Вернувшись в лес, показывали товарищу свежие пулевые пробоины в бортах тачанки и рассказывали о схватке.

Чем дольше жил Володя в лесу, тем сильнее чувствовал неудовлетворённость. Он заскучал: перестал ходить к пулемётчикам, потерял интерес к лошадям.

— Зайди ко мне вечером, — как-то вспомнил о нём комиссар. — Поговорить нужно.

Михайлов встретил Володю приветливо, как равного. Пригласил за стол, напоил чаем. С разговорами не спешил. Подражая Акиму Захаровичу, Володя сдерживал выпиравшее из него желание нажаловаться на командира подрывного взвода, который пренебрегал им.

— Вижу по глазам: кто-то пришёлся тебе не по душе, — сказал комиссар. — Выкладывай. Только по-военному: чётко и без лишних эмоций. Мужчина должен сдерживать себя.

— Он меня послал щи хлебать! — выпалил Володя. — А я уже взрослый, я за мать должен мстить!

— Подожди. По-порядку и без крика, — сурово осадил Володю Аким Захарович.

— Хочу быть подрывником. Попросился к командиру, а он меня… щи хлебать послал… как он смеет!

— Смеет! Он — командир, и ему виднее, с кем идти на

задание. Ты мне лучше скажи: твёрдо решил стать подрывником?

— Да!

— А знаешь, какая у подрывников работа? У каждого партизана смерть за плечами стоит, а у подрывника — сразу две. И от вражеской пули, и от собственной мины! Справишься? Не подведёшь?

— Не подведу! Честное пионерское!

Немало партизанской крови было пролито на подступах к железнодорожной магистрали Ковель — Брест. По обе стороны насыпи немцы вырубили не только лес, но даже мелкий кустарник, через каждые пятьсот метров построили доты.

— Я бы на твоём месте, — сказал Миша Гузненок, протирая чистой тряпицей матово поблёскивавший пулемёт, — не просился в группу, которая на «железку» идёт.

— Хоть один эшелон, да подорву, — упрямо стоял на своём Володя. — За маму!

Заседание комсомольского бюро партизанского соединения Н. Н. Попудренко. На повестке дня — прием в комсомол раненного в бою товарища

— Опыта у тебя нет на «железку» ходить! Вон сам Павлов вчера вернулся ни с чем. Его ты знаешь — десантник, подрывник, каких поискать нужно. Тёзку своего, Героя Советского Союза Владимира Владимировича Павлова, Володя знал хорошо. Старался издали увидеть, как он готовит мины. Вот и вчера, когда вернулись подрывники, поспешил к их костру — послушать. Хорошо запомнилось всё, о чём рассказывал Павлов: «Подошли мы к железной дороге. В темноте вышли к насыпи, — рассказывал

Павлов, прихлёбывая кипяток из железной кружки. Края кружки обжигали, он морщился, но продолжал пить. — Тихо. Лишь справа на разъезде свистел маневровый паровоз. Вдруг над лесом поднялась ракета. За ней — другая. Над нами пролетели первые мины. Я приказал отходить. В темноте мы сбились с тропы и пошли напрямик через лес. Вскоре под ногами зачавкало болото… За нами гнались… Чудом выбрались на сухое…»

— Если уж Павлов не смог, — сказал Миша, — то какой с тебя толк! «Хороший парень Мишка, но слишком осторожный, — подумал Володя. — Ну как он не понимает, что я в подрывники-диверсанты не для отдыха пошёл? Конечно, в «крокодилы» меня не скоро зачислят, но и в «аллигаторах» ходить не хочу!»

Тут нужно объяснить, что с лёгкой руки Владимира Павлова эти клички широко бытовали в партизанском отряде имени Щорса. «Крокодилами» называли подрывников-диверсантов, которые, рискуя жизнью, незаметно пробирались к железнодорожному полотну и пускали поезд под откос. Для них невыполнимых заданий не существовало. А вот «аллигаторами» окрестили тех, кто под любым предлогом старался отсидеться в лагере или, на худой конец, пойти с группой, но остаться в прикрытии.

— Что ты мне талдычишь? — не выдержал Володя. — На то у нас не один диверсант-подрывник, а вон сколько. Не пройдёт Павлов, пройдёт другой…

— Уж не ты ли? — с подковыркой спросил Миша.

— А чем я хуже других! И вообще, Мишка, не дразни меня…

Но Мишка не был бы Мишкой, если бы отступил.

— Может, поборемся? — отложил тряпочку Гузненок.

— Ладно, — сказал Володя и поднялся. — Пойду лучше с Павловым поговорю, с умным человеком приятнее дело иметь…

Конечно, Володя понимал, что это очень непросто выйти на железнодорожное полотно. Ночью, в темноте, одному. Товарищи остались далеко, и ты должен забыть и о них, и об опасности, что поджидает тебя. Иначе одно неосторожное движение — и чуткий механизм взрывателя сработает. Разве мало было таких случаев!

Но не опасности страшили Володю Казначеева: больше всего он боялся не справиться с заданием. Не сомневался, что никто и слова плохого не скажет. Но не мог представить, что именно он, Володя Казначеев, сможет подвести.

— Ты не думай, что фашисты — дураки, — остудил его пыл комиссар. — Они тоже не лыком шиты. Когда ты ломаешь голову над тем, где бы понадёжнее поставить мину, их специалисты думают, как помешать тебе это сделать! На рожон не лезь! Это не по-нашему, не по-партизански.

— Понимаю, — ответил тогда Володя.

…Но прежде чем Казначеев получил самостоятельное задание, он много раз ходил с диверсионными группами. Они ставили мины-«ловушки» на дорогах, портили связь, оставляли мины-«сюрпризы» в местах, где жили полицаи. Выполняя приказ Михайлова, взрослые всячески оберегали юного подрывника. Володя всё схватывал на лету, и вскоре мог так поставить мину, что даже бывалые подрывники удивлялись, откуда у парнишки такое редкое умение.

Но прошло немало времени, прежде чем Володя Казначеев отправился на «железку».

…Уже вторые сутки, как они вышли с базы. Их было восемь — пулемётчик, шесть автоматчиков и подрывник Володя Казначеев. Ночью группа заблудилась. Никто потом не мог вспомнить, как это получилось. Но только вместо того, чтобы выйти к железной дороге, они очутились в самом гиблом болоте. Партизаны вынуждены были остановиться, потому что стоило оступиться, как человек тут же проваливался по грудь.

Проводник — местный житель — чертыхался, но и сам не знал, куда идти. Партизаны приуныли: они знали коварство полесских болот. Собирался дождик. Стемнело, болото стало совсем чёрным.

Володя отдал мину ближайшему партизану. Тот молча взял её и, как грудного ребёнка, прижал к себе, боясь лишний раз пошевелиться.

Володя осмотрелся.

Болото тянулось насколько хватал глаз. Но недаром Володя родился и вырос в этих местах: совсем малышом брал его в лес отец, показывал, где гнездо горлицы, учил читать следы, определять по муравейникам страны света. Но даже не это было главным в той немудрёной науке: Володя привык доверять лесу, чувствовать себя в нём, как дома.

Сквозь кисею дождя разглядел Володя мелкие кустики, растущие на кочках. К ним-то и направился юный партизан. Он шёл и не оборачивался, словно ощущая молчаливую поддержку товарищей. Его беспокоило время — оно уходило бесполезно: пока они сидели в болоте, по железной дороге катили к фронту поезда. В вагонах были мины и снаряды, пушки и пулемёты, ехали солдаты и офицеры…

Ноги с трудом нащупывали опору. Володя прикидывал — пройдут ли за ним партизаны, ведь он среди них самый лёгкий. Дважды он проваливался по самое горло, и лишь каким-то чудом его не засосала трясина. Несмотря на ледяную воду, ему было жарко, и пот заливал глаза. Он вспомнил, как однажды им

пришлось с отцом заночевать па крошечном островке посреди болота. Отец держал его на руках, согревая собственным теплом. Сквозь тонкую рубашку он ощущал, как дрожит отец, ему стало страшно, и он заплакал. Отец сказал: «Никогда не плачь, сыпок, когда тебе страшно! Когда человек плачет, он теряет силы и уверенность, и не знает, что ему делать. А человек должен бороться и победить!»

«Бороться и победить!»

Володя медленно приближался к берегу. Всё чаще попадались твёрдые островки, на которых можно было передохнуть и слегка согреться.

Когда он выбрался наконец из болота, силы оставили его, и Володя рухнул на мокрую траву. Она показалась ему такой тёплой, такой мягкой, что он никак не мог найти в себе силы подняться и отправиться в обратный путь.

— Без тебя, хлопец, сидеть бы нам в болоте, — говорили партизаны, разводя костёр.

— Здесь любой заблудится, — вставил слово молчаливый проводник. — Особенно ночью.

— Другой дороги что ли нет? — не унимался пулемётчик, высокий, красивый парень в кожаной куртке, перепоясанной крест-накрест пулемётными лентами.

На голове у него была бескозырка — подарок выходившего из окружения матроса.

— Есть. Но мы снова пойдём через болото, — сказал Володя.

— Гляди, парень, не зарвись. Как бы нам не утонуть в этой жиже, — со вздохом сказал пулемётчик и поправил сбившуюся бескозырку.

Появилось солнце, партизаны согрелись и обсохли. Жаркие июльские лучи пробивались сквозь листву. Всё вокруг преобразилось, ожило, поднялось настроение и у партизан.

— Теперь и отоспаться можно. А уж ночью пойдём к «железке». Кто же днём это делает?

— Снимаемся через пять минут, — сказал Володя, командир группы. — Мы должны быть у дороги ещё засветло.

Вскоре и проводник определился на местности, разыскал знакомые приметы и уверенно повёл партизан.

Ещё не видя железной дороги, они услышали далёкий шум состава. Чем ближе, тем осторожнее ступали по земле партизаны. Немцы научились делать засады в самых неожиданных местах — сколько диверсионных групп так и не дошли из-за них до железной дороги! Страшная это штука, когда неожиданно, в упор, открывают огонь пулемёты. Редкому человеку удаётся в такие минуты сохранить самообладание и не растеряться. Партизаны

часто останавливались, прислушивались и приглядывались к каждому подозрительному дереву. Им нравилась осторожность, с какой Володя Казначеев вёл их к дороге. Но когда он снова предложил лезть в болото и пробираться по едва заметной тропке, даже самые терпеливые возроптали. На что уж проводник — человек ко всему привычный, но и он обратился к Володе:

— Тут есть обход, крюк всего в пяток километров, зато посуху. А здесь намучимся, ой как намучимся!

— Только через болото — немцы перекрыли все подходы к дороге. Нет, мы должны выйти наверняка.

…Вскоре они лежали в негустом подлеске. Высокая насыпь отчётливо рисовалась на фоне чистого голубого неба. Фигурки часовых маячили на расстоянии прямой видимости друг друга. Ряды колючей проволоки, подозрительно чистая полоса изумрудной зелени и тёмная громада дзота, глядящего мрачной квадратной «глазницей», из которой высунулся поблёскивавший на солнце ствол пулемёта. «Здесь идти — всё равно что на расстрел», — расстроенно произнёс автоматчик. Он лежал рядом с Володей и высматривал подходы к дороге в трофейный бинокль. «Именно здесь я и пойду!» — решил Володя Казначеев, подтягивая поближе громоздкую мину.

Они отползли в глубь леса, где их поджидали остальные партизаны. Настроение было невесёлое: вымокшие до нитки, грязные и голодные, люди не могли обрадоваться предстоящей ночёвке в лесу, без костра.

Володя предложил не дожидаться ночи. На то было две причины. Во-первых, фашисты прекрасно знали, что партизаны обычно совершают диверсии под покровом темноты и потому в ночное время с особой тщательностью следили за дорогой. Во-вторых, пользуясь длинными июльскими днями, они пускали последние составы почти в сумерках. Именно этим обстоятельством и решил воспользоваться юный подрывник. «Главное в нашем деле, — любил повторять руководитель школы подрывников старший лейтенант Егоров, — неожиданность. Из тысячи вариантов выбирайте тот, которого меньше всего ожидает противник…»

«Самое время устанавливать мину — немцы меня сейчас не ждут, — решил Володя. — Ещё достаточно светло, чтобы не допускать и мысли о возможной диверсии».

Путь к полотну он наметил ещё раньше, когда изучал подходы к железнодорожной насыпи. Нужно было проползти под самым носом у фашистов, засевших в дзоте. Проползти, прижимаясь к его стенкам.

Партизаны растянулись в цепочку, заняв позиции метрах в

ста пятидесяти от дороги.

Изготовились к бою.

Казначеев засунул мину в старый мешок, чтоб не заскрежетал металл на камешках. Автомат отдал пулемётчику в бескозырке. Потуже затянул пояс, проверил карманы, выложил всё из них. Партизаны молча наблюдали за его приготовлениями. Наступал тот момент в опасной жизни диверсанта-подрывника, когда он оставался один на один с врагом, и от того, насколько он ловок и предусмотрителен, зависела и его судьба, и судьба операции.

Маленький и юркий, волоча за собой пудовую мину, Володя пополз к дзоту. Солнце било немцам в глаза. Местность оказалась неровной, и Володя, умело маскируясь, пробирался вперёд. Он вскоре миновал простреливаемое пространство и попал в «мёртвую зону», куда уже не мог достать пулемёт. Володя руками ощупывал впереди себя каждый сантиметр земли. Он уже отчётливо видел каждый сучок на толстых брёвнах, из которых была сложена огневая точка. Из амбразуры доносились голоса немцев.

Когда Володя достиг дзота, он остановился передохнуть. Прямо перед ним возвышалась насыпь железной дороги. Ветерок доносил приятный аромат нагретых солнцем шпал. Далеко-далеко виднелась фигура часового, уходившего в конец своего участка. Дверь в дзот была закрыта, но рядом — достаточно было протянуть руку — находилась амбразура. «Гранату не нужно было бы даже бросать, её можно прямо втолкнуть туда», подумал Володя. Но тут же отбросил эту мысль: «лимонку» он захватил с собой лишь на случаи, если ого обнаружат фашисты… Чтобы, по попасться им в руки живым…

Миновав дзот, Володя почувствовал себя уверенней. По насыпи он поднялся, лишь слегка пригибаясь. Его маленькая фигурка отчётливо была видна партизанам и они держали под прицелом амбразуру.

Лёжа грудью на рельсе, Володя быстро выгребал гравий из-под шпалы. Ногти на его руках давно обломались, и загрубевшие пальцы не чувствовали боли. Земля после дождей была мягкая, податливая. Мина удобно легла в углубление. Теперь важно было так приладить сорокасантиметровый прут, чтобы над ним свободно прошла ось вагона, но задела ось паровоза. Даже если фашисты пустят впереди платформы с песком, мина раньше времени не взорвётся.

Вся работа заняла от силы две минуты, но Володе показалось, что миновала вечность. Он аккуратно уложил камешки поверх утрамбованной земли, да так, чтобы сырыми своими сторонами они уходили в грунт. Остатки земли ссыпал в мешок из-под мины

и забрал с собой.

В последний раз осмотрев свою работу, Володя соскользнул с насыпи вниз. Теперь дело за поездом — лишь бы ничто не задержало его на станции. Он не сомневался, что часовой в ближайшее время, во всяком случае до темноты, не вернётся: Володя успел изучить его «расписание».

В дзоте немцы о чём-то громко спорили. Володя задержался на некоторое время, готовясь преодолеть пустошь, отделявшую его от леса.

Он полз, каждую секунду ожидая пулемётной очереди в спину. Но не останавливался.

Когда у него уже не оставалось сил, чьи-то руки подхватили Володю и втащили в кусты. Кто-то протянул флягу с водой, и Володя выпил её до дна. Опускалось солнце. Сердце юного подрывника спешило, подгоняло время: «Где, где же этот проклятый состав? Неужто всё напрасно?»

И словно откликаясь на вопрос, вдали раздалось приглушённое шипение выпускаемого пара — в сторону фронта шёл состав. Через несколько минут партизаны увидели паровоз, платформы, накрытые брезентом, несколько теплушек и два пассажирских вагона посреди состава.

— Ну, держись! — прошептал пулемётчик в бескозырке.

Паровоз вдруг встал на дыбы и, окутавшись паром, рухнул с высокой насыпи… Взрыв, казалось, раздался позже.

Десять эшелонов пустил под откос Володя Казначеев. В пятнадцать мальчишеских лет он был награждён высшей правительственной наградой — орденом Ленина.

Интересно сложилась судьба Володи и после войны. Закончил мореходное училище, потом — Одесский институт инженеров морского транспорта. Мирный труд Владимира Казначеева тоже отмечен двумя орденами.

Штурм

Николай Петрович Любичев.

Это были трудные дни в нашей партизанской жизни. В январские лютые морозы, в метель пробивались отряды фёдоровского соединения из Белоруссии на Украину. По пути громили заставы и комендатуры. Хоронили товарищей. Клялись мстить за них.

— Вижу, снимаете вы, Яков Борисович, все подряд, — сказал мне один партизан. — Только кому это будет интересно?

— Людям, — отвечал я. — Вот закончится война, станем мы жить снова свободно, красиво и будем вспоминать боевых товарищей.

Покачал головой партизан и рассмеялся: «Что, и этого мальца тоже будем вспоминать?»— и указал рукой на мальчика, торопливо доедавшего краюху чёрного хлеба.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Любичев, Николай…

— Сфотографировать тебя хочу, Коля. По возражаешь?

— Если нужно…

— Нужно, Коля. Чтоб через много-много лет, когда на земле

и следа от войны не останется, мальчишки и девчонки увидели — вот каким был партизан Николай Любичев.

На Украину шестиклассник Коля Любичев приехал из Омской области — к деду в село. Тут, в селе Хромное, и застала его война. Оккупанты устанавливали «новый порядок»: жгли дома мирных жителей, уничтожали коммунистов и комсомольцев, всех, кто не хотел мириться с захватчиками.

Дед собрался в лес.

— А ты, Коля, погоди, — сказал старик на прощание. — Не всем в лесу скрываться, нужно, чтобы кто-то и здесь за немцем присматривал да нам, партизанам, докладывал.

Дед и внук обнялись на пороге разом опустевшего дома. Старик закинул за плечи охотничью берданку, с ней он раньше на зайцев да лис ходил, и скрылся в вечерней мгле. Вскоре немцы и полицаи почувствовали на себе удары народных мстителей отряда имени Кирова. Партизаны нападали внезапно. Соберут фашисты обоз с продовольствием для Германии, а партизаны перебьют охрану, часть хлеба себе заберут, остальное раздают мирным жителям. Задумают фашисты карательную экспедицию, стянут силы, засекретят день наступления — и снова ничего не получается у них. Партизаны или успеют покинуть стоянку, или упредят врага и дерзким ночным нападением разгромят карателей. Понимали немцы, что есть у лесных воинов по сёлам да хуторам глаза и уши — связные, разведчики. Охотились за ними люто. Облавы, обыски, аресты. По деревням чернели виселицы.

Как-то Коля возвращался домой из рейда по району. В памяти мальчика хранились ценные сведения о численности вражеских гарнизонов, о расположении огневых точек. Нёс Коля и донесение из соседнего отряда в отряд имени Кирова. Не знал он, что было зашифровано на крошечном кусочке тетрадного листка, но твёрдо помнил, что он должен попасть прямо в руки Алексея Фёдоровича Фёдорова и пи при каких обстоятельствах не должен достаться немцам.

За плечами у него болталась старенькая котомка, где лежали десяток картофелин, две луковицы и краюха хлеба, — всё, что Коля добыл себе на жизнь. Записку он засунул в прореху па перчатке — между кожей и подкладкой. Перчатки достались ему от деда и были настолько старые, что на них не позарился бы даже самый жадный полицай. Вечерело, пуржило, и Коля спешил добраться домой. Правда, давно там не топлено и, наверное, холодно, как на улице. «Дрова оставались с прошлого раза, — вспомнил Коля. — Растоплю печку и сварю две… нет, три

картошки «в мундирах». Соль спрятана за ведром с водой». В предвкушении пира Коля зашагал быстрее, чтобы ещё дотемна миновать зону патрулей.

— Стой! — раздался грозный окрик.

Коля хотел было юркнуть в первый попавшийся двор и сбежать огородами, но полицейский загородил ему дорогу.

— Иди сюда! — велел он ему.

Коля узнал его. Ещё бы! Начальник полиции слишком хорошо был знаком всякому, чтоб ошибиться. Это был краснорожий, длиннорукий двухметровый детина.

— Кто, куда и откуда?

Коля привычно начал излагать историю, что мама умерла, а отец как ушёл на призывной пункт в начале войны, так больше о нём ничего и не слышно. Закончил рассказ тем, что развязал котомку и показал нехитрый харч, выпрошенный в разных сёлах.

— Двигай с нами! — приказал краснорожий.

Начальник, забравший котомку, шагал первым, за ним семенил арестованный мальчишка, а замыкали шествие двое полицаев с винтовками наперевес.

«Как же быть с запиской? — мучительно соображал Коля. — Если начну вытаскивать сейчас, заметят и отберут. Потерять рукавицу?» Но Коля тут же отбросил эту мысль: идущие за ним полицаи внимательно наблюдают за каждым его движением. Не знал Коля, что полицаи были напуганы недавним случаем в соседнем селе. Там тоже остановили подростка, хотели его обыскать, а он вынул гранату из-за пазухи — и в полицаев…

В просторной избе было жарко натоплено. Полицаи — кто спал на нарах, кто сидел за столом и чистил оружие — при виде начальника полиции повскакивали на ноги. Тот подержал их некоторое время в напряжении и, удовлетворённый, коротко бросил: «Вольно, хлопцы».

Став посреди комнаты, начальник приказал Коле раздеться. Мальчик снял ватник, шапку, рукавицы бросил небрежно на пол и принялся стаскивать сапоги. Он стоял перед полицаями босиком, а те выворачивали карманы, прощупывали швы. Если возникало подозрение, отрывали подкладку. Когда начальник полиции взял в руки рукавицы, ни один мускул на лице Коли не дрогнул. «Ищи-ищи, — ухмыльнулся про себя Коля, — записочку я ещё в коридоре успел сжевать…»

Начальник полиции вывернул рукавицу наизнанку, оторвал подкладку, осмотрел внимательно и, ничего не обнаружив, швырнул на пол.

Коле было до слёз обидно, что он не доставил донесение, но за главное он был спокоен — враги уже не узнают партизанскую

тайну.

— С кем живёшь, малец? — с трудом скрывая разочарование, спросил начальник. Он изо всех сил хотел казаться добрым, даже улыбнулся, но лицо его стало ещё багровее и угрюмее.

— Один…

— Давно один?

— Считай, полгода. Как дедушка умер…

— Ну, лады… Переночуешь здесь. А утром мы все твои побасёнки проверим. Гляди, если сбрехал…

Утром Колю отпустили. Возвращался он домой, а из головы не шла мысль — что это начальник полиции такой приветливый стал, когда отпускал — даже кусок хлеба с салом на дорогу дал. Никак не мог понять этого Коля. Не похоже это на него, ведь люди одного взгляда его боятся. Но так и не разгадал Коля эту загадку.

Дома было холодно, как в леднике. Дрова никак не хотели разгораться. Коля дул на них, даже в глазах красно стало, но печку так и не удалось растопить. Последние две спички, которые он бережно хранил завёрнутыми в тряпицу, сгорели без пользы. «Пойду к соседям, возьму у них уголёк и разожгу», — решил Коля. Но прежде чем выйти из хаты, выглянул осторожно из окна. И заметил полицая в шинели, прятавшегося за сараем. «Ага, так вот оно в чём дело! — догадался Коля. — Хотят выследить, куда я пойду и с кем встречусь!»

Из дома он выбрался через окно, которое выходило на огород, потом кустами да буераками кинулся в лес.

В отряде Колю Любичева сначала определили развозчиком продуктов по отрядам, а чуть позже, после выхода из окружения в злынковских лесах, перевели во взвод боепитания. Взводом командовал Анатолий Сергеевич Киселёв, человек мужественный и добрый. Это он первым подал мысль, когда каратели стали преследовать соединение Фёдорова, отправить всех подростков на Большую землю. В число их попал и Коля Любичев. Как ни просился Коля, как ни доказывал, что у него ещё не сведены свои счёты с фашистами, командир был неумолим.

Но не улетел в тыл Любичев. Посидев два дня на партизанском аэродроме, сбежал в отряд. И прямиком к начальнику штаба Рванову.

— Разрешите остаться, товарищ начальник штаба, — обратился он.

— Почему?

— Хочу участвовать в окончательном разгроме немецко-фашистских захватчиков! — бодро выпалил Любичев. Потом добавил просительно:

— Поймите, не могу я учиться в такое время…

— Ладно, иди. Доложи Киселёву, что я разрешил остаться!

Из Крюковки, районного центра Черниговской области, в соединение А. Ф. Фёдорова пробрался связной. Его сообщение потрясло даже бывалых партизан: в тюрьме каратели держат около девяноста арестованных, им грозит казнь. На минувшей неделе более ста советских граждан было расстреляно «за связь с партизанами», как значилось в приказе коменданта. Жизнь остальных заключённых находилась в смертельной опасности. Среди арестованных немало семей партизан, были там жена и дети командира взвода Феодосия Ступака, бывшего председателя Тихоновичского колхоза.

В Крюковке фашисты и их помощники чувствовали себя в безопасности. Крупный гарнизон был вооружён до зубов.

— Именно потому, что фашисты чувствуют себя спокойно, мы и разгромим их, — закончил доклад о предстоящей операции на совещании командиров Фёдоров. — Мы должны доказать фашистам, что им не удастся безнаказанно издеваться над советскими людьми!

Городок ещё спал, когда первые партизаны проникли на его улицы. Разведка снимала часовых и ликвидировала патрули. Однако напасть на тюрьму внезапно не удалось: фашисты уже несколько дней несли усиленную охрану важных объектов. Жаркая схватка разгорелась у комендатуры. На железнодорожном вокзале партизанам пришлось выбивать полицаев едва ли не из-под каждого вагона да из огневых точек, оборудованных по всем правилам военного искусства.

И Коля Любичев был среди тех, кто пробивался к городской тюрьме. Фашисты, засевшие в каменном здании тюрьмы, встретили наступавших пулемётным огнём. Партизаны начинали атаку за атакой, но каждый раз откатывались назад.

— Гранату! Противотанковую гранату! — вскричал Ступак.

Отчаянный смельчак, командир взвода Ступак подобрался почти к самому пулемётному гнезду, откуда гитлеровцы поливали свинцом партизан. Но без гранаты врага не осилить. А пройти к Ступаку было невозможно: один партизан, попытавшийся было подползти, лежал мёртвый, а второй — раненый — стонал за невысоким забором.

Коля уже успел сделать несколько рейдов в тыл за патронами и гранатами и теперь вместе со всеми вёл обстрел тюрьмы. Но пули только крошили кирпич да подымали красную пыль.

Создалось странное положение: Ступак находился в нескольких метрах от пулемёта и ничего не мог с ним поделать, а

его товарищи видели это и были бессильны чем-либо ему помочь…

Коля услышал крик Ступака: «Гранату!», когда собирался вновь ползти за боеприпасами. Ему показалось, что слово это обращено к нему. «Ведь так можно целый день пролежать под огнём, — подумал он, — а фашисты в это время расправятся с заключёнными».

— У кого есть противотанковая граната? — крикнул Коля.

— У меня… Только куда ты, парень… тут мышь не проскользнёт.

— Давай!

До Ступака никак не меньше семидесяти метров простреливаемого пространства. Ни ямки, ни деревца. Голо, как в пустыне.

Коля Любичев пополз. Пули взрывали землю рядом. Он не думал о том, что его могут убить. Он думал, что во что бы то ни стало должен донести гранату — ведь от этого теперь зависит жизнь десятков людей! Время остановилось для него, вся жизнь сжалась до размера этих семидесяти метров. Немец-пулемётчик, наверное, увидел ползущего партизана: пули свистели над самой головой, сбили шапку. Но маленькая фигурка, вжимаясь в землю, медленно продвигалась вперёд. Коля уже хорошо видел Ступака, и слышал, как тот кричал: «В землю, в землю гляди, а не на меня!»

Ступак схватил протянутую ему гранату, приподнялся на локте и швырнул прямо в амбразуру. Взрыв оглушил и его, и Колю. Но в следующий миг Ступак вскочил на ноги и понёсся к железным тюремным воротам, хотя фашистские автоматчики продолжали вести огонь. Ступак стал прикладом сбивать замок. Коля вдруг отчётливо увидел, как, цепляясь пальцами за гладкий металл, Ступак сполз на землю…

— Ура! Ура! — раздался мощный клич, и партизаны поднялись в атаку. Через несколько минут всё было кончено. Из камер выходили люди и обнимали своих спасителей. Обнимали, целовали и Колю Любичева, и он кого-то обнимал и что-то говорил. А из памяти не шёл Ступак, который так смело бросился на врага…

На всю жизнь запомнил Коля, как стояли вокруг своего бездыханного командира партизаны, и среди них было и двое ребят — его ровесников — сыновья Феодосия Ступака…

Войну Николай Любичев закончил на Волыни, когда соединение А. Ф. Фёдорова вышло навстречу наступавшим частям Советской Армии.

— Спасибо, сынок, за верную службу советскому народу, — сказал на прощание Фёдоров.

В армию Николая не взяли — несовершеннолетний. Отправился он домой. На месте родного дома увидел заросшее бурьяном пепелище. Разыскал бабушку: было у неё четверо сыновей и все четверо сложили головы за Родину. Остался Николай жить у неё. Стал работать в колхозе. Приняли его в комсомол. Мало кто знал, что был Николай Любичев в партизанах. Не любил, да и сейчас не любит вспоминать войну.

Поединок

Александр Егорович Кобзенков.

С Сашей Кобзенковым мы дружили чуть ли не с первого дня моего пребывания в отряде. Он помогал мне проявлять плёнки и лишь одно огорчало парнишку — фотокарточки отпечатать было негде. Саша был связным, и о нём партизаны отзывались с уважением: «Этот не подведёт!»

Я фотографировал Кобзенкова часто. А вот сохранился лишь этот снимок! Был он сделан в марте 1943 года. Только что вернулся Кобзенков с задания — под огнём врага доставил донесение в штаб. Прямо в штабной избе я его и сфотографировал.

«Вот и дали мне от порот поворот», — невесело рассуждал Саша Кобзенков, возвращаясь из Глинского отряда. Обидно ему было до слёз. Разве он не заслужил другого к себе отношения?

То ли он устал, то ли расстроился и перестал следить за дорогой, но только Саша заблудился.

Это он понял не сразу: в лесу все деревья похожи и все овраги глубоки. Но когда Саша дважды очутился на месте сожжённой

избушки лесника, он понял: плохи его дела. День клонился к вечеру, зачастил холодный осенний дождь, и редкие жёлтые листья с печальным шорохом облетали с веток. Укрыться было негде, а в заплечном мешке не завалялось даже крошки хлеба…

А день начинался так многообещающе.

В Глинском отряде Саша почти сразу же наткнулся на отца. Бородатый, в шапке-ушанке, скрывавшей почти половину лица, отец показался Саше каким-то чужим. Но стоило ему увидеть сына, как морщинки разгладились и радостная улыбка осветила лицо.

— Сашка, сынок, — тихо произнёс отец и прижал его к себе. — Сынок… — повторил он дрогнувшим голосом.

— Я, батя, — солидно сказал Саша, хотя у самого глаза были на мокром месте. Но он не позволил себе расплакаться — как-никак партизанский связной.

— Вот хорошо, что ты пришёл. Завтра бы уж не застал, уходим на «железку» — на железную дорогу, — сказал отец. Но вдруг, точно вспомнив что-то, удивлённо спросил: — Постой, постой, а как это ты в отряде очутился? Ведь связным запрещено уходить из сёл!

— Принёс срочное донесение. Немцев и мадьяров нагнали — ужас. Дядя Иван сказал, что нужно сообщить вам.

— Вот как? — задумчиво отметил отец и добавил: — Иди, докладывай командиру.

— Батьку, я хочу остаться в отряде. Федька-полицай что-то зачастил в дом. Вынюхивает, где ты. Кажись, догадывается, что ни в какой ты Владимир-Волынский на заработки не уходил…

— Пожалуй, ты прав, сыпок, нужно оставаться, — согласился отец. Он сделал это так просто, без сопротивления, что сердце мальчика радостно забилось.

Но командир Глинского отряда, выслушав донесение и поблагодарив Сашку, оставить мальчика наотрез отказался:

— Нет, Егорович, и не проси, — поставил он точку иа разговоре, когда отец поддержал сына. — Сам видишь, немцы навалились с четырёх сторон. Я не могу взять на свою совесть такое… чтобы дети гибли под пулями. Бои предстоят жестокие. Не суди, Егорыч, меня строго. Сына твоего уважаю, настоящий из него человек растёт, но взять не могу…

— Так он па подозрении у местного полицая…

— С полицаем у нас будет особый разговор. А Саша пока пусть перебирается в соседнее село, подальше…

Брёл Саша всю ночь. Пытался отдохнуть, по быстро коченел под холодным дождём. Понял, что спасение его — в движении. Вспоминал разные приятные довоенные истории. Особенно

любил Саша походы, которые проводил военрук из Осоавиахима. Учились маскироваться и ориентироваться на местности. Ходили в засады и дозоры, словом, постигали военные премудрости. Интересно было…

Но всё равно, как ни поддерживал он в себе бодрый дух, усталость брала своё. Зацепившись за корень, он упал и ушиб колено.

Саша совсем обессилел, когда его подобрали партизаны. Командира пулемётной роты Илью Михайловича Авксентьева Саша знал хорошо — он не раз бывал у них в доме, дружил с отцом.

— Отдохнёшь, тогда обо всём и расскажешь, — мягко, но властно приказал Авксентьев, когда Саша хотел поведать о своих злоключениях.

Когда Кобзенков проснулся, было за полдень. Авксентьев сидел за столом и что-то писал.

— Смотрю я на тебя, Сашок, — сказал Авксентьев, — и думаю: а не остаться ли тебе в отряде? К батьке сейчас, наверное, не проберёшься — гоняет их фриц…

У Саши мгновенно пропало желание рассказывать о том, что произошло с ним в Глинском отряде.

— Об этом я вас и хотел попросить, товарищ командир, — солидно сказал Кобзенков, с трудом сдерживая свою радость.

— Собирайся, поговорим с Попудренко. Как Николай Никитович решит, так и будет!

Попудренко, заместитель командира партизанского соединения Черниговской области, Герой Советского Союза, встретил парнишку приветливо. Расспросил о родных, об отце — знал он его по довоенным временам.

— Куда думаешь определить парня? — спросил у Авксентьева.

— Вторым номером к Ивану Красавину, к пулемёту.

— Хорошая идея! — похвалил Попудренко. Саша вышел из землянки и потому не слышал, как Николай Никитович сказал ротному: — Беречь нужно таких ребят… беречь… Смотри, чтоб понапрасну под пули не лез!

— Ясное дело, товарищ Попудренко. Красавин — опытный солдат.

Саша Кобзенков, от радости не чувствуя земли под ногами, кинулся разыскивать своего друга Володю Казначеева. Если по правде, то Саша давно завидовал товарищу.

Володя был только на полгода старше, а воевал давно.

— Ты б лучше к нам просился, — сказал Казначеев.

— Партизан — такой же солдат, — отрезал Саша. — Приказ командира — закон.

— Верно, — согласился Казначеев. — У пулемётчиков тоже ответственная работа… Да ты не беспокойся, ещё вместе на «железку» сходим. Пулемётчики с нами всегда бывают. Когда эшелон на мину наскочит, особенно, если он с живой силой противника, моё дело кончается. Тут уже задача пулемётчиков — сделать так, чтобы ни один фашист живым не выбрался!

С Ваней Красавиным, молодым, весёлым красноармейцем, Саша подружился быстро. Красавину поправился парнишка, который до каждой мелочи хотел дойти собственным умом, всё норовил сделать своими руками. С пулемётом Сашка готов был возиться с утра до поздней ночи и даже спать с ним в обнимку. Видя такую преданность, Красавин охотно передавал своему второму номеру боевой опыт. Учил, как определять поправку на ветер, как бить кучно, а как ложить пули «веером» — накрывать большую площадь.

Они никогда не расставались: даже спали в землянке рядом. Однажды их подняли среди ночи, приказали собираться. На дворе было так морозно что перехватывало дыхание. Лагерь спал. У командирской землянки собирались партизаны. Когда отдали приказ, всё разъяснилось. Прибывший связной предупредил партизан, что немцы и полицаи двумя колоннами направляются к лесу и завтра намерены атаковать лагерь. Командование отряда решило на дальних подступах к лагерю организовать засады. Нужно было встретить гитлеровцев пулемётным огнём и нанести им как можно больший урон…

Партизан-возница уверенно правил лошадьми. Сани, где лежали, накрывшись тулупом, Саша Кобзенков и Красавин, двигались в середине колонны. Убаюкивающе скрипел снег под полозьями. Красавин быстро уснул. Саша лежал с открытыми глазами и глядел на далёкие мохнатые звёзды. Он с нетерпением ждал боя. Саше предстояло отомстить фашистам за отправленную в концлагерь маму.

Остановились в лесу. Ярко светила полная луна. Было видно, как днём. Слышались тихие команды. Иван ушёл к Авксентьеву за приказом. Саша не терял времени: стащил с саней на снег пулемёт, снял вещмешок Красавина, проверил карабин.

…Они оборудовали позицию на косогоре, который широкой дугой огибала выходившая из леса дорога. Старая кривая сосна, наполовину вывороченная бурей из земли, надёжно прикрывала позицию. Остальные партизаны залегли в ельничке слева от дороги.

Ждать пришлось долго. Все порядком промёрзли, и Саша

собирался уже спросить у Красавина разрешения сбегать в лесок погреться, когда издалека донеслись приглушённые звуки автомобильных моторов.

Пролетела встревоженная сорока, за ней — стая ворон.

Из леска показался тупорылый грузовик «фиат». Он раскачивался на ухабах, опасно кренился, и потому водитель держал небольшую скорость — километров двадцать — тридцать в час. За грузовиком выкатила «легковушка», выкрашенная в белый цвет, потом потянулись сани, полные солдат. Второй «фиат» тащил за собой короткоствольную пушку. Колонна выгибалась на дороге, как змея.

Красавин взялся мягко подводить прицел к головному автомобилю. Саша быстро пробежал пальцами по пулемётной ленте.

Когда раздался сигнальный выстрел, Красавин нажал на спуск, и «максим» загремел, выбрасывая десятки пуль. Видно, водитель автомашины был убит сразу, потому что «фиат» съехал с дороги и покатил напрямик через целину, выбрасывая из-под колёс фонтаны снега. Из кузова, накрытого брезентом, выпрыгивали солдаты, но Красавин бил без промаха. Когда машина, наконец, остановилась, утонув в глубоком снегу, из кузова выскочило два или три автоматчика и кинулись бежать к лесу. Красавин перенёс огонь на хвост колонны и мигом разметал фашистов, ехавших в санях. Застигнутые врасплох, каратели вели беспорядочную стрельбу. Только артиллеристы успели развернуть пушку, но снаряды разорвались да в лесу.

По врагу — огонь!

Красавин короткой очередью уложил прислугу, и пушка замолчала.

— Порядок в танковых частях, — удовлетворённо произнёс свою любимую поговорку Красавин. — Теперь не скоро сунутся.

Но он ошибся. Взбешённые неожиданным нападением и потерями, каратели почти сразу же кинулись в атаку. Они вели на ходу автоматный огонь. Огонь был неприцельный, но такой плотный, что среди партизан появились раненые. Даже сосна, под которой устроились пулемётчики, казалось, жалобно стонала от впивавшихся в неё пуль.

Красавин бил короткими очередями, экономно. Но боезапас быстро таял.

— Патроны кончаются! — предупредил Саша.

— Чёрт возьми! — нажав на гашетку, по не услышав выстрела, крикнул Красавин. Его руки хватали пустые ленты и тут же отбрасывали в сторону. — Беги в лес, Сашок! Там должны быть патроны. Поищи на других санях!

Две тяжеленные коробки с лентами показались Саше лёгкими, как пух. Когда выскочил из оврага, с упавшим сердцем понял: стреляют больше немцы. Только их автоматы бьют так резко.

Саша нёсся по целине, не разбирая дороги.

— Давай, Сашок, давай, дорогой ты мой! — закричал, завидев пулемётную прислугу, Красавин.

В мгновение ока он перезарядил пулемёт. Немцы как раз поднялись в атаку. «Максим» заговорил в руках Красавина, и Саша едва успевал подавать ленту. Чёрные фигурки тут и там падали в снег и больше не поднимались. Вскоре немцы прекратили атаку и откатились назад, в лес.

Партизаны, пользуясь передышкой, отошли — задание было выполнено. Застоявшиеся лошади резво рванули с места. Далеко позади, там, где партизанская засада только что дралась с карателями, громко разорвались мины…

Этот бой Александра Кобзенкова был отмечен первой наградой — медалью «За отвагу».

Немецкий гарнизон в Скригалове сопротивлялся упорно. Однако партизанам удалось разгромить управу. Но у каменного здания, превращённого фашистами в долговременную оборонительную точку, бой затянулся. В полуподвале засело отделение карателей. У них был пулемёт и автоматы, они вели густой огонь, не жалея патронов.

Но больше всего партизанам досаждал пулемётчик. Голову не давал поднять от земли.

— Эти не побегут, — со вздохом сказал Красавин, прекратив бессмысленную трату и без того небогатого боезапаса. — У них один шанс выжить — устоять против нашего натиска. Знают ведь, что им никогда не простят кровь мирных жителей…

— Эх, сейчас бы пушечку сюда! — мечтательно протянул Саша.

Каменное здание высилось на пригорке, подходы к нему были расчищены заранее. Немцы контролировали положение. Конечно, можно было бы дождаться ночи, подползти поближе и забросать амбразуры гранатами. Но день только начинался. Через пару часов наверняка подоспеет к фашистам подмога, и тогда в невыгодном положении окажутся партизаны. Фактор внезапности был утрачен, партизан вынудили залечь в полуторастах метрах от опорного пункта и прекратить бессмысленный обстрел.

— Сейчас самое время уходить! — предложил Красавин. — Управу мы разгромили? Разгромили! Узел связи взорвали? Взорвали! Староста-предатель понёс заслуженное наказание? Понёс! Что ещё нам нужно?

— А эти выйдут и снова начнут с ещё большей жестокостью расправляться со стариками и детьми. Вот тебе и «самое время»! — вмешался в разговор Александр Рассохин.

Рассохин был снайпером, прилетевшим к партизанам с Большой земли. Он славился своей невозмутимостью и метким глазом. Обычно Рассохин охотился за офицерами, когда они

поднимали солдат в атаку. Бил он без промаха.

Но здесь и он был бессилен. Амбразура, откуда вёл огонь пулемётчик, была надёжно прикрыта.

— Чем спорить, ребята, вы лучше подумайте, что можно сделать, — прервал перепалку Авксентьев.

— Если б пулемёт вытащить на удобную позицию, — начал было Красавин.

— Не вытащишь. Здесь у немца каждый сантиметр пристрелян. Шага не ступнешь…

— Мне хотя б во-он к той хате, — не унимался Красавин, раздосадованный непредвиденной заминкой, которая грозила поломать партизанские планы. Метрах в восьмидесяти от здания высился крытый соломой крестьянский дом. Когда партизаны только начали атаку, там находилось несколько полицаев, которых пулемётчики быстро уничтожили. Но партизанам не удалось воспользоваться домом. Из трёх человек, посланных туда с ручным пулемётом, двое были убиты, а третий вполз-таки в дом, но до сих пор не подавал признаков жизни.

— Эту затею ты оставь, — отрезал Авксентьев. — Уже пробовали.

Пока шёл разговор, Рассохин внимательно изучал сквозь прицел снайперской винтовки местность. Он не спеша «прощупал» глазом каждую кочечку, каждый кустик.

— Слушай, Сашок, — сказал он, поворачиваясь к Кобзенкову. — Пойдёшь со мной?

— Пойду! — сразу же согласился Саша, ещё не зная, куда его зовёт десантник.

— Что ты задумал, Рассохин? — спросил командир роты.

— С пулемётом в хату и впрямь не забраться, — начал быстро объяснять план десантник. — С винтовкой — можно. Вы прикроете пас огнём, а мы по-пластунски…

— А парень тебе зачем? Нечего ему под пули лезть! — решительно возразил Авксентьев. — Эта затея ни к чёрту не годится, даже если ты проберёшься в дом. Не успеешь высунуться — немец тотчас решето из тебя сделает.

— Сашок мне нужен, чтоб отвлечь внимание пулемётчика, — спокойно продолжал Рассохин. — Он из второго окошка на палке шапку поднимет, пошевелит. Пулемётчик отвлечётся, а тут и я вступлю в дело.

— Хм, — заколебался ротный. — Как ты, Сашок, готов пойти?

— Конечно!

Они поползли к хате, а взвод открыл частый огонь. Пули, попадая в стены, взбивали красную пыль. Издали казалось, что это поднимается огонь. Немцы не заметили, как в хате, прямо

напротив пулемётной амбразуры появились двое.

Пол комнаты, выходящей двумя окнами на дот, был усеян осколками оконных стёкол и кусками штукатурки. Под стенкой стонал партизан. Рассохин быстро оттащил его в другую комнату, перевязал. Потом стал за пробитую в нескольких местах матерчатую ширму, перегораживающую комнату, и принялся изучать обстановку.

Саша молча наблюдал за его действиями.

Он не сомневался, что теперь Рассохин расправится с фашистскими пулемётчиками.

Снайпер опустился на корточки и осторожно подобрался к Саше под стенку.

— Худо дело. Всё оказалось не так просто, как я себе представлял.

— А что?

— Не успею я и разу выстрелить, как буду убит. Окна совсем рядом, практически одной очередью, учитывая рассеивание, накроет и твою шапку, и меня… Есть, конечно, выход… Риск, правда, велик…

— Какой?

— Можно подняться во весь рост за ширмой и стрелять из глубины комнаты… Но мне нужна опора для винтовки, а её нет… Нужно твоё плечо, Сашок…

— Так за чем остановка? — удивился Кобзенков.

— За тем, что если… словом, дуло пулемёта направлено тебе в грудь. Может, немец чует, что в хате кто-то появился, а, может, что другое, но только за домом фашисты глядят в оба…

Они пробрались в комнату, и Саша поднялся во весь рост за старенькой ситцевой ширмочкой. Рассохин щёлкнул затвором и тоже медленно распрямился.

Саша встал лицом к амбразуре. Сквозь прорехи он видел дуло пулемёта и лёгкий дымок над ним. Ои знал, что стоит немцу уловить движение в хате, и очередь прошьёт и его, и Рассохина. «Стой ровно, не шевелись, приказал Рассохин, упираясь винтовкой в Сашино плечо. — Замри!»

Выстрел оглушил Сашу, и винтовка больно ударила в голову. Второй выстрел, казалось, прозвучал одновременно. Саша увидел, как дуло пулемёта вздёрнулось вверх.

Раздалось громкое партизанское «ура!». Растерявшиеся фашисты были забросаны гранатами…

С тех пор минуло много лет. Разъехались бывшие партизаны кто куда, редкими стали встречи.

Но однажды взял Кобзенков отпуск и отправился не на юг —

к Чёрному морю, а на север — в черниговские и брянские леса. На попутных машинах переезжал из села в село и не узнавал знакомых мест, как ни вглядывался. Новые дома, новые улицы, новые люди. Лишь памятники павшим, как часовые, напоминали о прошлом, о потерях, о боевой Сашкиной молодости.

И с победой вернулся домой

Иван Дмитриевич Васюк.

Фашисты всё туже стягивали стальное кольцо окружения. Июль 1943 года выдался горячим для соединения Героя Советского Союза Попудренко: днём неистово палило солнце, а ночью накаляли воздух пули и осколки снарядов.

— Все плёнки уничтожить, товарищ Давидзон! — приказал командир.

— Не могу! — сказал я Попудренко.

— Если через тридцать минут не будет выполнен приказ — расстреляю! — повторил приказ командир.

Я, конечно, выполнил приказ Попудренко. Не только потому, что приказ — это закон для солдата. Ведь если б мои фотоплёнки попали в руки врага, сотням и сотням людей — детям, жёнам, родным партизан, которые оставались во вражеском тылу, — грозила бы смертельная опасность.

…Когда соединение вырвалось из окружения, Иван Васюк стал первым, кого я сфотографировал после уничтожения плёнок. Мне рассказали, как он ворвался со своим «дегтярем» на позиции фашистов и, стоя во весь рост, поливал свинцом врага.

…Ивана Басюка и ещё одного парнишку выпустили из тюрьмы спустя три месяца. Была весна 1942 года. Снег набух, почернел. Из всех заложников в живых остались только они.

Из Сосницы Иван возвращался домой пешком. Шёл медленно, часто отдыхал. Нестерпимо болела спина: на прощание полицай потянул резиновой плёткой.

Но страха не было и в помине. Сердце переполнялось ненавистью к врагу. «Как только повидаюсь с матерью, — сразу же уйду в партизаны, — думал он. — Я отомщу за тебя, отец!»

А перед глазами возникала — хотел он того или нет — страшная картина отцовской казни…

В Козляничи немцы вступили на следующее утро после ухода регулярных частей Красной Армии. Село словно вымерло. Немцы походили по хатам, забрали кур и одну корову. Жителей не трогали.

Над правлением колхоза вывесили флаг со свастикой. Откуда-то появился хромой мужик в немецкой пилотке и с пистолетом на боку — староста.

Когда в село вошли мадьяры-жандармы и появился хромоногий староста, кто-то, должно быть, донёс на отца. За отцом — секретарём сельсовета — явились ночью. Забрали и Ивана как старшего сына. Мать с тремя младшими осталась в разгромленном доме. По дороге схватили и родного дядю Ивана — колхозного бригадира. Всего набралось человек семьдесят. Погнали в районный центр Сосницу.

— Вы — заложники, — объявил арестованным начальник полиции Добровольский. — Если партизаны убьют хоть одного немецкого солдата, вас расстреляют!

В подвале двухэтажного здания наскоро оборудовали тюрьму. Было тесно, не хватало места для лежания. Но в этом было и спасение ведь на дворе стояли двадцатиградусные декабрьские морозы. Люди собственным теплом согревали друг друга.

— Этого молодого Добровольского я не знаю, — рассказал отец. — А вот его отца распрекрасно помню. До революции тут неподалёку его имение было. Злой был пан с крестьян три шкуры спускал. Не успели мы рассчитаться с паном Добровольским — сбежал с белыми. А теперь сынок выслуживается перед оккупантами…

Не понимал тогда Иван, слушая разговоры старших, какая страшная опасность нависла над ними. Думал, подержат-подержат да отпустят.

Утром с шумом распахнулась дверь темницы.

— Дмитрий Васюк, выходи! Кто ещё тут Васюки? Выходи!

Отец поднялся, обнял сына. Иван ринулся было за ним, но

отец с силой оттолкнул его от двери.

— Чего тебе идти? Ты ещё пацан! Сиди!

Иван припал к окну.

Ночью выпал снег. Он ослепительно блестел под лучами зимнего солнца. Двор был пуст. Когда появился отец, Иван не понял, куда это он так напряжённо смотрит. Но тут из-за угла выехал на коне, украшенном позолоченной уздечкой и серебристыми кистями начальник полиции Добровольский. В правой руке он держал обнажённую шашку.

— Коммунист? — спросил он.

Отец, гордо расправив плечи, стоял в трёх метрах от начальника полиции — босой, без полушубка, со следами побоев на лице.

— Беспартийный коммунист я, — сказал он с вызовом, гордо. — А ты — гад фашистский!

Добровольский взмахнул шашкой…

Матери Иван не стал рассказывать, что видел на тюремном дворе в Соснице. Только прошептал: «Нет у нас больше батьки…»

Дома Иван не задержался. Торопился к товарищам. Их, комсомольцев, осталось в селе четверо. Новости оказались неутешительными. Ещё поздней осенью фашисты сожгли соседние сёла Рейментаровку, Олейники, Гутичи. Партизаны отступили куда-то в брянские леса.

— Вот так и будем сидеть сложа руки? — спросил Иван.

— Что сделаешь, если их сила? — спросил кто-то.

— Драться! Не в открытую, нет. Будем сельскими партизанами. Днём, как все, а ночью — воевать. Для начала возьмёмся устраивать диверсии на дороге.

— Мин-то у нас нет…

— Мы с Мишкой ещё осенью набрели на склад снарядов на речке Убеди. Ямку выкопать, поставить снаряд вверх головкой. Гляди, кто-нибудь и накатит!

В первый раз они отправились на новгородсеверский большак в июне. Иван Васюк был за старшего, с ним двое — Мишка-одноклассник и паренёк из Олейников. Родители у него погибли во время карательной экспедиции, и он жил у бабки в Козляничах. Звали его Семёном, был он какой-то невесёлый и неразговорчивый, но на него можно было положиться. С собой ребята несли два тяжёлых снаряда, сапёрную лопатку и берёзовый веник, чтобы замести следы диверсии.

Июньские ночи коротки — заря с зарёй сходится. Когда вышли из лесу, уже было светло, хотя восток даже не заалел.

Шоссе в оба конца просматривалось километра на два, а

возможно, и дальше.

Иван долго ходил по дороге: всё никак не мог выбрать место.

Наконец, сказал:

— Сюда, ребята!

Дорога была ровная, но всё же колея выделялась. Там и начали копать. Сапёрная лопатка пригодилась. Минут через двадцать поставленные в сотне метров друг от друга снаряды были аккуратно прикопаны, а лишняя земля выметена на обочину.

Заспорили, что делать дальше. Мишка уговаривал немедленно уходить.

— Ведь когда рванёт, так сюда все полицаи посбегаются. Поймают! — убеждал он скороговоркой.

Иван твёрдо стоял на своём — нужно увидеть, как пройдёт операция. Мишка ушёл, а они с молчаливым Семёном залегли в кустах. Выглянуло солнце, пригрело, и они незаметно уснули.

Их разбудил взрыв. Ничего не понимая спросонья, они вскочили на ноги. На дороге, перевёрнутый вверх колёсами, лежал грузовик, из которого доносился истошный визг.

На их счастье, охраны не было. Мёртвый шофёр вывалился из кабины. Радость первой победы не омрачилась даже тем, что подорвалась машина со свиньями, а не с солдатами. Но дело было сделано: они удостоверились, что могут наносить удары по врагу.

Их маленькая группа провела несколько диверсий на дорогах. Полицаи рыскали по селу, обещали в награду за головы «преступников» деньги и коров.

Но однажды очередная вылазка едва не закончилась трагически.

Мишку в последний момент не пустила мать, видимо, заподозрившая что-то.

Семён ходил по сёлам в поисках работы и пропитания. Вот и задумал Иван идти в одиночку.

Как обычно, выбрался из села ночью, когда всё вокруг спало. Разыскал тайник, куда они перенесли с брошенного склада часть снарядов. Вытащил два снаряда, но в последний момент передумал и второй вернул на место. Не оказалось сапёрной лопатки — она осталась у Мишки. «Обойдусь и финкой, — решил Иван. — Дожди лили, земля мягкая».

Наученные горьким опытом, оккупанты старались не ездить по накатанной колее. Они останавливались, едва заметив что-то подозрительное. Немало снарядов было обнаружено и обезврежено.

Чтоб заминировать дорогу наверняка, Иван выбрал съезд с

короткого деревянного мостика, километрах в двух от села. Он надеялся, что первой утром пройдёт машина с мадьярами-жандармами: они заночевали в селе и всю ночь пропьянствовали со старостой. «Фиат» стоял во дворе старосты под охраной полицая.

Он вкопал снаряд, отошёл в кустарник и сел на пенёк. Отсюда ему были видны крайние хаты.

Наверное, Иван замечтался, потому что когда взглянул в сторону села, первые три телеги успели пройти половину расстояния до мостика. Это был обычный продовольственный обоз. Полицаи раз в неделю снаряжали его в райцентр. Обычно обоз сопровождало, двое-трое полицаев, а возницами назначали простых крестьян, насильно мобилизованных захватчиками. «Что же делать?» — растерялся Иван.

Оставить снаряд — значит, подвергнуть опасности ни в чём не повинных людей. В лучшем случае, подорвётся полицай, который едет на первой телеге.

Ещё не подумав о последствиях своего поступка, он рванулся к мостику. Лихорадочно откопал снаряд, подхватил, побежал к кустам, ожидая выстрела в спину. Упал на землю и затаился…

Когда последняя телега скрылась из глаз, Иван перевёл дыхание. Нужно было спешить: вот-вот должна была показаться машина. В старую ямку ставить снаряд было нельзя — уж слишком выделялась.

Начал рыть новую, но стальное лезвие финки сломалось. А вдалеке слышался натужный гул поднимающегося вгору тяжело гружёного грузовика. «Неужели не успею? — лихорадочно билась одна и та же мысль. Уйдут ведь!»

Иван копал то обломком финки, то руками. Пот застилал глаза, а гул всё приближался и приближался.

Иван скатился в кювет, когда машина подходила к повороту на мост. Взрыв разметал автомобиль…

Диверсия на шоссе встревожила оккупантов. Из районного центра приехали жандармы.

Ночью в дом к Васюку кто-то постучал. Подошла мать. Человек прокричал в открытое окно:

— Пусть Иван уходит в лес! Арестовали Мишку, Семёна и ещё ребят… Иван, не долго думая, кинулся через огороды к лесу. Двое суток бродил по самым глухим местам Рейментаровского леса, прежде чем наткнулся на партизанскую заставу. Встретили его неприветливо, долго расспрашивали, откуда, куда и зачем идёт. Когда парнишку отвели на базу, Фёдоров позвал его к себе в землянку. Иван рассказал, как ставил снаряды на дороге, как

арестовали его товарищей и почему он вынужден был бежать.

— Что воевал против фашистов — молодец. Но в отряд не возьму. Здесь у меня не детский сад, — сказал Фёдоров. — Сам говоришь, что есть родственники в дальнем селе. Туда и уходи. А понадобишься — позовём.

Так, наверное, и пришлось бы ни с чем уйти парнишке, если б не встретился ему в отряде односельчанин. Поручился он перед командиром за Ивана.

— Будь по-твоему, — согласился Фёдоров. — Только парня береги. Он и жить-то ещё не начал…

Определили комсомольца Васюка в первую роту, выдали карабин.

— Смотри, Ванюша, без меня на первых порах вперёд не забегай! А то я твой характер знаю: самостоятельность — штука хорошая, но здесь война, — сурово предупредил односельчанин.

Его слова Иван пропустил мимо ушей. Он — партизан и это главное. Теперь — поскорее бы в бой.

Это нетерпеливое желание бить врага едва не кончилось для Ивана плачевно. Взвод, где служил Васюк, участвовал в разгроме вражеского транспорта. Нападение прошло успешно, и партизаны, верные своей тактике, стали уходить. Тем более, что из ближайшего села к немцам уже спешила помощь.

А Иван, не обратив внимания на команду «отходить!», поджидал врага. Он выбирал цель и нажимал и нажимал на курок. Хватился тогда, когда затвор глухо щёлкнул, а выстрела не последовало. Жандармы и полицаи стали окружать партизана, решив, видимо, взять его живым. В самый последний момент подоспели товарищи и отбили парнишку. Разъярённый командир доложил Фёдорову о случившемся. «Всё, — решил Васюк. — Теперь уж точно отправят в обоз, к старикам да женщинам. Буду на кухне пропадать!»

Но Алексей Фёдорович, выслушав доклад командира взвода, подошёл к Васюку и спросил:

— А не страшно было одному остаться? Ведь фашисты по головке бы тебя не погладили…

— Нет, не страшно. Только обида жгла, что ни одного так и не убил. Руки у меня тряслись, товарищ командир, — честно признался Ваня.

Фёдоров не удержался и рассмеялся.

— Значит, так. Винтовку у партизана Васюка отобрать… — Фёдоров сделал паузу и вдруг сказал: — Выдать пулемёт Дегтярёва. Там патронов поболее!

Большего счастья Иван Васюк в жизни своей не испытывал. Ручной пулемёт Дегтярёва! Да он и мечтать об этом не смел!

…Их собрали после завтрака по сигналу тревоги, построили. Партизаны терялись в догадках — ведь ещё накануне было объявлено, что рота получает днёвку. А это значило, что они будут чистить и приводить в порядок оружие, стирать личные вещи, слушать лекцию, а свободное время посвятят отдыху. Заранее радовались — не часто такие дни выпадали на долю народных мстителей.

Вскоре всё прояснилось. Из Гомеля от связного-железнодорожника принесли сообщение: 28 апреля, примерно в полдень, по железной дороге Гомель — Брянск проследует состав из четырёх мягких вагонов. В этом поезде возвращаются на фронт после отдыха в тылу около двухсот немецких офицеров.

Три диверсионные группы были срочно направлены к железной дороге. В той, куда включили Ивана Васюка, был ещё один пулемётчик, девять автоматчиков и минёр-подрывник.

Времени оставалось в обрез.

Первая и вторая группы были обнаружены охраной и сильным огнём оттеснены в лес. Часовые вдоль пути стояли на расстоянии прямой видимости и перекликались между собой. Снять их было невозможно. И день, как назло, выдался яркий, солнечный — человека за километр видно. Кроме того, по линии курсировала автодрезина с двумя пулемётами.

— Задачка… — размышлял вслух минёр. — Глядишь, немцы и впрямь на фронт уедут. Приедут и будут рассказывать, как партизаны им ручкой на прощанье помахали… Не может быть, чтоб не было выхода!

— Даже если мы все вместе поднимемся и кинемся в атаку, поезд пройдёт… Особенно после того, как часовые обнаружили партизан, — невесело ответил второй пулемётчик. — Только в двух местах и можно было подступиться к насыпи. И оба уже опробованы нашими товарищами. Кровью опробованы…

— Можно подойти… вернее, подползти, — неуверенно предложил Иван Васюк. — Далеко, правда, ползти придётся…

— Ладно, говори, — сказал подрывник.

— Места я знаю здесь хорошо, — начал Иван. — Нужно отойти на километр в сторону Брянска…

— Ты что-то путаешь, парень, — не согласился подрывник. — Там же поле, чистое поле. Кустика не сыщешь!

— Есть лощинка. Короткая, правда, но часть дороги можно пройти, пригнувшись… А потом — ползком, по прошлогодней ржи…

— Дело говорит парень, — поддержали Ивана партизаны. — Да и выхода другого у нас нет.

Лощинку миновали быстро. Устали, взмокли. Но главные

трудности были впереди. Прошлогоднюю нескошеную рожь зимними ветрами и снегопадами прижало к земле. Кое-где торчали островки крепкой ржи — тогда партизаны делали передышку. Поле тянулось километра четыре и подходило к самой железной дороге. Будь у немцев какой-нибудь наблюдательный пункт па высотке, они могли бы выстрелять партизан по одному, как зайцев.

Иван полз вместе с другими. Пулемёт мешал, ножки цеплялись за спутанные стебли. Руки кровоточили, глаза заливал пот. Но нельзя было ни на секунду распрямиться — по железнодорожному полотну расхаживали немецкие автоматчики. Они — и в этом заключалась хитрость партизан — не могли и подумать, что кто-то попытается подобраться к колее через открытое поле.

— Быстрее, быстрее, хлопцы, — подгонял уставших людей командир. Ему же было тяжелее всех: кроме автомата он тащил волоком оцинкованную коробку из-под патронов, куда набили шестнадцать килограммов тола. Это и была мина.

До двенадцати оставалось семь минут, когда партизаны залегли вдоль полотна. Вперёд поползли только подрывник и автоматчик.

А часовые, между тем, шагали навстречу друг другу. Уже был слышен издалека перестук колёс и шипение выпускаемого из котла пара. Иван не сводил глаз с двоих, распластавшихся под насыпью. Если часовые сделают навстречу друг другу ещё два десятка шагов, всё пропало.

Но немецкая пунктуальность выручила смельчаков. Каждый из часовых остановился именно там, где предписал им разводящий. Какие-то секунды они стояли, глядя друг на друга, и разошлись в разные стороны.

Минута была отпущена минёру на установку «сюрприза».

…Поезд катил медленно, хотя тянул всего лишь четыре пассажирских вагона. Паровоз толкал впереди платформу, гружёную мешками с землёй. В каждом тамбуре стояли автоматчики, замыкала состав платформа с зенитными пулемётами.

Когда взрыв подбросил паровоз, Иван вскочил на ноги и, подхватив пулемёт, побежал к насыпи. Упал, мгновенно установил «Дегтярёв» и открыл огонь с близкой дистанции. Его примеру последовали и остальные. Вскоре вагоны напоминали решето. Ни один гитлеровский офицер не доехал до фронта.

Нагруженная богатыми трофеями, группа возвращалась на базу. Со стороны железной дороги доносилась частая стрельба — это запоздалая охрана в бессильной злобе расстреливала… чистое

поле.

За эту операцию Иван Васюк был награждён орденом Отечественной войны I степени.

Таким был один из многих боёв юного партизана-пулемётчика Ивана Васюка. Но далеко не всегда операции заканчивались успешно и без потерь. Ведь партизаны имели дело с врагом вооружённым, умным, коварным. И сегодня, спустя тридцать с лишним лет, отчётливо помнит Васюк тот июльский день 1943 года в злынковских лесах, когда партизаны пошли на прорыв. Много дней и ночей отбивались они в окружении. Кончались патроны, не оставалось лошадей, и раненых пришлось нести на носилках. Всё рассчитали гитлеровцы: перекрыли все выходы из леса, заминировали тропы, окружили колючей проволокой собственные позиции, каждый метр земли держали под прицелом. Но одного не учли — любви к своей Родине у бывших школьников, колхозников, рабочих, учителей, ставших партизанами.

На плечах врага ворвались народные мстители во вражеское расположение. Был среди них и Иван Васюк со своим верным другом пулемётом-«дегтярем». Он вбежал на свежую насыпь и, стоя, поливал свинцом разбегавшихся в панике фашистов. Не думал Иван Васюк об опасности, подстерегавшей его. Он мстил врагу за отца, за сожжённый дом, за своих товарищей, которые навсегда остались лежать на лесных, нагретых солнцем полянах…

…Раз в году, в День Победы, достаёт Иван Васюк свои ордена и медали. Кровью омыты партизанские награды. А светятся они мужеством, бесстрашием и любовью к Родине.

Красное знамя

Нина Григорьевна Созина.

С Ниной Созиной я впервые встретился в Белоруссии, под деревней Оревичи. Партизаны Ковпака только что разгромили фашистскую карательную экспедицию. Настроение у всех было приподнятое. Комиссар соединения Семён Васильевич Руднев сказал: «Товарищ Давидзон, вы непременно сфотографируйте Нину Созину. Смелая девушка!»

Вид у Нины был совсем не геройский, а самый что ни есть обыкновенный. Даже автомат, казалось, случайно попал к ней в руки.

Но минуло не так уж много времени, и я убедился — Нина действительно отважная партизанка.

Отец ушёл на фронт в последних числах июня 1941 года. В Путивле, где находился призывной пункт, было жарко, солнце раскалило, как сковороду, голую, без единого деревца площадь. Мать не плакала, но на неё страшно было смотреть. Нина как могла успокаивала её. Да разве успокоишь, когда за матерью, как цыплята за наседкой, выстроилось четверо — родные братья и сёстры Нины. Старшим среди них был двенадцатилетний Женька.

Себя Нина считала взрослой: в комсомол поступила, правда, прибавив себе год. Отца Нина больше не видела. Когда немцы оккупировали Путивль и её родное село Линово, докатился слух, что отец лежит в госпитале, в плену, Хуторе-Михайловском. Мать мигом собралась туда, но вернулась едва жива — фашисты всех раненых сожгли… Лесник Георгий Иванович Замула, старинный друг отца, крепко обнял дрожавшую от потрясения Нину и сказал:

— Отомстим и за него, доченька…

Замула давал Нине Созиной и её подруге — дочери сельского учителя из Юрьева Люсе Стоборовой — задания: разведать, где у немцев укреплённые точки, сколько в сёлах полицаев. Иногда девушки расклеивали листовки со сводками Совинформбюро — у лесника сохранился приёмник и он на слух записывал последние известия с фронта.

Фашисты зверствовали, устанавливая «новый порядок». Расстреливали коммунистов и комсомольцев, жгли дома сельских активистов. Чувствуя свою безнаказанность, обнаглели полицаи — уголовники, изменники Родины, разный сброд.

Комсомольцы решили действовать. Кроме Нины Созиной в подпольную комсомольскую группу вошли Люся Стоборова, Соня Чаусова, Сергей Жулев, Гриша Юнык и двое молодых солдат из окруженцев. Собирались у кого-нибудь на квартире, обсуждали положение и намечали, где и как навредить оккупантам. Очередное заседание проходило в сарае у Юныка. Один из солдат наблюдал за улицей, а остальные расселись кто где.

Первой взяла слово Нина.

— Товарищи комсомольцы! Мы, конечно, кое-что делаем — листовки расклеиваем, портим фашистские автомобили, два для назад подожгли склад с продовольствием. Этого недостаточно, мы должны сделать что-то такое, чтобы и фашисты поняли: советская власть живёт и действует! Скоро 7 ноября, двадцать четвёртая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Предлагаю вывесить красные знамёна на школе и на здании правления колхоза. — Она сделала паузу, окинула взглядом товарищей и выпалила: — А также предлагаю, ввиду особых обстоятельств, поднять советский флаг над зданием управы!

От удивления все словно онемели. До такой дерзости никто не додумался. Дом, где обосновались полицаи, люди старались обходить стороной, окольными улицами. А тут вывесить красный революционный флаг над фашистским логовом!

— Это вы, Нина, загнули, — нарушил молчание солдат.

— Ничего не загнула, — вспыхнула от обиды Нина. — Сама предложила, сама и буду выполнять.

— Дело не в том, кто будет выполнять, — примирительно сказал Сергей Жулев. — Мы — не диверсанты-индивидуалисты, а комсомольская группа. Будет выполнять тот, кому поручат. Правильно, товарищи?

— Верно. Чего там! Мы здесь не безрассудным геройством бахвалиться собрались, — вмешался молчавший до сих пор Юнык.

— Никто и не собирается хвастать, — обиделась Нина. Но спохватилась: ведь так и впрямь могут запретить. Она поспешила сказать: — Ребята, я всё-всё продумала, обязательно получится у нас!

И она быстро стала объяснять свой план.

У Нины дома хранилось большое бархатное полотнище — колхозное знамя с нарисованными золотой краской серпом и молотом. Отец принёс его перед уходом на фронт.

Нина аккуратно сложила полотнище и спрятала под ватной курткой. Мама возилась с малышами, и только Женька, брат Нины, видел, как она готовилась.

— Я пойду с тобой, — сказал он и принялся натягивать сапоги.

— Сиди дома! Я скоро вернусь.

— Нинка, не возьмёшь — всё равно подгляжу за тобой.

Нина знала характер брата — упрямства ему не занимать. Знала она и другое — на Женьку можно положиться, паренёк он смышленный и не из трусливых.

— Ладно, только выйди из дому незаметно от мамы. И, чур, слушаться меня. Понял?

— Чего проще, — рассмеялся Женька. — Ты и дома командуешь! Ноябрьская темень поглотила их, едва захлопнулась дверь. Моросил дождь, в голых деревьях завывал ветер. Было так тихо, как будто всё живое вымерло на сотни километров вокруг. Нина поёжилась от неприятного ощущения одиночества. Задержалась на крыльце, прислушалась. Невольно вспомнила мирное время: повсюду горят фонари, громко разговаривают люди, из клуба доносятся звуки баяна. Теперь даже собака не тявкнет — фашисты их постреляли в первый же день «нового порядка».

— Иди за мной, — прошептала Нина. — Сначала к Соне Чаусовой.

Под ногами чавкала размякшая земля. Вдоль забора идти совсем плохо — ямы да бугорки, которых днём не замечаешь, попадаются на каждом шагу. Того и гляди ноги поломаешь.

— Ой, Нинка, — запричитала Соня, впустив их в избу. Я уж

не знала, что и подумать, немцы и полицаи так и ходят, так и ходят.

В комнате уже собрались остальные участники операции. Договорились, как действовать на случай провала. В прикрытие назначались два красноармейца — у них были немецкий автомат и винтовка.

— Стрелять в самом крайнем случае, — предупредила Нина. — Мы должны действовать как можно тише. Главное для нас — вывесить знамя. Гриша, — обратилась Нина к Юныку, — таблички написал?

— Наилучшим образом, — рассмеялся юноша. — Даже череп с костями нарисовал.

К зданию полиции подобраться оказалось труднее, чем предполагали.

В село прибыли важные «гости» из Путивля, и среди них — помощник коменданта города, который прославился жестокостью по отношению к мирному населению. Фашисты усилили охрану.

— Вот так штука! — прошептал Сергей Жулев. — Кажись, нашла коса на камень. Ничего не выйдет!

— Должно выйти! — сказала Нина.

— Разве что пристукнуть часового, — предложил красноармеец.

— И сразу раскрыть наши планы! Я пойду одна. Проберусь в соседний двор, там сарай примыкает к управе.

Спорить было некогда, и Нине отдали длинный — метров семь-восемь — кусок телефонного шнура, — Сергей отрезал его от линии немецкой связи, — фанерную табличку с надписью: «Стой! Заминировано!» и перочинный нож — на всякий случай.

Нина направилась кружным путём. У сарая лежала поленница дров, по ней Нина забралась на крытую толем крышу. Было скользко из-за мокрого снега. Нина прислушалась, но ничего подозрительного не уловила. Осторожно ступая по крыше, Нина пошла к вырисовывавшемуся высокому коньку крыши здания управы. Мешала проволока, но её некуда было засунуть и пришлось нести в руках.

Ещё днём Нина несколько раз подбиралась к дому с разных сторон. В одном месте она заметила плохо заделанный досками пролом в крыше, оставшийся ещё со времени боёв.

Нина дёрнула посильнее, доска громко скрипнула. Нина даже присела от страха. Но часовой ничего не услышал, и Нина пробралась на чердак. Там было сухо и остро пахло пылью. Нина едва сдерживалась, чтобы не чихнуть. Снизу, из комнат, доносились пьяные голоса, крики, звуки музыки — играл

патефон.

Нина выглянула в слуховое окно. И отпрянула назад — прямо под ней, внизу, переминался с ноги на ногу часовой. Ему было холодно под дождём. Немец, вытягивая шею, заглядывал в освещённое окно, за которым блаженствовали более везучие сослуживцы. «Если он поднимет голову, я пропала», — подумала Нина, когда выбралась на крышу. Нина задержалась, понадёжнее привязывая красное знамя к металлической мачте на самом коньке крыши. Потом расправила полотнище. Табличку с надписью: «Стой! Заминировано!» она привязала телефонным проводом к основанию мачты, а свободный конец провода потянула за собой, на чердак. Долго шарила в темноте, пока наткнулась па обломок чугунной кухонной плиты. Закрепила конец провода понадёжнее, а плиту засунула поглубже под срез крыши и привалила разным хламом.

На следующий день только и разговоров было в селе о красном знамени. Люди передавали новость, и лица их светлели. Если поблизости не видно было полицаев, громко смеялись, рассказывая, как свалился с крыши незадачливый немецкий прислужник, собравшийся было сорвать флаг. Он не рассчитал рывка, не устоял на скользкой крыше и грохнулся вниз. Фашисты стали хватать людей прямо па улице. Пошли повальные обыски, всех подозрительных забирали и бросали в подвал, переоборудованный под тюремную камеру.

Арестовали и Нину. «Провал? — подумала она. — Но почему?»

В подвале было множество незнакомых людей — от мальчишек до стариков, никого из комсомольской группы она не увидела. Нина догадалась: немцы ничего не знают.

Допрашивал её немец с серебряными нашивками. Спросил, где была в ночь на 7 ноября, комсомолка ли, где отец. Она отвечала, что ночь провела дома — где ещё в такое время быть. До комсомола не доросла — ещё только четырнадцать будет. Отец как ушёл в конце июня, так ничего о нём они и не знают.

Наутро её выпустили…

В отряд к Ковпаку Нина Созина попала в мае 1942 года. В селе ей оставаться было опасно — немцы арестовали двух членов подпольной группы, разыскивали остальных.

…На лесной опушке, в стороне от расположившегося на отдых отряда, собрались командиры — Панин, Войцехович, Цымбал, оба брата Замула. Распрашивали Нину придирчиво и внимательно выслушивали ответы. Нина рассказала, что стреляет из винтовки и ручного пулемёта — научилась ещё в школе в кружке Осоавиахима, умеет перевязывать и не боится ночного

леса.

— Это уж точно, — подтвердил лесник Георгий Иванович Замула. — Сколько раз, бывало, назначу встречу для передачи сведений, а время Нина выбирает сама — самую глухую пору ночи. Ни разу не заблудилась, а чтоб опоздала или не явилась — такого не. припомню. Жалко мне расставаться с таким верным и надёжным помощником…

— Это ты придумала под флагом табличку о минах укрепить? — спросил Цымбал.

— Я… так было надёжнее.

— Молодец! Ковпак до сих пор смеётся, когда вспоминает, какой переполох твоя табличка среди полицаев наделала. Но, дивчина, — Цымбал стал серьёзным, и веселье как рукой сняло, — помни: мы воюем не на жизнь, а на смерть. Самое важное для партизана — всегда и во всём помогать друг ДРУГУ, быть уверенным друг в друге!

В большом селе Старая Гута был укреплённый пункт захватчиков: вооружённый до зубов немецкий гарнизон и полицаи. Отсюда, из Гуты, оккупанты и их пособники совершали карательные рейды по всему району. Ковпаковцы задумали разгромить это осиное гнездо.

Нину Созину брать не хотели. Ковпак, узнав в ней землячку, строго-настрого приказал:

— Нечего детей в бой бросать. На то есть взрослые, чтобы таких, как она, защищать.

Командир взвода только пожал плечами и ничего не ответил: был он, конечно, согласен с Ковпаком, но только не знал, как это сказать Нине. Девушка просто рвалась в бой. И на то была причина.

Во второй роте, куда определили Нину Созину, первой её встретила молодая женщина с совершенно седыми волосами. Ульяна Голубкова, бывшии председатель Чернобровского сельсовета, была молчалива- и держалась особняком. От смерти её спасли ковпаковцы во время рейда по районам Путивльщины. Историю этой женщины в отряде знал каждый.

Голубкова не успела эвакуироваться. Когда пришли немцы, кто-то выдал её. После пыток и надругательств фашисты бросили женщину в подвал путивльского монастыря, и через несколько дней повели на расстрел. Пуля пробила ей грудь, но она осталась жива. Когда очнулась, вокруг были только мёртвые. Голубкова нашла в себе силы подняться. Монастырь стоял на самом берегу Сейма, замёрзшую речку по льду босиком перешла. Возле

Новое пополнение учится стрелять.

Ильино-Суворовки её подобрали колхозники, перевязали раны, надёжно спрятали…

Только успел взводный произнести первые слова: «Командир запретил тебя брать на операцию…», Нина вскочила на ноги. Лицо её исказилось, она едва удерживала слёзы, по глаза просто молнии метали. Срывающимся голосом она закричала:

— Как вы не понимаете! Я поклялась отомстить за Голубкову. Отомстить фашистам!

— Тогда иди сама к Ковпаку, — сказал взводный и отвернулся — он просто не мог видеть детских слёз. А Нина так напоминала ему дочку, которая осталась в дальнем селе.

Нина кинулась искать Ковпака. Что она там говорила Сидору Артемьевичу, осталось тайной, по только Ковпак разрешил идти на Старую Гуту.

На операцию отправились, едва стемнело. Впереди пробиралась разведка. Ночной лес глухо шумел. Партизаны старались идти шаг в шаг — ночью легко потеряться.

К Гуте решено было подойти в предрассветный час, когда даже часовые теряют бдительность.

Рядом с Ниной шагала Люся Стоборова. Она попала в отряд двумя месяцами раньше, и подруги не расставались теперь ни на

минуту. Люся, как опытная партизанка, помогала Нине, познакомила с бойцами второй роты. По цепочке передали приказ остановиться. Командиры отправились в голову колонны на совещание. Нина и Люся присели рядышком. Ныли уставшие ноги. Нину слегка знобило — то ли от предутреннего холодка, то ли от страха, нет-нет да заставлявшего вздрагивать от каждого шороха. Нина вдруг представила себе, как она побежит в атаку, а навстречу ей застрочит пулемёт. «Нет, меня не могут убить!» — горячо зашептала сама себе Нина и наклонилась к подруге.

— Ты боялась в первый раз? — спросила она.

— Ой, ещё как! — призналась Люся. — Даже стрелять не могла — пальцы судорогой свело.

— Приготовиться! — покатилась по колонне команда. — Сигнал атаки — красная ракета!

Светало. Лес наполнялся птичьими голосами. Ничто не напоминало о войне. С опушки, где залегли партизаны, просматривались крайние хаты села. Туда уже уползли разведчики, которые должны были снять часовых. Ещё не топились печи, петухов же, которые обычно в это время криками приветствуют наступающий день, оккупанты давным-давно съели.

Слева и справа от Нины лежали её товарищи из второго взвода. У них — автоматы ППШ, лишь у Нины с Люсей были карабины.

«Как только увижу красную ракету, — решила Нина, — сразу вскочу и побегу!»

— Ты, Нинок, не спеши, — точно прочитав её мысли, сказала Люся. — Взводный приказал, чтобы я за тобой приглядывала. Ведь это твой первый бой.

— Ты за собой лучше смотри! — обиделась Нина. Она терпеть не могла никаких скидок на свой возраст. Из-за этого-то ей в детстве нередко доставалось от родителей, когда она ни в чём не хотела отставать от мальчишек…

— Ой, Нин, да не сердись ты на меня! Я ведь как лучше хочу, — поспешила рассеять обиду Люся Стоборова. — Я ведь по себе…

Но закончить Люся не успела. Глухо грохнула граната, за ней — другая, и тишину разорвали выстрелы. Прочертила светлое небо красная ракета. Партизаны вскакивали на ноги, и, спотыкаясь на кочках да рытвинах, бежали в направлении села. Нина устремилась к крайним хатам, спешила, всё боялась отстать. Выстрелы гремели далеко. Они миновали крайние усадьбы, не встретив ни одного полицая или немца.

Нина с несколькими партизанами подоспела в центр, когда там уже выбивали последних засевших в школе немцев. Из

наполовину заложенных кирпичом окон выбивался чёрный дым. Но из двух амбразур, пробитых почти на уровне земли по углам здания, ещё яростно строчили пулемёты. Партизаны укрывались за хатами и вели огонь из автоматов.

— Помоги-ка, дочка, — обратился к Нине партизан, лицо которого почти до самых глаз заросло седой клочковатой бородой. — Да нет, не руку, гранаты помоги связать, — досадливо сказал он, когда Нина поспешно бросилась к его раненой руке, наскоро перетянутой какой-то тряпицей. Тут только Нина увидела две гранаты, которые бородатый партизан пытался связать вместе. Она быстро несколько раз обкрутила ручки у самого основания куском протянутой ей верёвки, и партизан почти выхватил связку из её рук. Он зачем-то снял и бросил под забор фуражку с красной звёздочкой, пригладил бороду и быстро-быстро пополз к школе. Нина увидела, как он взмахнул рукой и тут же оглушающе — даже уши заложило — рванул взрыв. Пулемёт умолк. Партизаны рванулись к школе.

Нина замешкалась, а когда ой удалось справиться с волнением, бой закончился.

Партизаны подбирали раненых. Нина подошла к повозке, где лежал Лепя Чечеткин, молодой, храбрый парень. В лице его не было ни кровинки. Глаза его были закрыты, он стонал и просил пить. Нина принялась было откручивать крышку фляжки, но врач сказал сурово: «Нет, ему нельзя! Из автомата, прямо в живот…»

Слёзы затуманили глаза Нины, она повернулась и пошла, не разбирая дороги.

Школа стояла в старом парке, тополя были высокими-высокими и, казалось, упирались в самое небо. Трава под ногами была ещё мокрая от росы. Нина опустилась на пенёк, карабин зажала между коленей. Бессонная ночь, волнения, умирающий Лёня Чечеткин, с которым она разговаривала перед выходом на операцию, — всё это навалилось на девушку непреодолимой тяжестью. Не было сил, чтобы подняться и идти разыскивать свою роту. Она вспомнила маму, сестёр. Она даже не попрощалась с ними, когда уходила в отряд. Оставила записочку, в которой просила не беспокоиться. Утро разгоралось ярче, громко пели птицы над головой. Словно и не было войны, крови, страданий.

Как вдруг неподалёку что-то зашумело — кто-то продирался сквозь кусты. Нина увидела, как среди деревьев мелькнула фигура в зелёной шинели. Она упала на землю. Немец бежал прямо на неё, постоянно оглядываясь. Нина тщательно, как учили в кружке Осоавиахима, прицелилась, задержала дыхание и затем плавно нажала на курок. Приклад больно ударил в плечо. Немец споткнулся и упал.

Нина, всё ещё не веря, что немец мёртв, лежала в траве, судорожно сжимая карабин и не спуская с упавшего глаз. Она ждала, что на выстрел прибежит кто-то из товарищей, но никто не спешил к ней на помощь. Тогда Нина, держа карабин наизготовку, поднялась и пошла к немцу. Она увидела немецкого солдата с чёрными маленькими усиками. Рядом валялся автомат с коротким прикладом. Нина впервые видела так близко убитого врага. Может быть, ещё час назад он стрелял в партизан и это его пуля попала в Лёню. Значит, вот какой он — миг расплаты…

Нина забрала автомат и отправилась искать своих.

Потянулись похожие один на другой дни в отряде. Уходили и возвращались с операций партизаны. Нине приходилось делать всё — и в дозоре ночью бывать, и на кухне работать, и в госпитале дежурить. Всё смешалось: спали днём, а ночью бодрствовали. Но в бой Нину не брали, и она совсем расстроилась и уже собралась снова идти к Ковпаку, да командир отделения Саша Поздняков перехватил её на полпути.

— Куда это ты собралась? — спросил он.

— К командиру или к комиссару, — выпалила она с вызовом.

— В бой будешь проситься?

— Буду!

— Ох, и горяча ты! Видать, не давал тебе батько берёзовой каши в детстве!

— Какой ещё каши? — не поняла Нина.

— Пороли мало тебя, это уж как пить дать! — улыбаясь, сказал Поздняков. — Чтоб не лезла поперёд батька в пекло!

— Нет у меня отца, фашисты убили, — сдавленным голосом сказала Нина.

— Ну, ладно, — смутился Поздняков. — Ты на меня того… не сердись… Не знал я… А иду от Ковпака… Пойдёшь со взводом, село тут одно будем брать…

Нина готова была расцеловать Позднякова за такую радостную весть.

Но прежде чем она пошла с отрядом на операцию, случилось событие которое окончательно определило её дальнейшую судьбу.

В отряд пробрался её брат Женька и принёс печальную весть о судьбе близких. Он рассказал, что после ухода Нины в отряд им пришлось скрываться по сёлам, ночуя каждую ночь у новых людей. Фашисты разыскивали оставшихся на свободе членов подпольной комсомольской группы и всё-таки напали на след родных Нины Созиной. Мать и младших сестёр и брата схватили и посадили в тюрьму. Женьке каким-то чудом удалось обмануть охранника и убежать…

Женька был тощ и голоден, на лице — кровоподтёк. «Старший полицай ударил, когда я не захотел сказать, где ты, — объяснил брат. — А как ты думаешь, меня в бой будут посылать?»

Нина обняла братишку, приласкала. Что она ему могла ответить? Сказать, как трудно приходится здесь даже взрослым? Но война не делала различия по возрастам: рядом со взрослыми воевали такие же мальчишки, как Женька. Нина по себе знала, как их берегли, старались пореже давать задания — лишь в самых крайних случаях. Но обстановка заставляла рисковать, потому что лучшими связными и разведчиками нередко оказывались подростки. Им легче было проникать в самое логово врага и узнавать ценнейшие сведения. И сколько партизанских жизней сохранили именно мальчишки, которые выводили бойцов безопасными тропами прямо в тыл врага. Правда, с каждым днём и юным партизанам становилось труднее действовать: фашисты поняли, что на советской земле против них воюют все — от мала до велика.

— Конечно, возьмут, Женька, — пообещала брату Нина.

Вечером у костра Нина чинила ветхую одежонку брата. Не заметила, как рядышком опустился на пенёк Семён Васильевич Руднев, комиссар объединённого Путивльского отряда. Поздоровался и замолчал надолго — смотрел, как Нина ловко орудует иголкой. Думал о чём-то своём, и Нина боялась его потревожить.

— Дети вы у нас совсем… дети, — задумчиво произнёс Руднев. — А вот приходится воевать наравне со взрослыми. Устроила братишку?

— Спит без задних ног. Всё допытывался, возьмут ли его в бой. Я сказала — возьмут…

— Лучше б, конечно, чтобы вы не знали никогда, что такое бой… Но может случится… и его помощь понадобится.

У Руднева были добрые, отцовские глаза. Комиссар относился к Нине, как к дочери. Нина чувствовала его заботу и поддержку, и в трудную минуту делилась своими сомнениями и переживаниями. Высокий, немного нескладный и, на первый взгляд, суровый, Руднев был любимцем партизан. Нина всё хотела о нём узнать побольше, да расспрашивать было как-то неловко, а сам комиссар не слишком любил рассказывать о себе. Лишь значительно позже, после войны, прочла Нина слова Ковпака о своём боевом побратиме, Герое Советского Союза, сложившем голову в борьбе с врагом:

«17 октября 1941 года пришла разведка из партизанского отряда Руднева. Умно поступил Руднев, решив привести свой отряд к нам. Пора объединяться! А с Рудневым у нас дело пойдёт

на лад. Не сомневаюсь. Ведь знаю я Семёна Васильевича давно и очень уважаю. Родом он из большой многодетной семьи батрака из села Берюх. Бедность заставила летнего паренька оставить отчий дом и в 1914 году уехать в Петроград. Поступил учеником на Русско-Балтийский завод, где работал старший брат. Когда грянула Великая Октябрьская социалистическая революция, вступил в красную дружину. Вместе с братом штурмовал Зимний, дрался с корниловцами. Тогда же был принят в партию большевиков…»

На военный совет собрались командир соединения С. А. Ковпак, начальник штаба соединения Г. Я. Базима, М. Н. Павловский, комиссар соединения С. В. Руднев.

Засиделся в ту ночь у костра Руднев. Расспрашивал Нину о матери, об отце. Сказал, что ему легче — в партизанском отряде вся его семья. Пообещал разузнать о судьбе родных Нины.

В те дни второй взвод в составе роты Замулы готовился к операции на хуторе Лукашенков, где располагались каратели, которые терроризировали жителей окрестных деревень. Да и партизаны успели почувствовать па себе неожиданные удары фашистов.

Тогда и было решено разгромить опорный пункт врага. Задача сама по себе не из лёгких. Выманить немцев из села не удавалось, а там фашисты укрепились прочно. Расставили мины-ловушки на тропах, ведущих к хутору, доты простреливали подходы, каменные здания представляли грозную крепость, которая могла вести круговую оборону.

Первая атака едва не захлебнулась. Два станковых пулемёта выкашивали перед собой всё живое. Невозможно было голову

оторвать от земли. Фашистский гарнизон знал: спасения ему ждать неоткуда, и потому сопротивлялся ожесточённо, каждый метр приходилось преодолевать с боем.

Нина лежала за толстой, выгнутой наподобие лиры, сосной. Пули отсекали от дерева острые ранящие щенки. Стреляла она редко, берегла патроны. Амбразуры едва просматривались, прикрытые высокой травой и кустарником.

Наверное, минуло не менее часа — солнце уже прорвалось сквозь тучи, прежде чем первым партизанским отделениям удалось пробиться на хутор. Гранаты делали своё дело, и всё реже огрызались пулемёты. Вот остался один — в школе. Нина с Люсей подобрались к самому фундаменту. Пули свистели над головой, не причиняя вреда. Но проникнуть в школу, превращённую в дот, было невозможно. Единственная дверь была заложена изнутри и пули лишь крошили её.

— Сколько же мы здесь будем сидеть сложа руки? — расстроенно спросила Люся, наклонившись к самому уху Нины.

— Если бы хоть одна граната была, — сказала Нина. Она проверила автомат (он достался ей после первого памятного боя за Гуту), но это оружие было бесполезно в данной ситуации.

Тут Нина увидела, как от плетня отделился человек с гранатой в правой руке. Когда он приблизился, она узнала Федю Алешина из второго взвода.

— Ложись! — страшно закричал он, и подруги прижались к земле, ожидая взрыва.

Грохнуло так, что задрожала земля. Ещё не рассеялся дым, а Нина вскочила на ноги и с автоматом в руках рванулась к тому месту, где ещё минуту назад была крепкая, вся исклёванная пулями дверь. Теперь двери не было, вход зиял чёрным провалом. Нина шугнула в темноту и замерла на месте от неожиданности — она ничего не видела перед собой. Кто-то вдруг толкнул её в плечо, мимо неё с криком: «Бей гадов!» пронёсся Федя Алёшин. Он толкнул ногой дверь в классную комнату и яркий свет рванулся навстречу Нине, и она бросилась по коридору вправо. Вдали мелькнула неясная фигура фашиста, и Нина нажала на спуск. Автомат гулко загрохотал в коридоре.

Немец упал, а Нина теперь уж сама дулом автомата толкнула ближайшую дверь. Она раскрылась. Это, по-видимому, была столовая: длинные столы, скамьи вперемешку со стульями, большой портрет фюрера и в беспорядке разбросанные по полу алюминиевые миски. Из столовой вела дверь куда-то влево, и Нина, спотыкаясь о гремевшие под ногами миски, побежала туда. Вдруг яростный огонь сразу нескольких автоматов раздался из-за окна, с улицы. Нина подбежала к окну и увидела, как несколько

гитлеровцев, спрятавшись за поленницей дров, встретили свинцом наступавших партизан. Кто-то упал наземь да так и остался лежать.

Нина выставила дуло автомата в окно и, прицелившись, дала длинную очередь. Трое фашистов даже не успели обернуться, но четвёртый успел резануть по окну, и острые осколки стекла впились в лицо девушки. Но Нина не отпрянула назад — она поймала врага на мушку и снова нажала спуск.

— Ну гляди! Да ведь он в тебя в упор стрелял! — раздался рядом хриплый голос.

Нина увидела Федю Алёшина. Лицо его было в крови, кровь была на руках, но он яростно отмахнулся, едва Нина хотела достать бинт.

— Некогда! Потом! Нельзя им дать уйти! — закричал Алёшин и побежал в ту дверь, что вела влево из столовой.

Откуда-то из угла выскочил немец и ринулся к окну. Рама была закрыта, немец замешкался, протискиваясь наружу. Подоспевший Алёшин одним выстрелом уложил его на пол. Федя побежал дальше, а из рук упавшего фашиста вывалился какой-то свёрток. Нина машинально подняла его и увидела готические буквы на шёлковом полотне. Сунула свёрток под стёганку и поспешила на звуки пальбы.

Но бой уже кончился. Гарнизон перестал существовать. Отовсюду к школе стягивались партизаны. Нина увидела Позднякова. Вспомнила, что где-то затерялась Люся Стоборова.

— Люсю не видели? — весело спросила она, даже не подозревая, какой удар ждёт её.

— Нет больше Люси, погибла… И Замула тоже… Женя твой ранен…

Таким был один из многих боёв партизанки Нины Созиной.

За этот бой отважная девушка была награждена орденом Красного Знаме ни. А в свёртке, который Нина захватила в школе, оказалось знамя фашистской части…

Более года провела в партизанском отряде Нина Созина. С боями прошла она в рядах ковпаковского соединения по Западной Украине, Белоруссии, была дважды ранена, но снова возвращалась в строй. Когда же рота удерживала переправу через реку Припять, возле Нины Созиной разорвалась граната…

Нину отправили в Москву, в госпиталь. Руднев написал записочку и вложил в документы юной партизанки. Записка была адресована начальнику штаба партизанского движения генералу Строкачу. Руднев просил видеть в Нине Созиной свою дочь…

Когда Нина Созина выписалась из госпиталя, она настояла, чтобы её отправили на курсы радисток-разведчиц. Училась упорно, настойчиво. Но попасть в действующую армию Нине не довелось.

— Война скоро закончится, — сказал Нине генерал Строкач. — Тебе нужно думать об учёбе, о будущем, за которое ты пролила столько крови…

Евгений Созин, брат Нины, добровольцем ушёл в армию и погиб смертью храбрых 8 мая 1945 года в Берлине, не дожив до Победы нескольких часов…

И твой вклад, Паша

Павел Георгиевич Вершинин.

Упорный бой за село начался утром. Но хотелось фашистам покидать тёплые хаты.

Я продвигался вперёд вместе с первыми отделениями, мне очень хотелось заснять. как побегут фашисты. Но снимать было трудно: сеял не то снег, не то дождь. Да и автомат мне пришлось держать в руках чаще, чем фотоаппарат, — уж больно ожесточённо сопротивлялись немцы. Только к полудню удалось выбить фашистов из села.

Я шёл по затихшей, пустынной улице. Впереди горел дом, ещё свистели шальные пули. Как вдруг на углу улицы я заметил маленькую фигурку, что-то прилаживавшую на столбе. Ещё не спросив, что делает этот мальчишка, я успел щёлкнуть пару раз затвором фотоаппарата.

— Чего делаю? — переспросил мальчик. — Листовки с сообщением Совинформбюро расклеиваю. Пусть люди знают, как бьёт Красная Армия фашистов!

Так я познакомился с юным партизаном пионером Пашей

Вершининым.

Третьи сутки народные мстители питались лесными ягодами да грибами. Пили прямо из болота ржаную, отдающую тиной воду. Софийские леса, где соединение надеялось найти убежище, оказались неприветливыми — фашисты перерезали все пути. Это были регулярные воинские части, снятые с фронта для окончательного разгрома партизан.

У партизан были на исходе патроны, последние бинты использовали неделю назад… Вместе со всеми пробирался по топям и буеракам 13-летний пионер Павел Вершинин, связной отряда им. Кирова — ленинградский школьник, заброшенный в украинские леса войной…

Не ждал, не гадал Пашка Вершинин, что такими долгими окажутся школьные каникулы. В середине июня сорок первого года с сестрой Герой ехал он в поезде к дальней материной тётке в село. Паша жадно провожал глазами каждую речечку, каждое озерцо и мечтал о рыбалке, о походах в лес за грибами. Всё ему нравилось здесь, на Брянщине. Пробегали за окнами золотые поля пшеницы, луга. В раскрытое окно вместе с терпким запахом угольного дыма доносились запахи скошенной травы.

Гостей из Ленинграда встретили приветливо. Тётка не знала, куда усадить, чем угостить. Дядя Федос захватил Пашу своими рассказами из жизни животных.

— Жалко только, что лето такое короткое, — с сожалением сказал Паша сестре, когда они, наконец, улеглись спать. — Оглянуться не успеешь, как нужно будет уезжать.

— Ещё и отдыхать не начали, а ты заныл. Спи! — оборвала его сестра.

А через неделю началась война.

Когда в село вступили фашисты, время точно остановилось. Ленинград был где-то за линией фронта, и Паша вспоминал о родном городе тайком, потому что тётка её очень-то теперь была рада гостям. «Свалились на мою голову! Самим есть нечего!» — приговаривала она всё чаще. Паша и Гера беспрекословно выполнили любую, самую трудную работу, но тётка оставалась недовольной. Чем дальше, тем хуже. Чуть что не так, сразу хваталась за кнут. Паша успевал убежать, а Горе нередко доставалось за двоих.

В доме стали бывать немецкие офицеры. Своего мужа Федоса тётка заставила записаться в полицаи.

— Вот соберутся в доме фашисты, будут петь и гулять, а я — с автоматом через окно и тра-та-та! — шептал Павел сестре на

ухо, когда, не чувствуя ни рук, ни ног от усталости, они укладывались спать. — А потом — в партизаны!

— Где это ты автомат возьмёшь? — охлаждала его пыл сестра.

— Где, где, — передразнивал Геру Павел. — Найду, всё равно найду! Однажды утром тётка разбудила их пи свет ни заря.

— Хватит спать, ишь разлёживаются! — закричала она, стаскивая одеяло. — Работать пора! Идите за мной!

Тётка привела Пашу и Геру в комендатуру. Геру отправили на кухню помогать повару, а Пашу приставили к печкам. В старинном особняке были высокие изразцовые печи. Они пожирали поленья, как ненасытные чудовища.

Немцы занимались делами, не обращая внимания на мальчугана, надрывавшегося огромными охапками дров. Паша не понимал по-немецки, различал только слово «партизанен». Часовой у входа теперь беспрепятственно пропускал Пашу по утрам в помещение, когда в нём ещё никого не было. Столы, правда, немцы аккуратно закрывали на ключ. Открыть их, подумал Паша, в общем-то пустячное дело. Да что толку — самые ценные документы оккупанты прятали в стальной массивный сейф, занимавший чуть ли не целый угол.

Иногда выходил посмотреть, как работает юный истопник, немолодой офицер с приветливым лицом. Но ни разу не обратился к Паше, и тот привык к его молчанию.

Каково же было Пашино удивление, когда немец однажды спросил на чистом русском языке:

— Так ты из Ленинграда, мальчик?

Паша даже опешил от неожиданности.

— Меня зовут Пауль, — продолжал немец. — Мне хотелось бы с тобой потолковать.

Он расспросил, где и с кем жил Паша в Ленинграде, в какой класс ходил. На следующий день Пауль снова заглянул в комнату.

— Ты — парнишка смышлёный, — сказал ему офицер. — Есть у меня к тебе дело. Походишь по сёлам. Будешь приглядываться, прислушиваться. Узнаешь что-нибудь о партизанах, запомни получше, где это было. Мы тебе напишем документ, будто бы ты родителей разыскиваешь. А выполнишь моё задание, получишь настоящий немецкий паёк.

«Эх, мне бы автомат, — с грустью подумал Паша. — Ишь, в шпионы меня записывает, гад!»

— Ты, мальчик, понял, что предстоит тебе делать? — спросил Пауль.

— Чего уж тут понимать…

— Вот и хорошо, мальчик. Я тебе и другой документ дам. Предъявишь его немецкому солдату или полицаю — они тебе помогут во всём. Главное же — присматривайся, запоминай подозрительных людей! Но знай, — с угрозой закончил Пауль, — если ничего не сделаешь, будешь строго наказан…

С партизанами Пашка Вершинин встретился в первом же селе, где попросился переночевать. Видно, хозяева сказали, что мальчик — сирота, ищет своих родных.

— Говоришь, сирота? Ну, что ж, поедешь с нами, Паша, — предложил старший по фамилии Деревянко.

Ему-то Паша и признался, что никакой он не сирота — просто родители его остались в Ленинграде. А здесь оказался не по своей воле, а по заданию.

Комсомольцы-партизаны заключают между собой договор о социалистическом соревновании.

— Вот так штука, — протянул Деревянко. — Ну, да пока помалкивай, завтра сам доложишь командиру, что там за фрукт такой выискался.

В отряде, в который Деревянко доставил мальчика, у Паши объявился земляк — пулемётчик-ленинградец Анатолий Васильев. Он встретил Вершинина, как родного, накормил, уложил спать.

Утром Пашу отвели к Алексею Фёдоровичу Фёдорову.

— Здравствуй, товарищ Вершинин, — сказал Фёдоров и, как взрослому, протянул Паше руку. — Садись. Чай пить будешь?

Тут-то Пашка и расплакался. Переживания последних дней, опасения, что его примут за немецкого шпиона, страх за сестру, оставшуюся у немцев, навалились на него, и он не выдержал.

Фёдоров молча гладил Пашку по голове. Когда мальчик окончательно успокоился, сказал:

— Вот теперь и рассказывай.

Паша чётко доложил о том, кто и когда бывает в комендатуре. Особенно заинтересовался Фёдоров Паулем, просил подробности разные припомнить. Потом дал лист бумаги и спросил, не может ли Вершинин нарисовать ему, где расположены у немцев огневые точки, сколько видел пулемётов и пушек, какой порядок смены караулов. Беседа затянулась до обеда.

— Определим мы тебя, товарищ Вершинин, в разведвзвод, связным к командиру, — сказал на прощание Фёдоров. — У пас телефонов пет, и потому от связного многое в бою зависит. Чем раньше и точнее передашь ты приказ, тем успешнее будет выполнена задача.

Паша расклеивал листовки по сёлам, помогал старшим товарищам управляться с лошадьми, бесстрашно носился под пулями. Карабин ему выдали вскоре после разгрома комендатуры в селе, где жила тётка. Об этом Паша узнал от Васильева, который сообщил, что его сведения оказались точными, и партизаны свалились на немцев, как снег на голову. И ещё принёс он Паше нерадостную весть — сестру Геру угнали фашисты в Германию. Так начиналась партизанская жизнь Павла Вершинина.

Партизанская типография.

В августе сорок третьего года фашисты решили во что бы то ни стало уничтожить партизанские отряды в тылу своих отступающих войск. Для народных мстителей в софиевских лесах настали тяжёлые времена…

Как-то после целого дня преследований Паша прикорнул под дубом. Даже непрекращавшийся неподалёку огонь фашистов не мог заставить ого двигаться дальше. Здесь и наткнулся на измотанного земляка Анатолий Васильев. Он опустился рядом.

Правая рука у пулемётчика была перевязана грязным бинтом, сквозь который проступала кровь.

— Плохи наши дела, земляк, — сказал он. — Немцы решили нас загонять. Знают, гады, что есть нам нечего… уже которые сутки на воде да на грибах… А ребятам сегодня ещё и в разведку идти, искать проходы в кольце… Тут Пашу словно что-то кольнуло. Как же мог он забыть, что в противогазной сумке, запрятанной под сеном на телеге, лежат сухари, сахарный песок и кусок сала!

— Есть, дядя Толя, запас! — вскричал Пашка, и кинулся к телеге. Нащупал под сеном сумку и бегом принёс Васильеву.

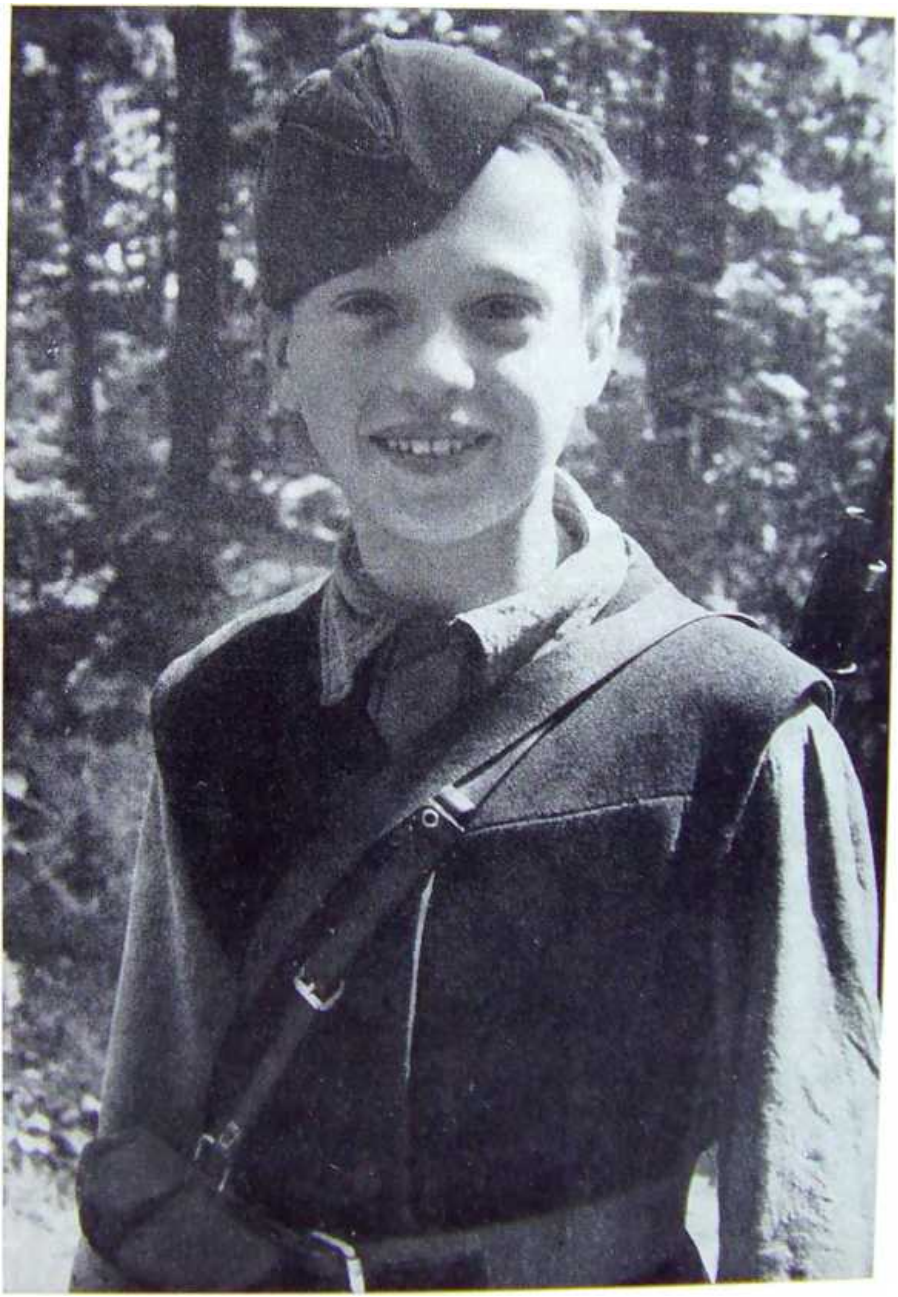
Васильев даже расплакался от такого подарка. Сквозь слёзы он сказал:

— Сейчас это жизнь не только разведчиков, это жизнь, Паша, всего отряда, всех партизан! Это… твой вклад в победу!

Ночью разведка разыскала «проходы» в фашистском кольце. С первыми лучами солнца партизаны поднялись в атаку и прорвали окружение.

Когда партизанское соединение пробилось навстречу наступающим частям Советской Армии и лесная жизнь закончилась, Паша Вершинин вместе с комиссаром Ленинского отряда Иваном Иосифовичем Муравьёвым отправился в Ворошиловград, на родину комиссара.

Но доехать им до места назначения не посчастливилось. Налетели фашистские бомбардировщики и разбомбили состав. Паша был тяжело ранен осколками бомбы в голову. Муравьёв сам отвёз парнишку в Москву, в госпиталь. А в декабре 1943 года по направлению Военного отдела ЦК ВЛКСМ комсомолец Павел Вершинин был принят в нахимовское военно-морское училище…



Леонид Михайлович Босенко.

Лёня лихо сдвинул на бок пилотку, приосанился, поправил тяжёлый карабин за плечом и спросил:

— Годится?

— Годится, — сказал я — А теперь напусти на себя суровость — как-никак ты партизан-подрывник.

Но так и не удалось Лёне Босенко напустить на себя серьёзность. Я сфотографировал его, потом ещё раз. И подумал тогда же: «В этом летнем, пронизанном солнечными лучами лесу должны бы звучать песни и музыка. А вместо этого свистят пули. Наверное, трудно будет после войны поверить, что за спиной Лёни, в кустарнике, расположился партизанский госпиталь…»

— Дядя Яша, а фото будет? — спросил заинтересованно Босенко.

— Будет.

— Только без обмана…

— Честное слово!

…Но выполнить обещание мне удалось лишь спустя много-много лет после войны.

Группа Юрченко в составе шести человек вышла из лагеря в полночь. Время рассчитали так, чтобы оказаться на железной дороге Бахмач — Гомель, едва посереет небо.

Лёня Босенко, четырнадцатилетний пионер, считал себя бывалым партизаном, хотя в отряд Ивана Ивановича Водопьяна попал только в начале сорок третьего года.

…Войну Лёня Босенко встретил в родном селе Даниловка на Черниговщине, куда приехал к дедушке и бабушке на каникулы. Со своими сверстниками играл в войну, но вскоре мальчишеские «бои» пришлось прекратить, потому что никто не соглашался выступать в роли фашистов. А потом война — уже настоящая, с кровью и воем бомб — приблизилась к их дому. Отец Лёни — милиционер — ушёл вместе с отступающими частями Красной Армии.

Вместе со своим другом Колей Траловым Лёня установил дежурство на подходах к селу. В первый месяц оккупации редкий день проходил, чтобы они не встретили одного, двух, а то и целое отделение красноармейцев, выходивших из окружения.

В тайнике — друзья устроили его в дупле старого дуба — всегда хранился запас пищи, фляга с водой или молоком и чистые тряпки, заменявшие бинты. Ребята помогали красноармейцам определиться на местности, кормили их и указывали наиболее безопасный путь к линии фронта.

Но с каждым днём фронт уходил всё дальше, и звуки канонады уже не долетали до здешних мест. Всё реже выходили из лесу солдаты. Всё больше наглели сельские полицаи — махровые уголовники и кулачьё.

— Видать, и нам пора уходить, — сказал однажды Коля.

— Вот подождём немного, и если наши не начнут наступать — двинем, — поддержал друга Лёня.

Был у ребят твёрдый договор: непременно добраться до фронта и воевать с фашистами до победного конца. Но ближайшие события круто изменили их планы.

Среди ночи в дверь хаты, в которой жили Босенко, кто-то постучался. Мать кинулась открывать. В прихожей послышались приглушённые всхлипывания, разговор. Лепя собрался было подняться, но тут в комнату вошла мать с… отцом. В лунном свете, проникавшем сквозь окно, Лёня сразу узнал его. Был отец в знакомой милицейской шинели, в шапке и сапогах. Стараясь не шуметь, отец поставил в угол вещмешок снял кобуру с наганом и присел на скамью у стола.

Лёня подбежал к нему и уткнулся лицом в пропахшую гарью длинную шинель. Отец гладил сына по голове и молчал.

Мать торопливо накрывала на стол: достала чёрный хлеб,

несколько картофелин в «мундирах» и — как огромную ценность — поставила крынку с молоком, которое берегла для двух маленьких братьев и сестрички.

Отец с трудом глотал сухой хлеб, макал картошку в крупную соль. К молоку он не притронулся и попросил воды.

— Сначала был в истребительном батальоне, — отрывисто рассказывал отец. — Там наши были, из менской милиции. У немцев — танки, мотоциклы с пулемётами… А у нас винтовки. Гранат было по две на бойца. Дважды вырывались из окружения. Потом немцы зажали нас между речкой и большаком… Многие полегли… Меня контузило. Я потерял сознание. Очнулся ночью и вот пришёл…

Отец помолчал, потом спросил у Лёни, как дела в селе, есть ли фашисты. Узнав, что только местные полицаи, заметно оживился.

— В лесу должны быть партизаны. Райком партии — я знаю! — оставлял подполье. Должно быть! — повторил он о надеждой.

С рассветом отец укрылся в лесу, а ночью снова пробрался в хату. Так повторялось несколько раз. Но встретиться с партизанами отцу не посчастливилось.

— Завтра уйду искать отряд. Теперь вы меня скоро не ждите, — сказал отец. — Буду искать, пока не найду!

Ночью дом окружили полицаи. Загремели прикладами в дверь. Отец выхватил пистолет. Но, оглянувшись на детей, положил его на лавку и тихо сказал матери:

— Открывай… Иначе они всех порешат…

Из районного центра Мена, куда увели отца, донеслась весть — расстреляли. А спустя несколько дней новая беда обрушилась на семью Босенко. Когда мать с Лёней уехали в лес за дровами, в село ворвались гестаповцы. Дедушку, бабушку, двух братьев и сестричку Лёни Босенко вместе с двадцатью другими жителями села загнали в колхозный сарай и сожгли.

С тех пор Лёня с матерью ходили из села в село, каждый раз ночуя в новом месте. Они уже знали, что немцы разыскивают их.

Делая обычный переход, они и столкнулись с отрядом Ивана Ивановича Водопьяна. Он выслушал их историю, но взять Лёню в отряд не согласился.

— Трудно, сынок, у нас… Спим па снегу, еды не хватает, — сказал он. — Не могу!

— Я же пионер, товарищ командир! Стрелять умею, хотите — проверьте!

Водопьян взял у ближайшего партизана карабин…

— И проверим…

Этого испытания Лёня не боялся: бывало, отец брал его с собой на стрельбище. Там Лёня и научился стрелять не только из мелкокалиберного, но даже из боевого оружия.

— Во-он, видишь, столб? Попади-ка в изолятор.

Белый фаянсовый изолятор выглядел издалека крошечным кругляшком. Но Лёня затаил дыхание, прицелился и спустил курок. С первой же пули изолятор разлетелся вдребезги.

— Недурно, — сказал партизанский командир. — Пойдёшь в четвёртую роту, к Киселёву. Будешь связным.

Вскоре Лёня заслужил среди взрослых авторитет смелого и находчивого партизана. Его стали брать в засады, на железную дорогу. Окрестности он знал, как свои пять пальцев, и был незаменимым проводником.

Вдали от дорог проходили потайные партизанские тропы.

Вот и теперь Лёня вывел группу Юрченко к изгибу железнодорожного полотна. Партизаны залегли буквально под самым носом у жандармов, охранявших стальную колею. Часовые сошлись па границе постов и оживлённо разговаривали.

— Ишь, бездельники, — шёпотом ругался Юрченко. — Им приказано ходить, а они стоят, языками мелют.

Наговорившись, часовые поспешно затопали сапогами по шпалам — каждый в свою сторону. Партизаны без помех установили мину.

Вопреки заведённому правилу уходить, заминировав дорогу,

группа Юрченко решила задержаться. Солнце основательно разогрело лежавших в мелколесье партизан, когда вышедший из Бахмача состав приблизился к заминированному участку. Пятнадцать вагонов и платформ насчитал Лёня. Прикрытые маскировочными сетями, на платформах громоздились автомашины, тягачи и гаубицы с короткими стволами. В опломбированных вагонах, очевидно, везли снаряды.

Раздался взрыв. Паровоз рухнул с насыпи, увлекая за собой вагоны. Партизаны обстреляли состав па пулемёта и автоматов, по когда в вагонах стали рваться снаряды, поспешно укрылись в лесу.

…Они напоролись на фашистскую засаду, когда уже почувствовали себя в безопасности. Жандармы атаковали внезапно и стали теснить партизан к болоту. Они отстреливались больше часа, и патроны были на исходе.

— Лёня, — спросил Юрченко, — ты можешь проскользнуть незаметно в тыл к фашистам?

Ещё не зная, что задумал командир, Босенко поспешно ответил:

— Могу!

— Слушай внимательно. Единственная дорога для тебя — через болото. Взрослый там не пройдёт, это как пить дать. Возьмёшь две гранаты. Когда окажешься у фашистов в тылу — бросай. Пока они придут в себя, мы и прорвёмся. Всё теперь в твоих руках!

Юрченко отцепил от пояса две «лимонки», проверил запалы, протянул Лёне.

— Карабин оставь. Он тебе только мешать будет.

«Оставить оружие? Да какой же я партизан без оружия?» — промелькнуло в голове.

— Нет, карабин я возьму!

Юрченко посмотрел на него долгим взглядом и сказал:

— Будь по-твоему! Значит, помни: две гранаты, одну за другой!

Болото отсвечивало маслянистым блеском. Кое-где тянулись вверх кустики, и Лёня решил использовать их как прикрытие. Там, где остались его боевые друзья, гремели редкие выстрелы. И каждый раз немцы подымали яростную стрельбу из пулемётов. Потом снова всё утихало.

Лёня ступил в тину и сразу провалился по пояс. Сапоги стали тяжёлыми, как свинцовые. Как не жалко было, но Лёня решительно сбросил сапоги. «Не пропаду, лето на дворе, — успокоил сам себя. — Тапочки в отряде сошьют, ещё лучше будет ходить».

Он выломал длинную палку прощупывать дно. Шаг за шагом преодолевал болотную топь. Вода сверху была почти горячая, а чуть глубже ноги ломило от ледяного холода, сохранившегося с зимы. Каждый метр давался с трудом, и наступил момент, когда Лёня окончательно замёрз и обессилел. Карабин пригибал к гнилой воде. А конца болоту не было видно. «Не дойти мне», — подумал Лёня. Он честно пробирался через болото, и не его вина, если не хватило сил:

Лёня в изнеможении присел на кочку. Было тихо, звенели комары над головой. Какая-то пичуга вспорхнула на веточку и, раскачиваясь вверх-вниз, казалось, дразнила Лёню. У него не было сил, чтобы протянуть к ней руку».

Лёня вдруг представил, как лежат за деревьями пять его товарищей, как до боли в ушах вслушивается в тишину Юрченко и взглядом подбадривает остальных. Мол, всё будет хорошо, Лёня уже подползает к фашистам, и вот-вот рванут гранаты.

А он, Лёня Босенко, словно какая-то размазня, сидит посреди болота и прощается с жизнью. Что сказал бы отец, увидев его таким?

— Нет, врёшь, не возьмёшь, — прошептал он запомнившуюся ещё с довоенных времён фразу, услышанную в кинофильме.

Превозмогая ломоту в оледеневших ногах, Лёня побрёл дальше.

Ему показалось, прошла целая вечность, прежде чем он почувствовал ступнями нагретую июньским солнцем землю…

Первую гранату Босенко бросил в немецкого пулемётчика, укрывшегося за стальным щитом.

Эхо от первой гранаты слилось с грохотом второй. А вслед за ним грянуло «ура», и партизаны, стреляя на ходу, бросились на растерявшихся фашистов.

Когда группа входила в лагерь, Лёня тихо сказал:

— Сапоги вот только жалко… Почти новые были…

Тут только Юрченко обнаружил, что Лёня шагает босиком.

Герой Советского Союза пулеметчик Георгий Сергеевич Артозеев и его юный помощник.

— Да разве мы такие тебе сапоги смастерим! — воскликнул он. — Генеральские! Как у Фёдорова!

Юрченко выпрямился, когда к группе подошёл Водопьян.

— Диверсионная группа отряда имени Ленина задание выполнила!

Немного помолчав, решительно добавил:

— Взорван состав с военной техникой и боеприпасами. Сами видели… У нас потерь нет.

Встретился я с Босенко случайно. Много лет прошло после войны. Был я на первомайском параде, делал репортаж для газеты «Радянська Украина». Рядом со мной оказался офицер милиции. Лицо мне его показалось очень знакомым. Память у меня на лица и фамилии хорошая.

— Вы — Босенко? — спрашиваю.

— Босенко.

— Партизан?

— Был в отряде.

— Лёня! — воскликнул я. — Вот ты теперь какой!

…Засиделись мы с Леонидом Михайловичем чуть не до рассвета. Все вспоминали партизанские наши дела, товарищей.

— Покажу своим ребятам эту карточку, — сказал на прощание Босенко. — А то ведь не верят, что их отец был партизаном… «Ты ведь в школу тогда ходил, говорят, таким, как мы, был…» Это уж точно: в лес, к партизанам, прямо из-за школьной парты ушёл. Так было нужно!

Рассказ партизана

Владимир Исидорович Бебех.

Я хорошо запомнил день, когда партизаны штурмовали тюрьму в посёлке Корюковка. В камерах за стальными решётками ожидали с минуты на минуту расправы заложники, которых фашисты намеревались расстрелять. Бой был кровопролитный, гитлеровцам и полицаям бежать было некуда, и они сопротивлялись до последнего патрона.

Но партизаны одолели врага.

Когда мы вернулись в елинские леса на свою базу, многих не досчитались командиры. Но зато все заложники были освобождены. Среди них оказался и Володя Бебех, сын партизана. Потом, когда он стал связным, я частенько с ним встречался. После войны я долго ничего не знал о судьбе мальчика. Когда же опубликовал эту фотографию в республиканской газете, Володя отозвался, написал письмо, рассказал о прошлом.

Однажды в партизанский музей вошёл вместе с другими посетителями высокий широкоплечий мужчина. Он ходил по залам, подолгу задерживался у стендов с оружием, листовками, которые выпускались в соединении Фёдорова в годы войны, с

пристальным вниманием рассматривал портреты народных мстителей. Не пропускал ни слова из рассказа экскурсовода.

У одного из снимков, где был запечатлён мальчик лет десяти-одиннадцати, группа задержалась. Экскурсовод объяснила:

— В партизанских отрядах воевало немало подростков. Не всё известно о судьбах этих отважных ребят. Перед вами портрет юного партизана, имя которого установить пока не посчастливилось…

Тогда мужчина вышел из-за спин гостей и просто сказал:

— Это я. Зовут меня Владимир Бебех. А было это в 1943 году…

— В 1941 году, — начал Владимир Бебех, — я окончил 3 класса Тихоновичской средней школы Корюковского района Черниговской области. Отец мой был зачислен в партизанский отряд Фёдорова задолго до того, как фронт вплотную приблизился к нашим местам. Из села ушли в лес, чтобы бороться с оккупантами, кроме отца, его родной брат, председатель сельсовета Степан Бебех, председатель колхоза Феодосий Ступак, колхозный бригадир Амвросий Мягкий и наш дальний родственник Николай Бебех.

Около недели в окрестностях села сражались с немцами разрозненные части Красной Армии. Когда линия фронта передвинулась на восток, я вместе с сыновьями Ступака — Мишей и Петей — сразу же побежал в лес. У каждого из нас было в руках лукошко с продуктами. До позднего вечера мы бродили по густым ельникам, спускались в тёмные овраги, но партизаны словно сквозь землю провалились…

Отец нежданно-негаданно появился сам, когда в селе ещё не создали полицейской управы. Спустя сутки он ушёл. «Если будут интересоваться, допрашивать вас, держитесь одного: отец собирался пробиваться к линии фронта, с тех пор никаких сведений не имеем…» Мы — моя мать Евдокия Ивановна, я и сестра Нина — старались ночевать не дома, а у дальних родственников или у знакомых. Но однажды мы всё-таки остались дома — уж очень соскучились за уютом и теплом родной хаты. В ту же ночь к нам постучали. Помню, мне как раз снилось, что меня немец расстреливает из автомата. Мать открыла. Её с лампой в руках заставили пройти вперёд, во вторую комнату, — полицаи думали, что там прячется отец. Ввалилось их в дом человек восемь. Начали переворачивать всё вверх дном. Хватали, что под руку попадалось.

Мы с Ниной незаметно выскользнули из дома. Перебежали через дорогу — в колхозный сад. Оттуда — к конторе колхоза, где жил наш дядя Потап. Но услышали взрыв гранаты, и это

остановило нас. Позже мы узнали, что полицаи бросили гранату в дом к Ступакам. Хорошо, что там было пусто… Маму нашу забрали. Весь день её босую, в мороз, гоняли полицаи по селу. Мы с Ниной сидели у соседа в хате и, плача, наблюдали сквозь стёкла за происходящим. Спустя два дня, так ничего от неё и не добившись, маму отпустили. Мы тоже вернулись домой.

Когда же партизаны разгромили карательный отряд предателя Шилова в Гуте Студеницкой, это было в феврале сорок второго года, в наш дом ворвалось человек десять полицаев. Приказали всем собираться. Я уже оделся, как вдруг сестра разрыдалась. Она обхватила маму руками и закричала: «Мама, мамочка, куда нас ведут?» Тогда мама и сказала главному полицаю: «Детей же зачем? Ведь они ни в чём не виноваты!» Тот остановился в нерешительности, потом угрюмо бросил: «Ладно, одна пойдёшь!» Было около десяти утра, когда, в последний раз поцеловав нас, мама ушла с полицаями. А вскоре мы узнали, что её расстреляли…

Нас с сестрой после этого забрали в тюрьму в город Щорс, где мы просидели несколько суток. Там были дети Ступака — Миша, Петя и Толик. После допроса нас отпустили, и мы пешком возвращались домой. Дорога неблизкая, километров двадцать. Толик был совсем маленький и его приходилось нести по очереди на руках.

В феврале сорок третьего года меня с сестрой и братьев Ступаков снова забрали и бросили в Корюковскую тюрьму. Там мы просидели, ожидая расстрела, две недели. Арестованных — это были в основном семьи партизан — становилось всё меньше.

Но нам повезло — соединение Фёдорова разгромило местный гарнизон и штурмом взяло тюрьму. Нам потом рассказали партизаны, что первым к тюрьме прорвался дядя Феодосий — отец Миши, Пети и Толи. Он как раз сбивал прикладом замок на тюремных воротах, когда автоматная очередь прошила его насквозь.

Я помню, как мы подходили к подводе, на которую положили дядю Феодосия. Он молча смотрел в небо. На второй день его хоронили в селе Тихоновичи, в колхозном саду, там же, где и наших матерей.

В лес мы уехали с партизанами. Мне подарили маленький дамский пистолет. Тогда и был сделан этот снимок.

Владимир Иванович Бебех повернулся к своему портрету, с которого и начался его рассказ. Немного помолчав, он продолжил:

— В лесу меня взял к себе какой-то командир, фамилию его я уже не помню. Мы вместе спали в одной повозке. Он предложил

мне: «Теперь, Володя, ты при мне будешь как бы адъютант». В мои обязанности входило, чистить его парабеллум, смотреть за повозкой, поить лошадей.

Такая жизнь продолжалась дней пятнадцать. А потом командир подходит ко мне и говорит: «По распоряжению командования тебя решено оставить в отряде Попудренко. Пойдём к нему, представишься по всей форме», научил меня, как это нужно сделать.

В землянке было полным-полно командиров, одни входили, другие поспешно выбегали, вскакивали на коней и уезжали. Я подступил поближе к столу и во весь голос начал:

Партизанская засада. Вот-вот здесь разгорится кровопролитный бой.

— Товарищ командир отряда! Юный партизан Бебех согласно распоряжения командования в ваше распоряжение прибыл!

Попудренко переспросил мою фамилию и сказал:

— Ну, здоров, сынок! Будешь с нами партизанить!

И приказал определить в роту Короткова. Здесь же был и сам Коротков. Я обрадовался — Коротков знал моего отца, не раз бывал у нас дома. Но неожиданно для меня ротный возмутился:

— Да что вы, товарищ командир, у меня же боевая рота, а не…

Но Попудренко, не обращая внимания на его слова, приказал

дежурному по штабу:

— Григорий, отведи во взвод к Карпачеву!

Не испытывая дальше судьбу, я бросился вслед за дежурным, и через минуту был в землянке второго взвода. Гриша, как и положено, обратился к Карпачеву:

— Разрешите доложить, товарищ командир! По распоряжению командира отряда в лице юного партизана Бебеха к вам прибыло пополнение!

В землянке раздался такой взрыв смеха, что его раскаты, кажется, и сейчас звенят в моих ушах. Карпачев расспросил меня обо всём, и с ходу предложил быть его приёмным сыном. Я, конечно, возразил, сказал, что у меня есть живой отец. Тогда он уточнил — будешь моим партизанским сыном и на этом мы поладили.

Карпачев был очень хорошим, добрым, душевным человеком, словом, настоящий русский человек. Мне выдали карабин. 2 мая 1943 года я принял присягу. Я был постоянным «заместителем» командира взвода, когда он уходил на операции.

Первое задание, которое я выполнил с Карпачевым, — приём самолётов с Большой земли. Это было не простым делом. Как-то мешок с толом к которому я направился, взорвался и наверное, мне просто повезло, что я уцелел.

Были определены сигналы фонариками и пароли, приготовлены костры. Со второго захода самолёты сбросили грузы и десантников на парашютах. Карпачев ещё в воздухе за каждым «закрепил» парашют и приказал не спускать с него глаз и немедленно бежать к месту приземления. На «моём» парашюте оказалась… девушка. Я её доставил к командиру. Карпачев пошутил: «Везёт же парню! У всех — мужики, а этому — девушку прислали!»

После елинских лесов начались походы по тылам врага. И тут хотелось бы рассказать об одном человеке, который немало способствовал поддержанию боевого духа партизан. Когда мы ещё стояли в елинских лесах, рядом с нашей была землянка комиссара отряда товарища Горелого. Все новички, попадавшие в лес, проходили «собеседование» у комиссара. Он обычно спрашивал у новенького, как в плен попал или откуда родом и т. д. Потом рубил напрямик: «Почему до сих пор ждал?» Кульминация наступала тогда, когда комиссар, блестя глазами и взмахивая рукой, говорил: «Наша главная сегодняшняя задача — бить врага! Есть оружие — оружием, нет оружия — палкой бей, нет палки — вцепись руками!» Он распалялся, был сам не свой. Он так болел за порученное дело, так отдавал себя всего, что новички, попадавшие к нему на «психологическую обработку»,

бледнели. Горелый обладал огромной силой внушения. К концу разговора комиссар обычно приходил в норму и дружески пожимал руку своему собеседнику, просил извинения за резкость.

Коммунист Горелый погиб в селе Тихоновичи, похоронен там же, где Феодосий Ступак и моя мать.

Трудной была походная жизнь. Спали — в жару и в дождь — где придётся, чаще всего на голой земле. Непроходимые болота, топи, смертельная усталость, кровавые мозоли на ногах. И бои, бои — днём и ночью. Что уж говорить обо мне — бывалые партизаны и те гнулись под тяжестью испытаний. Я чувствовал, что силы покидают меня… На помощь опять же пришёл Карпачев. Он уговорил начальника разведки Лошакова, чтоб тот отдал мне коня.

Вручал мне коня усатый ездовой. Он приговаривал, поглаживая гнедого:

— Ось твій кінь, звуть його Мальчик. Хлопці, що басували на ньому верхи, кажуть, що дуже щирий і спритний коник. Бери його та їздь на здоров'я.

Отдал он мне Мальчика, и повёл я его к себе. Мальчик, однако, на первых порах отнёсся ко мне недружелюбно — поджимал уши, косил глазами, норовил лягнуть. Но вскоре я его задобрил: носил ему картофельные очистки, ячмень, овёс. Был у нас в отряде ездовой Свириденко, очень хитрый мужик. Когда ложился спать, то мешок с ячменём укладывал под голову… Это, признаюсь, нисколько не мешало мне набирать полную шапку зерна, совершенно не беспокоя Свириденко. Вскоре Мальчик приобрёл блеск и ходил за мной, будто привязанный, и я постоянно ощущал на своём затылке его дыхание.

Это последний снимок командира партизанского соединения Героя Советского Союза Н. Н. Попудренко (первый слева). Четыре часа спустя он пал смертью храбрых, выводя соединение из тяжелейшего вражеского окружения в злынковских лесах.

Однажды в походе я от усталости свалился под куст и уснул. Уже протарахтели последние повозки, когда Мальчик, наконец, растолкал меня своим носом. Я вскочил в седло, а куда скакать — не знаю. И тогда я полностью положился на моего верного четвероногого друга. И не ошибся — Мальчик догнал отряд.

Никогда не забуду боёв в злынковских лесах. Фашисты окружили соединение Попудренко. Каждый день и каждый час партизаны совершали героические поступки. Дрались все — женщины, старики, дети. Помню, как фашистская танкетка прорвалась в лагерь, к землянке командира. Десятка полтора автоматчиков окружили Попудренко и нескольких партизан. Бой был не на жизнь, а на смерть. Помощи ждать было неоткуда. И тогда все, кто мог ещё держать оружие, поднялись в атаку. Бежал с ними и я, стрелял из своего дамского пистолета. Наверное, вид перебинтованных, окровавленных людей, не устрашившихся ни пуль, ни танковой брони, подействовал на гитлеровцев сильнее приказов их офицера — они побежали, и танкетка попятилась, укатила…

После боя Попудренко увидел, как я чистил свой пистолетик, и сказал:

— Пора тебе и настоящее оружие выдать. Скажи это от моего имени Карпачеву…

Моя партизанская жизнь окончилась неожиданно. Прискакал

связной Мишка Хавдей с устным приказом срочно явиться к командиру соединения товарищу Попудренко. Как я ни упрашивал Мишку — он так и не сказал, зачем зовут…

Доложил я Попудренко, как и положено партизану, о своём прибытии. Он выслушал внимательно. Нахмурился, глаза в сторону отвёл и говорит:

— Ну вот, сынок. Москва вызывает тебя! Прибыла радиограмма: детей партизана Бебеха эвакуировать в советский тыл!

Новость огорошила меня. Я в это время думал лишь об одном: вот-вот вернётся диверсионная группа, и Карпачев выдаст мне обещанный немецкий автомат. И вдруг — лететь…

Попудренко прочёл на моём лице эти нехитрые мысли и продолжал:

— Ничего поделать не могу, голубчик! Приказ и для меня, и для тебя — приказ. Передавай привет Большой земле. Скажи начпроду, что я приказал снарядить вас честь по чести: сала, крупы, словом, что положено. В Москве теперь с продуктами трудно. Не забывай нас!

Самолёт уже вторые сутки стоял замаскированный на партизанском аэродроме. Мальчика я должен был передать старшине Авраменко. Конь словно чувствовал, что мы расстаёмся навсегда, никак не давался в руки старшине, всё рвался к самолёту. Я отвёл его подальше от самолёта в лес, расцеловал его тёплую мягкую морду и расплакался. А Мальчик мягко-мягко тыкался мне в солёное лицо — успокаивал. Привязал я Мальчика к берёзке и, не оглядываясь, кинулся бежать. Чувствовал, что стоит мне задержаться на минутку, и никакая сила уже не заставит меня улететь…

Я уже был возле самолёта, когда жалобное ржание Мальчика долетело до моих ушей…

После войны учился, выполнял приказ Попудренко. Закончил школу, Киевскую сельскохозяйственную академию…

Взлети выше солнца

У Миши Давидовича был неунывающий нрав и звонкий голос. Любил он петь, танцевать. И сегодня, перебирая старые фотоплёнки, я вспоминаю: вот эту проявлял в Злынковском лесу, а эту — на заброшенном хуторе. А помогал мне при этом — носил воду, разводил костёр, отгонял комаров — Миша.

— Вы, дядя Яша, плёнки берегите, — говорил он всегда, проверяя, как вышли негативы.

— Берегу, Миша. А как же иначе! Среди нескольких сот кадров, которые мне удалось сохранить до наших дней, остался лишь один, на котором запечатлён Миша.

Этот снимок — на предыдущей странице. А здесь должен быть портрет взрослого человека. Но портрета нет. Перед нами пустая чёрная рамка. Миша не дожил до светлого дня победы. Он геройски погиб…

…Война не могла омрачить приближающийся праздник.

В партизанской столице — Лесограде готовились к Новому году. Уборка кипела в каждой землянке, повсюду лежали охапки свежесрубленных еловых лап, сладко пахло берёзовым дымком. Кухни находились в центре внимания: каждый старался подсобить поварихам — наносить дров, натаскать воды. Даже на очистке картофеля работали добровольно. В землянке на опушке топилась баня. Время от времени кто-то красный, в облаке пара, выскакивал на мороз в чём мать родила и плюхался в сугроб. В очереди, вытянувшейся на добрую сотню метров, завистливо вздыхали. Откуда-то доносились звуки гармошки. По лагерю ходили свободные от службы партизаны. Каждый принарядился как мог. Одежда у всех была разная — пальто, куртки, шинели, тулупы. Только красные ленточки, пришитые наискосок, алели на всех папахах, кубанках, шапках. Кое у кого были и звёздочки — ими гордились и берегли их как зеницу ока. А в это время командиры совещались, как лучше встретить предстоящий праздник.

— Что это за Новый год без ёлки? — спросил у собравшихся Фёдоров.

— Не было бы большей печали… во-он сколько их тут растёт, красавиц, — отозвался кто-то.

Но Фёдоров осадил говорившего:

— Да не в деревьях речь! О ёлке! Чтоб с игрушками, со свечами, чтобы был у людей праздник, как до войны!

— С игрушками… Да где же их возьмёшь в лесу? Тут не у всякого кружка да ложка сыщется… — зашумели вокруг.

— Прошу, товарищи, — сказал Фёдоров. — Какие будут предложения?

Наверное, давно не ломали головы командиры над такой мудрёной задачкой. Мрачнели лица, когда вспоминали сожжённые деревни, стариков и детей, оставшихся под зимним небом без крыши над головой. Где уж тут искать игрушки?

— Мишку нужно кликнуть, — сказал Григорий Евсеевич

Баскин. Он всегда знал, как поступить в том или ином случае. Баскин ведал приёмом и распространением «последних известий», у пего было множество добровольных помощников.

— Какого? — спросил Фёдоров.

— Артиста… то есть Мишу Давидовича, мне говорил, что тут неподалёку полицаи да мадьяры готовятся Новый год встречать. Ёлку уже приволокли, чуть не взвод за ней в лес ходил. Так я думаю: неужто мадьяры да полицаи без игрушек обойдутся?

— А ведь неплохая идея! — понял всё с полуслова Фёдоров.

Миша Давидович, вызванный в штаб, подтвердил: ёлка готовится и украшения для неё привезли из соседнего посёлка, из школы.

— Ступай! И чтоб никому ни слова! — приказал Фёдоров.

— Понял… Что я, первый день в отряде?

— Знаю, Миша, — улыбнулся «генерал Орленко». — Но напомнить надо. Концерт готовишь? Частушки нужны знаешь какие — чтоб у людей слёзы из глаз текли от смеха, а сердце от гнева закипало!

— Будут частушки! — весело выкрикнул Миша и выскочил из землянки…Спустя два дня комендатура была разгромлена. Пятеро полицаев бежало, а два мадьяра и семь предателей из местного населения так и не дожили до Нового года. Партизаны возвращались в Лесоград, бережно унося три картонные коробки с ёлочными украшениями.

…Когда за столом стало тихо, Алексей Фёдорович Фёдоров обратился к собравшимся:

— Этот год, товарищи, был годом суровых испытаний для советского народа. Но война повернула на победный для нас путь. Бьют наши войска врага под Сталинградом, на Кавказе. В лесах Украины, Белоруссии, России народные мстители тоже приближают час победы. Пусть же новый, сорок третий, год будет годом избавления советской земли от фашистской нечисти! Пусть каждый из вас доживёт до светлого часа победы и увидит родную землю свободной и цветущей!

Из приёмника глухо донеслись удары Кремлёвских курантов, и далёкая Большая земля, краснозвёздная красавица Москва вошла под низкие своды партизанской землянки. И все почувствовали себя сильнее, увереннее. Гордость за Родину переполнила сердца.

А потом давали концерт. Миша Давидович исполнял под гармошку частушки. Некоторые партизаны от хохота даже со скамеек попадали, так разделывал под орех фашистских захватчиков со всеми прихлебателями звонкоголосый мальчишка в кургузом пиджачке.

Когда вдоволь насмеялись, Фёдоров попросил:

— А теперь, Миша, про орлёнка…

Посерьёзнело сразу лицо юного партизана, и голос стал строже, звонче. Запел Миша Давидович любимую песню:

Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди!
Навеки умолкли весёлые хлопцы,
В живых я остался один…

…Орлёнок, орлёнок!
Гремучей гранатой от сопок солдат отмело.
Меня называли орлёнком в отряде,
Враги называют орлом…

Подхватили песню партизаны. Поют, и каждый думает, вспоминает боевых товарищей, которые уже никогда не сядут за общий стол. А Мишин тенор взлетал выше и выше, и ему вторили партизаны:

Орлёнок, орлёнок, идут эшелоны,
Победа борьбой решена,
У власти орлиной орлят миллионы,
И ими гордится страна.

…Он успел окончить четыре класса, когда на его родной город Новозыбков накатилась война.

Под городом фашисты обошли оборонявшихся с флангов. Миша видел, как уходили, пробиваясь сквозь окружение, советские солдаты, как падали убитые и раненые. Он едва дождался темноты, и вместе с Дусей, шестнадцатилетней сестрой, они обшаривали окопы и блиндажи. Они искали раненых. На этого они они наткнулись случайно, когда собрались возвращаться. Солдат лежал в дальнем конце траншеи. Дуся подумала, что он мёртв, и прошла мимо. Миша же наклонился к солдату, прижался ухом к сердцу. Оно чуть слышно билось.

— Дусь, Дусь… — зашептал он в темноту. — Сюда!

Больше всего Миша опасался, как бы раненый не очнулся и не закричал, когда они тащили его по земле мимо немецкого часового, маячившего у костра.

Но всё обошлось.

Мишина мама вместе с Дусей, окончившей курсы медсестёр при Осоавиахиме перед самой войной, перевязали раненого. На

следующую ночь они снова отправились на опасный поиск. Вскоре в сарае у Давидовичей пряталось четыре красноармейца. Трудно приходилось Мише и Дусе: полицаи рыскали по домам, вынюхивали «подозрительных». Достаточно было советской книге попасться им на глаза, чтобы владельца её тащили в комендатуру. По городку были расклеены грозные объявления, в которых было написано: «…за укрывательство комиссаров, коммунистов и комсомольцев — смерть».

Миша принёс с поля противотанковую гранату и спрятал её в сенях, под лавкой, где стояло ведро с водой. Потом там же появился длинный немецкий штык-тесак.

— Ты хочешь, чтобы нас расстреляли? — спросила его Дуся обнаружив тайник.

— Живым я врагам не дамся!

— Да разве в этом дело? Ты подвергаешь опасности меня, маму, раненых красноармейцев. Что ты сделаешь с гранатой? Полицаи убьют тебя раньше, чем ты притронешься к ней!

Дуся была права, и Миша в душе согласился с нею. Но расстаться с оружием не мог. Когда сестра ушла, он перенёс свой арсенал подальше от дома и запрятал в кустах чёрной смородины.

Раненые, немного окрепнув, уходили. Где находилась линия фронта, толком никто не знал. Фашисты на каждом углу трубили, что Москва пала и Красная Армия больше не существует.

Миша часто проходил мимо опустевшей школы. Он вспоминал школьные концерты, песни у пионерских костров, и ему становилось грустно-грустно. И хоть времени свободного было предостаточно, мальчишки, — его школьные товарищи, — ещё недавно готовые пропустить пару уроков ради футбольного матча на пустыре, теперь редко появлялись на улице.

— Дуся, — сказал как-то Миша сестре, когда мать вышла из дому. — Нужно немцам насолить.

— Как ты им насолишь? — горько спросила Дуся. — Может, пуд соли в полевую кухню насыплешь?

— А хоть бы и так, — возразил Миша. — Только я не про то хотел с тобой поговорить… Но с тобой нельзя о серьёзном!

Он повернулся спиной к сестре, всем своим видом давая понять, что не рассчитывает больше на её содействие. Но Дуся ласково обняла брата за плечи.

Партизаны встречают в Лесограде Новый, 1943 год.

— Разве я не хочу навредить этим… этим, — она буквально задохнулась от ненависти, — этим фашистам! Но только что мы с тобой можем?

— Немецкие объявления и приказы посрываем. Это раз, — быстро стал перечислять Миша. — У штабной машины шины проколем. Это два.

Первые успехи окрылили: захватчики из себя выходили из-за проколотых шин, перерезанных проводов, порванных приказов.

Миша пополнил свой арсенал двумя карабинами, подобранными на поле боя. Пистолет он стащил у зазевавшегося офицера.

Но кто-то сообщил полиции, что у Давидовичей скрываются красноармейцы. Нагрянула облава. В тайнике оставался последний раненый, он ещё плохо ходил. Полицаи вытащили красноармейца, зверски его избили. Перевернули дом вверх дном. Детей — Дусю и Мишу — полицаи не тронули, но их мать схватили и увели в комендатуру.

Вечером её расстреляли…

Забрав свой военный арсенал, Миша с сестрой ушёл в злынковские леса — разыскал отряд Маркова, потом попал в соединение Фёдорова.

Партизанский связной и разведчик, Миша Давидович воевал с фашистами, как воевали тысячи и тысячи ушедших в леса патриотов. Под пули не лез, усвоив простую истину: чем меньше будет потерь у партизан, тем больше их будет у фашистов. Но и

от опасности не бегал, и никто не мог бы его упрекнуть в трусости.

— Не мальчишка — клад, — сказал однажды Фёдоров. — Тринадцать лет, а ведёт себя, как настоящий боец…

Миша ходил по окрестным сёлам, высматривал, где и как устроены огневые точки, считал солдат и офицеров, разведывал скрытные подходы к казармам, приносил сведения от верных людей. В потёртом тулупчике или рваном ватнике появлялся он в сёлах, толкался среди людей на базарах, незаметно встречался со связными.

В тот день на разведку они отправились втроём. У села разделились — двое партизан двинулись дальше, а Давидович — на явку. Попрощались, по-мужски пожав руки. Старший напомнил о времени встречи. Миша кивнул головой — помню.

На опушке юный разведчик залёг. В сотне метров от него начиналось село. Нужно было оглядеться, определить, нет ли поблизости часовых или засады, и лишь после этого двигаться дальше.

Утренняя тишина убаюкивала. Кое-где из труб поднимались едва заметные в прозрачном воздухе первые дымки. Село казалось вымершим. Но это было обманчивое впечатление. Вот справа, за берёзой со скворечником, черневшим на недоступной высоте, стоит немецкий бронетранспортёр. Гул разогреваемого мотора докатился до самого леса. Потом у колодца засуетились полицаи: один вытаскивал ведро, переливал воду в пустые вёдра, а другой чуть не бегом уносил их.

Миша ещё пролежал какое-то время в траве, но ничего подозрительного не обнаружил. Вытащил из-за пояса гранату. Поискал глазами, куда бы понадёжнее запрятать. Гранату он очень берёг — это была редкая в отрядах, настоящая советская РГД.

Миша засунул гранату под корень молодой сосенки, присыпал сверху веточками и опавшей хвоей. Хорошенько приметил место.

Ещё раз осмотрелся и, пригибаясь, направился к селу. Дорога тут ему знакомая, не раз хоженая. За полуразрушенной, без крыши, крайней хатой Миша распрямился во весь рост — ни дать, ни взять сельский мальчишка, которого мать послала к соседке за солью.

Но на месте дома, в котором жил связной, чернело пепелище…

Дворами, за домами, Миша пробрался в село и залёг на пригорке, за коровником, из которого давным-давно и дух

коровий выветрился. Осмотревшись, он обнаружил две крытые брезентом грузовые машины и бронетранспортёр. Двое немецких часовых не спеша то сходились, то расходились. Близилось время побудки. Полицай, таскавший воду из колодца, совсем взмок. Он наполнял немецкую походную кухню, стоявшую под деревьями. Возле кухни возился немец-повар. Толстый, без кителя, он покрикивал на полицая «Шнель! Бистро!»

Полицай, подобострастно выпучив глаза, тряс в знак согласия головой и стремглав выскакивал со двора. «Так тебе и надо, фашистский прихвостень! Побегай, побегай, холуй!» — приговаривал Миша, когда полицай вновь появлялся с двумя тяжёлыми вёдрами.

Начали просыпаться солдаты. Они выходили на крыльцо школы, потягивались, зевали. «Тут бы и ударить! — с сожалением подумал Миша. — Они и пикнуть бы не успели…»

Нужно было спешить в отряд. Миша имел точное представление о численности прибывших немцев и новых полицаев, пополнивших и без того сильный гарнизон. В саду высмотрел замаскированную рацию.

«Не случайно их сюда занесло, — решил Миша. — Что-то фашисты затевают…»

Двое партизан, ушедших в дальние сёла, возвратились на следующий день после полудня. Они устали, один натёр ногу и едва мог идти. Немного отдохнули. Миша рассказал о том, что видел. Оказывается, его товарищи тоже задержались, обнаружив подозрительное передвижение немцев. Стало ясно: фашисты собирают карательную экспедицию против партизан.

— В какое село не ткнёшься, в каждой хате — каратели. Артиллерию подтягивают, танки, — заключил старший. — Нужно побыстрее своим сообщить.

…Они наткнулись на засаду, не успев пройти и километра. Автоматная очередь резанула кусты. Первый партизан упал, как подкошенный. Старший вслепую дал очередь по тому месту, откуда стреляли. Остальные отползли, забрав с собой тело убитого. Пальба раздавалась со всех сторон.

— Вы, ребята, бегите, — сказал старший. — Приказываю! Держи, Миша, — это добытые нами сведения. Донесение должно быть доставлено в отряд. Старший сделал два прицельных выстрела, и двое полицаев упали.

— Быстрее уходите! — торопил он Мишу и его товарища. — Винтовку Боровикова возьмите с собой. Ну, счастливо, ребятки!

Мальчики уползали от места схватки. Миша всей душой рвался туда, где отстреливался командир разведки. Он слышал от

бывалых партизан, что один иногда прикрывает отход других, ценой своей жизни спасает товарищей. Но одно дело слышать, и совсем другое — самому быть свидетелем, как за тебя отдаёт жизнь товарищ, с которым ты спешил в отряд.

Микола не отставал от Миши ни на шаг.

— Стой!

Миша увидел, как из-за дерева выступает долговязый полицай в немецком френче.

Ребята бросились было бежать, но из засады открыли огонь.

Что-то острое и горячее ударило повыше бедра. Боли Миша не почувствовал. Но понял, что ранен, когда увидел, как быстро темнела старенькая рубашка и правая штанина.

Миша расстрелял последние три патрона, прикрывая товарища, которому отдал донесение. Немцы или полицаи — он не видел их — сначала стреляли густо, не экономя патронов. Но не слыша ответных выстрелов, прекратили огонь. В лесу стало тихо-тихо.

Высоко-высоко над верхушками деревьев неслышно скользили по голубому небу белые облака.

Миша запел, и с каждым словом голос его раздавался всё громче и громче:

Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди!
Навеки умолкли весёлые хлопцы,
В живых я остался один…

Он приладил гранату под рубашкой, разогнул усики, предохраняющие чеку, и просунул указательный палец в кольцо. Превозмогая боль, поднялся и опёрся о тонкую берёзку.

Миша увидел, как из высокой травы поднялся, насторожённо наблюдая за ним, долговязый полицай. За ним стали подниматься и немцы. Миша насчитал пятерых солдат, шестым был фельдфебель. «Только бы не струсили, подошли поближе…» — думал Миша и ещё крепче, теснее прижался к тонкой берёзке.

Немцы угрюмой толпой шагали к нему. Они больше не опасались. Миша потянул за кольцо гранаты…

Беглец

Иван Афанасьевич Шкелев.

Его настоящее имя я узнал тридцать лет спустя. А тогда, в сорок третьем, в брянских лесах, я наткнулся на сани с сеном, застрявшие в снегу. Возницу я сразу и не заметил — настоящий «мужичок с ноготок».

Я шёл с группой партизан на операцию. Аппарат спрятал под полушубок, чтоб не замёрз. Но не сделать такого снимка не мог — уж больно интересен был мальчишка. Я сфотографировал его. Партизаны не стали дожидаться меня и уже входили в лес. На бегу я спросил, как зовут моего нового знакомого. Он крикнул. Имя — «Ваня», а вот с фамилией получилась неувязка — мне послышалось: «Шкалев». Я так и записал в своём блокнотике. А на самом деле звали его Иван Шкелев.

В брянском селе Гута — родном селе Вани Шкелева — новоявленный староста держал речь. Ваня стоял рядом с отцом. «Стрельнуть бы в этого фашиста, — тихонько сказал Ваня своему другу Сеньке Абраменкову. — Вишь, как пугает, гад…»

— Чтоб теперь с оружием я тебя не видел! — вдруг вмешался

отец.

— С каким оружием? — притворился Ваня.

— Которое вы с Семёном в овраге прячете! Если немцы или полицаи обнаружат — нас всех до последнего расстреляют. От этой «власти» жди только худого.

Ручной пулемёт, карабин и две коробки с патронами они подобрали на месте боёв. Это была их самая сокровенная тайна. Но сколько раз Ваня убеждался, что от отца ничего не скроешь. Его Ваня любил и уважал: справедлив, зря не наказывал. Когда бывал в настроении, рассказывал о революции, о том, как сражался с разными врагами за Советскую власть. С нетерпением ждал Ваня праздники — 1 Мая и 7 Ноября. В эти дни надевал отец свои боевые награды…

Ваня даже не догадывался, что отец — бывший красногвардеец — вовсе не собирался мириться с «новым порядком», который устанавливали на советской земле фашисты. Он прочёсывал окрестные леса и овраги в поисках военного снаряжения. Помогал ему старший сын Алексей. Однажды они и наткнулись там на ребят.

…Село взбудоражили выстрелы, конский топот и два сильных взрыва. Когда Ваня и Семён прибежали на место происшествия, дом старосты имел странный вид — стёкла вылетели вместе с рамами, крыша съехала набок, чёрный дым сочился через оконные проёмы. Староста в нижней рубахе, с автоматом в руках никак не мог попасть ногой в стремя. Лошадь вертелась вьюном, какой-то полицай пытался её удержать, но получил удар копытом. Другие полицаи грузили в повозку ящики и тяжёлый стальной сейф, который до войны стоял в просторном кабинете председателя колхоза.

Наконец староста таки взгромоздился па коня, дал команду и полицаи ускакали.

— Драпанули! — радостно воскликнул Ваня. — Вот так партизаны! Слушай, Семей, махнём в партизаны?

— Не-е, — протянул Семён, — не теперь… Отец узнает, выпорет…

— Струсил?

— А ты-то сам в партизаны пойдёшь? — спросил Семён и испытующе посмотрел на друга.

Баня на секунду задумался — нелегко дать ответ сразу.

— Пойду! — сказал Ваня и испугался собственных слов: если отец узнает…

Ваня вернулся домой. Отец возился на огороде. Старший брат Алексей пилил дрова. Ои внимательно посмотрел на Ваню, но ни о чём не спросил. «Лишь бы сумку мою военную не увидели», —

подумал Ваня. Командирскую кожаную сумку он подобрал ещё в прошлом году, когда отступили наши войска. В ней, правда, ничего секретного не оказалось — две листовки с призывом бить ненавистных фашистских поработителей, красный карандаш с золотой надписью «Тактика», фотография военного с девочкой и чистый блокнот. Листовки они с Семёном приклеили клейстером на второй день после появления старосты — одну на ворота его дома, а другую — на столбе посреди сельской площади. В сумку Ваня вложил карту Украины из учебника географии и портрет легендарного комдива Котовского.

Ваня незаметно прихватил в доме краюху хлеба и две луковицы. В сарай он прошмыгнул, когда брат отправился к отцу на огород. Достать сумку, положить в неё пропитание на дорогу и выбежать на улицу было делом минуты.

Вскоре Ваня торопливо шагал по лесной тропе, направляясь на большак Рославль — Мглин.

Где он будет искать партизан, Ваня не представлял.

Напевая песенку из кинофильма «Три танкиста» — «Броня крепка и танки наши быстры, и наши люди мужеством полны…» — шагал Ваня Шкелев, десятилетний пионер и будущий партизан.

Выйдя из лесу, Ваня неожиданно натолкнулся на вооружённых людей. Одни сидели на телегах, другие стояли группками — курили, разговаривали. Бежать было поздно.

— Эй, малец, — поманил Ваню бородатый человек с автоматом. — Пойди сюда!

Ваня смело подошёл.

— Откуда будешь? — спросил бородатый.

— Из Гуты, — ответил Ваня, и вдруг вспомнил, что на боку у него командирская сумка.

— Ты куда это бежать собрался? — спросил бородатый, успев схватить сумку за ремень.

Тут только Ваня обратил внимание, что у некоторых на пилотках были красные ленточки.

— К партизанам! — смело выпалил он. — К вам!

— А откуда ты знаешь, что мы партизаны?

— Чего уж тут! Красные ленточки только у партизан! Возьмите меня с собой!

— А ты кто будешь?

— Иван Шкелев. Пионер.

— Ты здешний? — спросил Николай Зебницкий, командир партизанского отряда имени Дзержинского. Было командиру 23 года, и этот «мужичок с ноготок» пришёлся ему по душе.

— Здешний… — начал было Ваня, да спохватился: а вдруг в

село отведут. Поспешил поправиться: — Почти что здешний…

Зебницкий не обратил внимания на его уклончивый ответ. Спросил заинтересованно:

— Ширковку знаешь?

Ещё бы не знать Ване Ширковку! Он туда до войны в школу ходил, товарищей там — не перечесть.

— Знаю! И где полицаи живут, тоже знаю.

— Ого! Да ты, оказывается, шустряк! — рассмеялся Зебницкий. И уже серьёзно спросил: — Можешь незаметно провести к управе? Так, чтобы никто нас не увидел?

— Чего уж проще! Я даже знаю, где в деревне спрятаны винтовки и патроны. Когда Красная Армия уходила, тогда ещё спрятали!

— Ну и хлопец! Ну и молодец! — воскликнул Зебницкий.

— Так возьмёте с собой? — напрямик спросил Ваня.

— Об этом мы после поговорим, — сказал командир и скомандовал: — Мальчика — в голову колонны!

У Ширковки оказались в самый разгар дня. Полицаи меньше всего ожидали нападения. В управе находились лишь дневальные. Остальные разбрелись по домам. Вот когда пригодилась Ванина наблюдательность: он знал наперечёт, где живут предатели. Зебницкий выделил несколько групп и направил их по Ваниным адресам. Сам же двинулся к управе, строго-настрого запретив Шкелеву высовываться под пули. Настроение у Вани под-упало, потому что он рассчитывал участвовать в настоящем бою. Больше того, он как раз собрался попросить у командира хотя бы наган…

— Как только начнут стрелять, — сказал Зебницкий, — лечь под забором и ни с места. Понял?

— Чего там…

— Партизан Шкелев! — строго возвысил голос Зебницкий. — Это приказ командира. Нужно отвечать — есть!

— Есть…

— Это другое дело. Теперь последнее: если пойти к управе во-он за теми домами, никто нас не заметит?

— Никто… Только и вы никуда не дойдёте. Там забор высоченный, и ещё каменный сарай. Нужно вокруг дома с колодцем — видите? — обойти, там калитка прямо к управе выходит.

— Понятно. Заремба, останешься прикрывать нас! — Командир партизанского отряда строго посмотрел на немолодого партизана с охотничьим ружьём.

— Есть, прикрывать, — ответил тот и сказал Ване: — Теперь мы с тобой в заслоне, как бы получается…

Ваня выбрал себе местечко в тени под вишней, устроился

поудобнее. С Зарембой в разговор не вступал. Он старался показать, что страшно обижен таким бесцеремонным отношением к своей персоне. Как вывести партизан на управу — Ваня нужен, а как дать наган и взять в бой — пожалуйста, сиди под забором.

Автоматная очередь разогнала сонную послеобеденную тишину. Выстрелы зачастили в разных концах села. Вскоре, однако, всё стихло, откуда-то долетали громкие голоса.

— Конец, — прислушавшись, сказал Заремба. — Пойдём и мы.

Возле управы Зебницкий разговаривал с жителями села. Он набирал новичков в отряд и с каждым хотел поговорить лично. Склад с оружием уже нашли, и командир отряда вручал партизанам винтовки. Заремба шёл впереди, Ваня за ним, чуть приотстав. Это-то его и спасло от неприятностей. Ещё издали Ваня увидел школьного учителя. Кто-кто, а учитель прекрасно знает, кто такой он, Шкелев, на самом деле. Если скажет командиру — прощай, отряд. Ваня юркнул в первый попавшийся двор. Сквозь щель в заборе увидел, как суетится Заремба, хватившись его. Потом старик подошёл к командиру и что-то стал объяснять. Он смешно разводил руками, а Зебницкий, наверное, сердился и выговаривал ему. Наконец командир махнул рукой, и Заремба поспешил уйти. Ване даже стало жаль его: старый уже, а даже винтовки настоящей не имеет. «Ладно, — решил Ваня, — так и быть отдам наш с Сенькой пулемёт, когда в Гуту зайдём». Воспоминание о товарище натолкнуло на мысль, что отец уже, наверное, хватился его, ищет. Стало грустно, но Ваня крепился. «Когда узнает, что я в партизаны пошёл, небось, простит», — решил он.

Вскоре отряд Зебницкого выстроился в походную колонну. Вперёд выслали разведку. Ваня огородами да садами следовал за партизанской заставой, прикрывавшей отход. Когда вступили в лес, Ваня смело догнал партизан.

— Ты гляди-гляди, пропажа объявилась! А командир его обыскался! — воскликнул партизан в тельняшке. — Давай-ка к нам, мальчик!

— Живой! — только и сказал Зебницкий, увидев Ваню.

— Чего со мной случится! — протянул Ваня, во все глаза выглядывая школьного учителя. Но напрасно тревожился — учитель остался в селе. Когда пришли на лесную базу, Зебницкий приказал пошить юному партизану форму — сапоги, штаны и гимнастёрку. Но самым ценным приобретением Вани Шкелева была настоящая будёновка. Хоть и великовата оказалась, но с будёновкой Ваня не расставался никогда.

Стал Ваня Шкелев партизанским разведчиком. Маленький, проворный, он ходил по сёлам, высматривал, передавал сведения, добытые партизанскими помощниками. Когда отряд Зебницкого направился в Белоруссию, командир приказал Шкелеву остаться во 2-й Клетнянской партизанской бригаде, в сещенских лесах. Как ни больно было расставаться с людьми, к которым Ваня привык за эти несколько месяцев, приказ нарушить не осмелился. Единственное, что скрадывало горечь расставания, было то, что в бригаде воевали отец Вани и старший брат Алексей.

— А мы уж думали — пропал Ванюша, — со слезами на глазах обнял Ваню отец. А потом сказал — Выдрать бы тебя не мешало… Да авторитет твой подорвать боюсь…

Первые капли дождя упали, когда отряд выходил из лагеря.

— Самая что ни есть партизанская погода, — сказал кто-то у Вани за спиной.

— Глядишь, припустит вовсю, немцы попрячутся в укрытия, — обрадованно подхватил Ванин отец. — А нам только это и нужно!

Некоторое время назад командование бригады обнаружило странную закономерность: стоило какому-нибудь отряду покинуть базу и выйти из лесу, как он попадал в засаду или встречал на своём пути сильный заслон. Сначала думали, что в бригаде появился предатель. Были усилены меры предосторожности: о выходе на задание знали только командиры. Рядовые бойцы узнавали о походе перед самым началом операции. Новички проходили строжайшую проверку.

Но неудачи продолжали преследовать партизан. Наконец, всё разъяснилось. В трёх десятках километров от базы находился военный аэродром. Когда фашистское командование потеряло всякую надежду справиться с партизанами, оно подключило к борьбе с народными мстителями авиацию. На аэродроме появилась «рама» — специальный самолёт-разведчик со сдвоенным хвостом. «Рамы» беспрепятственно парили в небе, и самый маленький отряд, появлявшийся из лесу, немедленно засекался. Остальное, как говорится, было делом техники.

— Пока мы не разгромим аэродром, немцы будут держать нас на мушке, — сказал на совещании командиров отрядов командир Клетнянской партизанской бригады. — Знаю, что вы скажете мне: пробиться к взлётной полосе практически невозможно. И тем не менее мы должны это сделать. С завтрашнего дня начать тщательную разведку.

«Мужичок с ноготок» — Ваня Шкелев.

В одну из разведгрупп попал и Ваня Шкелев.

С восходом солнца партизаны залегли на подступах к аэродрому. Первые лучи осветили доты и дзоты, ряды колючей проволоки, замаскированные специальными сетями бомбардировщики. Густо стояли часовые.

С восходом солнца аэродром ожил. Сновали из конца в конец бензозаправщики, механики прогревали моторы. Несколько самолётов готовились к вылету: с них сняли маскировочные сети, было хорошо видно, как подвешивались под крылья тяжёлые бомбы.

Ваня прислушивался к разговору старших. Его так и подмывало сказать: «Пошлите меня, я проползу, как уж, и разведаю подходы!»

Словно прочитав его мысли, командир задумчиво заметил:

— Конечно, один-два человека могут подползти к колючей проволоке. Скажем, Ваня наш или ещё кто. Ну, посмотрят, ну, расскажут нам, как выглядят фашистские асы вблизи. А толку? Заминировать полосу ведь не удастся…

Ваня не знал, что командование бригады пыталось найти помощников среди людей, которые работали на аэродроме, а то и заслать своего под видом обслуживающего персонала. Однако

гестапо было начеку, и выполнить задуманный план не удалось. Кроме того, поджимало время: «рама» связала партизан по рукам и ногам, лишив их возможности действовать в полную силу. Ведь бригада практически находилась в кольце, и даже ночью трудно было выбраться из леса.

…Дотемна разведчики искали какую-нибудь «щёлку» в охране гитлеровцев. И не находили. Когда группа расположилась на невысоком пригорке, откуда весь аэродром был на виду, командир воскликнул:

— Есть! Есть план! Дадим мы фашистам жару!

Но больше он не произнёс ни слова. Приказал возвращаться, и всю дорогу до лагеря молчал. Едва ступили на территорию базы, отпустил партизан, а сам поспешил в штаб. Ваня не сомневался, что командир задумал что-то очень важное и серьёзное. Его волновал один вопрос: найдётся ли и ему, Ване Шкелеву, место в отряде, который отправится громить врага.

А разговор в штабной землянке происходил вот о чём.

— К аэродрому, как мы ни старались, подойти близко не удалось, — докладывал командир разведгруппы. — Мины, колючая проволока, пулемёты держат под обстрелом каждый метр земли. Ночью тем более не пробьёшься — «волчьи ямы», мины, прожекторы… И всё же решение есть!

Командир сделал паузу. Командиры сидели молча, не спешили с расспросами.

— Есть там одно местечко, пригорок. Аэродром как на ладони. Если незаметно подтянуть нашу артиллерию, можно бить прямой наводкой!

План был рискованный. Бригадные сорокапяти- и семидесятишестимиллиметровые пушки нужно было незаметно доставить на место, установить под самым носом у фашистов и открыть огонь. Не дав немцам опомниться, расстрелять самолёты, склады с боеприпасами и горючим и успеть скрыться.

— Успех операции зависит от быстроты и тщательной подготовки. Расчёт — на внезапность и дерзость, — подвёл итог короткому обсуждению командир бригады.

…Партизаны двинулись к аэродрому. Бесшумно катили хорошо смазанные орудия. Вскоре дождь ровно зашелестел в листьях.

Ваня шёл вместе с расчётом станкового пулемёта, куда его определили вторым номером.

В назначенное место вышли в темноте. Артиллеристы поспешили занять заранее указанные позиции. Маскировали орудия. Поудобнее укладывали снаряды. Взвод охранения изготавливал к бою пулемёты, беря на прицел огневые точки и

казармы.

Работали молча, сосредоточенно. Ваня проверял патроны и в мыслях подгонял наступление утра. Больше всего ему хотелось увидеть, как вспыхнут ненавистные самолёты с чёрными крестами. Сколько раз, вжимаясь в землю, Ваня исподлобья вглядывался в небо, где кружили бомбардировщики. Свистели бомбы, и земля дрожала от взрывов…

— Ещё раз предупреждаю, — раздался голос командира отряда. — Стрелять лишь по сигналу красной ракеты!

Дождь утихал. В неясном предутреннем свете проявлялись самолёты, склады, казармы.

Красная ракета взлетела неожиданно и повисла в сером небе. И тут же воздух задрожал от пушечных выстрелов. У самого уха Вани загремел пулемёт. Ване некогда было даже взглянуть на аэродром — он следил, чтобы не заело ленту. Когда же ему удалось краем глаза увидеть поле боя, он с радостью обнаружил что тут и там на аэродроме пылали огромные костры.

Через много лет встретился И. А. Шкелев с дважды Героем Советского Союза А. Ф. Федоровым. И сразу же речь зашла о товарищах, судьбы которых еще не известны.

Рвались боеприпасы. Немцы беспорядочно стреляли, но трассирующие пули пролетали высоко.

Когда взрыв всколыхнул воздух и невидимая сила смахнула Ваню с пригорка, раздалась команда:

— Всем уходить! Орудиям — сниматься с позиции! Взвод охранения — занять место в конце колонны!

…Ещё долго гул разрывов и эхо беспорядочной стрельбы доносилось до партизан, быстро удалявшихся от места боя. Охранение — там находился и Ваня Шкелев — было готово встретить преследователей. Но немцы так и не решились броситься вдогонку. Впрочем, нм было тогда не до этого. Неожиданный налёт партизан надолго вывел из строя аэродром.

— Теперь будут знать, как бомбить нас, — сказал Ваня отцу, который шагал рядом с ним.

— Будут, сынок, — сказал отец. — Не только это будут помнить — проклянут минуту, когда решились напасть на нашу страну…

…Никто уже не сказал бы, сколько дней и ночей продолжался этот бой. Не успевал он утихнуть в одном месте, как с новой силой вспыхивал в другом.

Каратели, как волки, шагали по неостывшим следам партизан. Много суток люди не ели горячего, не пили кипятку. Спали на ходу, падали в снег и с трудом поднимались. Кто терял последние силы, мог надеяться только на руку друга. Кончались патроны, и каждая граната была на вес золота. Февраль сорок третьего выморозил до дна даже никогда не замерзавшие прежде болота. Вторая клетнянская бригада из последних сил отбивалась от врага.

Лунные, морозные ночи были наполнены тревожным ожиданием. Разведчики возвращались с невесёлыми сведениями: бригада в кольце, и кольцо с каждым днём и часом стягивалось туже и туже.

— Ты, Ванюша, держись середины колонны, — сказал отец, когда объявили короткий привал. — Оно надёжнее так…

Ваня с жалостью посмотрел на отца. Щёки у него были отморожены, почернели, глаза горели каким-то нездоровым огнём, пальцы едва держали автомат. Время от времени отец загребал рукой пригоршню снега и запихивал его в рот. Губы кровоточили, а от снега лопались ещё сильнее.

Ване тоже хотелось пить, а ещё больше — есть.

— В середине колонны должны быть раненые, — ответил Ваня. — А я здоров.

— Эх, сынок, нелёгкая тебе досталась доля, — с трудом говорил отец. Он сидел прямо на снегу, откинувшись спиной на вековой дуб.

— Ничего фашисты с нами не сделают, — сказал Ваня. — Вот посмотришь! Шкелев-старший попытался было улыбнуться, но

кровоточащие губы причинили ему такую боль, что лицо невольно искривила болезненная гримаса.

— А знаешь, Ваня, наверное, ты прав, — продолжал, чуть приободрившись, отец. — Сколько на нашу молодую республику бед наваливалось, сколько раз предрекали нам конец… А мы только сильнее становимся после всех испытаний. У меня ведь это — третья война: сначала первая империалистическая, потом гражданская. Теперь с фашистами нужно рассчитаться…

У Вани от голода кружилась голова, и порою его охватывало такое чувство, словно он вот-вот взлетит над землёй.

— Возьми, — сказал отец, протягивая Ване крошечную, в полкулака, чёрствую горбушку. — Последняя…

Ваня жадно схватил хлеб и впился в него зубами. Он съел почти половину, как вдруг его словно молния пронзила. Он вспомнил, что в середине колонны на уцелевших санях лежат раненые. И в последний раз их кормили два дня назад…

Ваня поднялся и, ничего не сказав отцу, почти поплыл по глубокому снегу. Сугробы доходили до пояса, в некоторых местах Ване приходилось разбивать твёрдый наст руками.

Он подошёл к первым же саням. Там лежали закутанные в одеяла и прикрытые сеном двое. Один был без сознания и что-то невнятно говорил в бреду. Второй партизан лежал с открытыми глазами и смотрел в небо. Он заметил Ваню и спросил:

— Немцы далеко?

— Не слышно уже вон сколько времени, — сказал Ваня как можно бодрее.

— Это хорошо, глядишь — и оторвёмся… Хотя нет, не оторвёмся… Нам бы пургу, снег… А нынче даже ночью светло, как днём…

В хвосте колонны дробно застучал пулемёт, ему стали вторить автоматы. Глухо разрывались мины.

— Сниматься! Немедленно сниматься! — побежал приказ от партизана к партизану. Все задвигались, стали подниматься, выстраиваться в колонну по четыре.

Ваня даже не попрощался с раненым и побежал туда, где находился отец.

Но отца на месте уже не было, мимо бежали люди, испуганно ржали от близких разрывов копи. Фашисты стреляли разрывными пулями, и лес наполнился страшным гулом. Казалось, пули летели отовсюду и от них ни убежать, ни укрыться.

— Эй, парень, сюда! Ко мне! — чей-то резкий голос вывел Ваню из растерянности.

Он увидел высокого партизана с ручным пулемётом и двумя запасными дисками под мышкой. За спиной у него висел тяжёлый

вещмешок.

— Хватай диски и за мной! — приказал он. — Куда это задевался мой второй номер?

Он сунул Ване в руки диски и кинулся вперёд, даже не посмотрев, бежит ли юный помощник за ним. Доверие окрылило Ваню и он вовсю старался не отставать от пулемётчика. Мимо проносились сани, бежали люди. Стрельба приближалась.

— Здесь! — крикнул высокий партизан и кинулся в снег. Он ловко пристроил пулемёт между двух сосен-близнецов. Руками разгрёб снег, поудобнее улёгся. Потом, что-то вспомнив, приподнялся, быстро вытащил из вещмешка две гранаты на длинных ручках. Положил справа от себя.

— Идут! — крикнул пулемётчик. — Идите, идите! Голову, голову убери, парнишка! — обратился он к Ване и тот страшно удивился, как это партизан заметил, что он приподнялся, чтоб лучше увидеть наступавших фашистов.

Немцы шли по дороге. Их чёрные шинели резко выделялись на снегу.

— Ближе, ближе! — приговаривал пулемётчик, прильнув к прикладу «Дегтярёва».

Он подпустил их так близко, что Ваня испугался. Ему показалось, что фашисты видят их и хотят взять живьём.

Пулемёт выпустил длинную очередь, и первые два ряда фашистов, как марионетки на ниточках, задёргались на месте и попадали.

Фашисты попытались обойти пулемёт с фланга, но две гранаты на время остановили их. Офицер, размахивая пистолетом, поднял-таки солдат в атаку.

— Давайте, давайте сюда! — кричал партизан, и его пулемёт «вырубывал просеки» в рядах наступавших.

Вскоре немцы подтянули миномёты, и мины разорвались за спиной у партизанской засады.

— Вот теперь самое время и позицию поменять, — сказал пулемётчик. — За мной!

Они отползли назад, и глубокий снег надёжно скрыл их от глаз противника. Они уже догнали партизанское охранение, а позади ещё рвались мины… Спустя два дня, в пургу, партизанская бригада прорвала окружение и примкнула к соединению Фёдорова.

С частями Советской Армии Ваня Шкелев встретился на реке Сож.

— Ты, Иван Шкелев, за свои двенадцать лет достаточно навоевался, — сказал ему командир дивизии, к которому он обратился с просьбой зачислить в ряды Советской Армии. —

Теперь твоё дело — учиться и учиться! А фашистов мы добьём, можешь не сомневаться!

…В Калининграде хорошо знают штурмана дальнего плавания коммуниста Ивана Афанасьевича Шкелева. «Это человек с партизанской закалкой», — говорят о нём товарищи.

Пулям навстречу

Валентина Яковлевна Проценко.

О Вале Проценко мне приходилось слышать часто, а вот увидеть никак не удавалось.

Алексей Фёдорович Фёдоров даже сказал мне: «Вы что же это, товарищ Давидзон, лучших бойцов пропускаете? Не годится!»

Наконец случилось так, что я участвовал в бою вместе с Проценко — под деревней Несимковичии в Белоруссии. Бой был жаркий, силы фашистов в несколько раз превосходили наши. Когда я увидел Валю, она уже была тяжело ранена… Снимок, который вы видите, был сделан после возвращения Вали из партизанского госпиталя в Москве…

В ту ночь они заночевали на заброшенном лесном хуторе. Раненых поместили в крошечной баньке. Остальным места под крышей не хватало. С едой было совсем плохо — варили грибы, иногда удавалось нарыть десяток-другой картофелин. Соль давно

кончилась, запах хлеба они и вовсе позабыли. За тридцать восемь суток, минувших со дня прорыва из окружения под Киевом, они лишь дважды заглянули в село. В первый раз им повезло — немцев не оказалось, партизаны отоспались, перебинтовали раненых. В другой раз их встретили кинжальным огнём, и отряд сократился едва ли не наполовину…

Валя Проценко — невысокая, хрупкая па вид — выглядела совсем ребёнком. Щёки втянулись, гимнастёрка, ещё недавно туго обтягивающая плечики, теперь топорщилась и казалась очень большой. Ещё тогда, в июле 1941 года, командир дивизии, уступив настойчивым просьбам двух студенток медицинского техникума взять их санитарками, сказал: «Пусть начмед решает. Абрамчук, видно, возьмём, а вот вас, Проценко, сомневаюсь… вы и раненого-то не вытащите… силёнок не хватит». Так оно и получилось: вполне удовлетворённый их знаниями медицины, начмед Вале отказал наотрез. «Я не в услужение к вам иду! — взорвалась Валя. — Я хочу быть полезной бойцам. Это мой долг — долг комсомолки! Не уйду из части, хоть расстреляйте!»… Своего первого раненого Валя запомнила на всю жизнь. Это было на речке Ирпень под Киевом. Позиции артиллерийского дивизиона располагались средь вековых сосен и светлых берёз. Немцы продвигались вдоль шоссе. Батарея расстреляла их в упор.

Тогда фашисты спешно подтянули тяжёлую артиллерию и стальной смерч забушевал на наших позициях. Валя сидела в укрытии, обхватив голову руками. Земля содрогалась, комья тяжёлым дождём сыпались сверху. Валя даже не поняла, как она услышала слабый крик о помощи. Выглянув из окопа, увидела залитого кровью солдата. Он лежал под берёзкой и силился подняться на ноги.

— Куда? Стой! — закричал командир артдивизиона. Но было поздно: Валя выпрыгнула из окопа и, пригибаясь, побежала к берёзке. На ходу расстегнула санитарную сумку, выхватила пакет, разорвала его. Как только Валя опустилась перед раненым па колени, руки сразу же принялись за дело. Да так ловко и привычно, словно она делала перевязки тысячи раз. Осколки часто рубили ветки над головой, и они засыпали Валю…

Трудное началось позже, когда она попыталась оттянуть раненого в укрытие. Он был тяжёл и даже не сдвинулся с места. Валя чуть не заплакала от обиды. Ей казалось, что у неё оторвутся руки. Но никакая сила не заставила бы её бросить красноармейца. Обессилевший от потери крови боец как мог помогал хрупкой санитарке.

— Сестричка, сестричка, — голос из темноты прервал воспоминания, и Валя наклонилась над раненым.

— Скоро вам будет легче, — успокоила Валя. — Сегодня мы богаты — картошки нарыли вдоволь. Целое поле нашли…

— Пить, сестричка…

Валя напоила бойца из фляги.

Когда раненые уснули, Валя выбралась из баньки. Бойцы расположились у неяркого костра. Молча ели картошку, запивая кипятком, в который набросали крупно нарезанных яблок — тоже из сегодняшней добычи. Винтовки и автоматы лежали под рукой.

— Если до первого снега не дойдём до своих, — сказал лейтенант-артиллерист, — худо будет. Следы нас выдадут…

— Да мы раньше околеем от холода, — добавил кто-то.

— Ни с места! Оружия не трогать! — раздался вдруг из темноты приказ. Валя оглянулась и увидела, как со всех сторон к ним подступают неясные фигуры. Но язык был русский, чистый.

— Кто такие?

— Прежде скажите, кто вы, — спокойно ответил лейтенант и взялся за гранату.

— Партизаны…

Так, спустя пять недель после последнего боя на Ирпене, крошечный отряд бойцов Красной Армии, в котором находилась медсестра Валентина Проценко, влился в Черниговский областной партизанский отряд. Это было в рейментаровских лесах в октябре 1941 года… Вале в ту пору было шестнадцать.

Первое время Валя чувствовала себя неуютно и неуверенно в отряде. Оружия у партизан было мало — в основном карабины, винтовки, автоматы были редкостью и считались наиболее грозным оружием. После армии, после пушек и танков, которые окружали Проценко с первых дней её военной жизни, партизанский отряд заставил её усомниться в силе народных мстителей. «Разве можно причинить фашистам вред таким оружием?» — думала Валя.

— Ты не гляди, что у нас иной раз на каждого по десятку патронов, — развеял Валины сомнения старый партизан. — У нас ни одна пуля не пропадает. Мы бьём, когда враг нас не ждёт. Не успеют немцы прийти в себя, как и след наш простыл…

И всё же долго ещё девушка в мечтах своих уносилась за далёкую линию фронта, видела себя в бою. Думала, пересидит зиму, а там будет пробиваться дальше, к фронту.

Но когда стала ходить на операции и увидела, как бежит враг, поняла: её место здесь, с партизанами!

Первую и вторую роту срочно построили на поляне. Командир отряда коротко объяснил:

— Немцы на рассвете напали на нашу заставу. Кто-то, видно, вывел карательный отряд нам в тыл. Застава погибла. Фашисты

захватили аэродром. Потом сурово добавил:

Молоко для раненых.

— Нужно во что бы то ни стало выбить немцев. Сами знаете, раненых у нас много. Сегодня должен прилететь самолёт с Большой земли. Аэродром нам нужен, как воздух!

Лес просыпался. Птичье разноголосье навевало ощущение безмятежности, ничто не говорило о том, что в нескольких километрах, в опасной близости от партизанской базы, обосновались фашисты. Никогда раньше не рисковали они проникать так глубоко в лес.

Валя перед выходом осмотрела своих раненых, которых подготовила к отправке в советский тыл. Потом догнала отряд. В ушах ещё звучал тихий голос подорвавшегося партизана-минёра: «Вы уж там… не пожалейте себя… Выбейте фашистов с аэродрома…»

Подрывника Валя знала давно. Весёлый чубатый парень подошёл к ней, когда она растерянно оглядывалась на новом месте. Это было сразу же после прихода в отряд. Тогда вид одетых кто во что горазд людей с охотничьими ружьями, рваные палатки, где даже от дождя не укрыться, убийственно подействовали на девушку.

— Что, подруга дней моих суровых, заскучала? — спросил с лёгкой насмешкой парень. — Меня зовут Фёдором, родом из Корюковки. Слыхала? Нет? — искренне удивился партизан. — Да она на всю Черниговщину известна!

— Я не с Черниговщины, — не слишком мягко ответила Валя, не имея намерения вступать в разговор. — Из Василькова я.

— Где это такой? — спросил Фёдор.

— Под Киевом.

— А, под Киевом, — протянул парень. — Мне так далеко забираться не посчастливилось. Вот в Чернигове аж два раза был… Большой город! Установилось неловкое молчание. Парень, видимо, смущённый, что девушка «из-под самого Киева», не знал, что сказать. И Валя поняла его.

— А вы давно в отряде?

— С первого дня, — обрадовался парень. — Даже не с первого. Ещё когда фронт далеко был, когда только базу закладывали, меня райком комсомола направил в отряд.

— Вы уже били фашистов?

— Ещё как! Да вот только сегодня вернулся с «железки». Эшелон — тютю… Вместо фронта попали фашисты к чёрту в ад.

Они подружились, и Федя, бывший инструктор физкультуры, возвращаясь с задания, рассказывал Вале, как оно прошло. Парень он был честный, успехи свои не раздувал, а неудачи не приукрашивал.

Федю принесли с железной дороги, но мало кто верил, что он выживет. Валя не отходила от него ни днём, ни ночью. Когда подрывник приходил в себя, он видел спокойные Валины глаза и слышал слова, которые придавали ему сил. Но раны были слишком тяжелы, чтобы можно было надеяться поднять Федю на ноги в условиях лагеря. Ему нужна была срочная операция. Его мог спасти лишь настоящий госпиталь. А госпитали, как известно, были далеко, за сотни и сотни километров от затерянной в черниговских лесах крошечной полянки, к которой и направлялись два взвода…Как ни осторожны были партизаны, фашисты их перехитрили: пропустили через свою засаду двух разведчиков, шедших первыми, и открыли внезапный огонь по отряду. Лес наполнился гулким грохотом стрельбы. Рванули гранаты. Партизаны поспешно залегли. Ответный огонь был разрозненный и не причинял немцам вреда.

Валя перевязывала раненых, переползая от дерева к дереву. Пуля сбила с её головы пилотку.

Злость охватила девушку. Она вспоминала беспомощного Фёдора и надежду, светившуюся в его глазах.

Командир взвода пытался поднять бойцов в штыковую атаку, но голос его тонул в грохоте боя. Наступил тот момент, когда никто не мог преодолеть себя и кинуться навстречу пулям. Прижимались к земле даже те партизаны, которых никак нельзя было заподозрить в трусости. Взводный и тот командовал из

окопа.

«Да что же это происходит? — подумала Валя. — Нас же перестреляют поодиночке!»

Какая-то сила, что сильнее страха, подняла девушку на ноги.

— Взвод! — крикнула она звенящим голосом. — За мной! Вперёд!

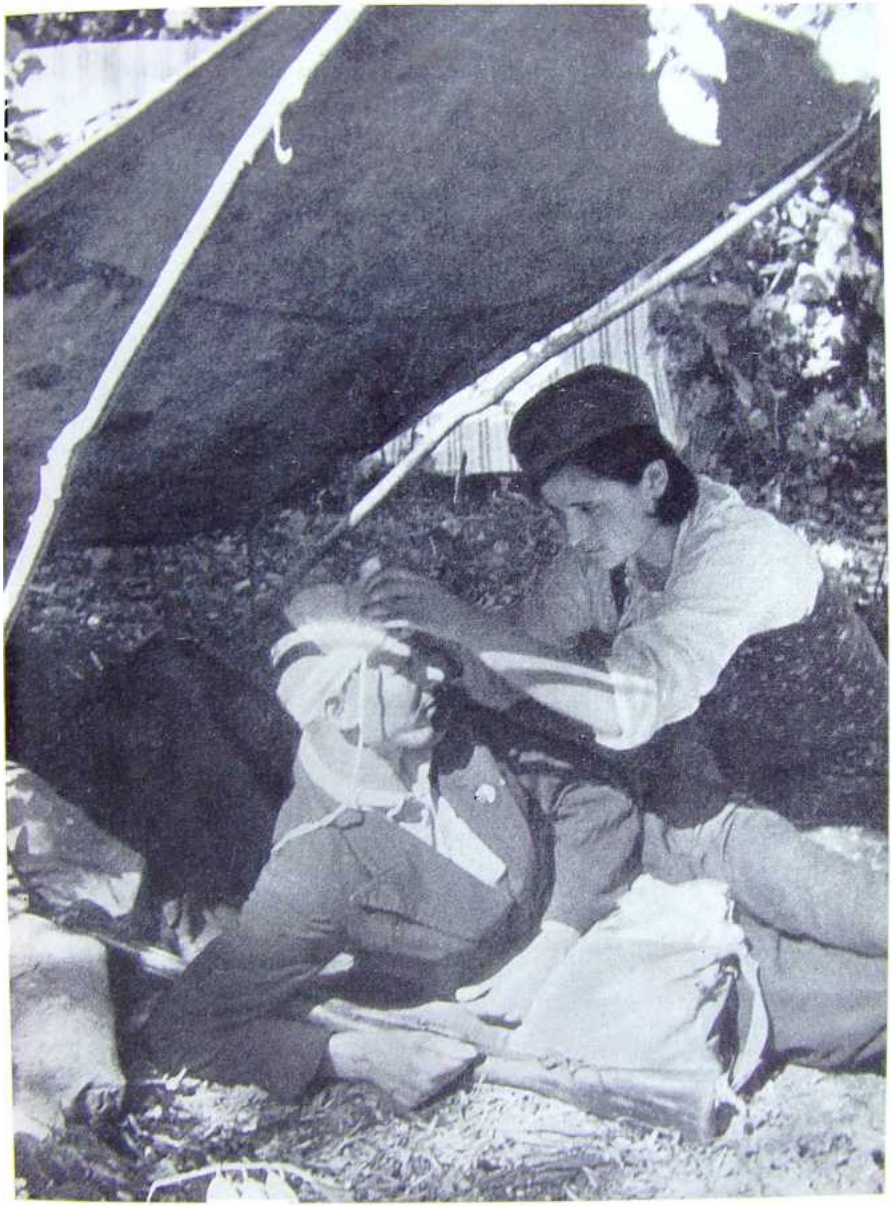
Валя побежала, спотыкаясь на кочках. Она не чувствовала ног, она словно скользила над землёй. Не оглядывалась. Не знала, одна она бежит или все устремились за ней.

Лишь когда её стали обгонять партизаны, она вспомнила о своих обязанностях санитарки…

Немцы не смирились с потерей аэродрома. Два дня длилось упорное сражение. Валю тяжело ранило в шею.

Когда, наконец, партизаны смогли принять самолёт с Большой земли, Валю Проценко отправили в тыл. Почти полгода провела девушка в госпитале. А едва поднявшись на ноги, потребовала, чтобы её забросили в родной отряд. Ей долго отказывали, но она добилась своего.

Валя вернулась в отряд и попала в тот же взвод. Опять операции, засады, схватки с врагом. Летом сорок третьего в злынковских лесах, во время прорыва блокады, Проценко снова была ранена, когда выносила из-под огня раненого бойца.



Первая помощь.

Я был свидетелем того, как героически вела себя эта хрупкая девушка. Она шла наравне со всеми, хотя рана её не закрылась и плечо постоянно кровоточило. А ведь иной раз за ночь приходилось преодолевать по 30–40 километров!

В Чернигове сегодня можно встретить Валентину Яковлевну Проценко. Орденоносец, ветеран войны, бывшая партизанка — желанный гость в школах. Она рассказывает о тех далёких годах, о боевых побратимах, не жалевших жизни во имя сегодняшнего

мирного неба.

Вася Коробко

Я знал, что есть у Васи Коробко заветный блокнотик. Никому его Вася не показывал, потому что в отряде строго-настрого было запрещено вести не только дневники, но всякие записи вообще. «Ты нарушаешь приказ командира», — сказал я ему однажды.

«Так ведь и вы, дядя Яша, дневник ведёте», — отвечал Вася. Меня просто в жар бросило — я полагал, что никто и не догадывается о его существовании. «А вы не бойтесь, я никому не скажу», — поспешил успокоить меня Коробко.

Общая тайна ещё больше сблизила нас. Вася, из которого обычно клещами слова не вытащишь, рассказывал мне охотно о своей жизни, мечтах…

Сентябрь выдался тёплым — настоящее бабье лето.

Земля в лесу за ночь успевала остыть, но па еловых ветках да под шинелью спится как дома.

Ночью группа Василия Коробко проделала многокилометровый рейд и дважды пыталась приблизиться к железнодорожному полотну Гомель — Брянск. И дважды их встречали пулемётным огнём и гранатами. Хорошо ещё, что в темноте охрана не могла стрелять прицельно.

— Сегодня прорываться не будем, — с горечью произнёс Коробко, провожая взглядом воинский эшелон. — Не подпустят нас немцы. Ночь напролёт будут ракеты пускать да простреливать всякий подозрительный кустик.

— Это точно, — вздохнул пулемётчик. — Раз обозлили их, они до утра не лягут спать. Видать, не повезло нам на этот раз…

Группа поспешно покинула опасную придорожную полосу. До леса они добрались по-пластунски, потом пошли в полный рост. Шальные пули ещё залетали в чащу, но вреда причинить уже не могли — они впивались в деревья, срезали ветки высоко над головой. Коробко шагал первым, выбирая путь. Неудача не расстроила его. Такой уж у него был характер: чем труднее достичь цели, тем упорнее и настойчивее искал Коробко к ней пути. Он знал, что фашисты усилили охрану железнодорожного полотна. Эту весть принесли в отряд другие группы, выходившие на диверсии. Подтвердил это и связной, ходивший на явку в Гомель.

Когда заглохли вдали звуки выстрелов, Коробко приказал остановиться.

Место он выбрал у ключа, бьющего из-под корневища старой берёзы. Берёза росла в лощине, окружённой с четырёх сторон густым вековым бором. Пройдёт человек в десяти шагах и не заметит ничего.

Огонь не разводили. Выставили часового наверху, а сами принялись готовиться ко сну. Кто рубил еловые лапы, кто просто выбирал местечко помягче. Вася быстро настелил широкую полосу из молодых веток, под голову подложил ящик с толом, сбоку пристроил автомат и лёг на спину.

Уставшие мышцы ныли, но боль быстро проходила. Вася лежал с открытыми глазами и смотрел в небо. Сквозь верхушки деревьев пробивался голубой свет.

Вася вспомнил то далёкое время, когда ходил в школу. Он любил сентябрь, и особенно первые уроки в школе после лета, когда собирались товарищи. Каждый спешил поделиться увиденным, рассказать, где побывал. Погорельцы — село не маленькое, но и не крупное. Потому даже поездка в Чернигов воспринималась как праздник, и счастливец долго находился в центре внимания. Вася в городе тогда, перед самой войной, побывал дважды: один раз взял с собой отец — секретарь сельсовета, вторично Вася ездил в черниговский Дом пионеров вместе с лучшими учениками школы. С нетерпением предвкушал Вася наступление осени. Представлял, как станет рассказывать о музее, о старинных пушках на крепостном валу и о многом другом.

Но война сделала его воспоминания никому не нужными, и шестиклассник Вася Коробко думал лишь о том, как попасть на фронт.

Готовился убежать на фронт и его товарищ Иван Снитко. Друзья лишь выжидали подходящего момента.

Между тем война сама спешила им навстречу. Через село проходили обозы с ранеными, а в небе пролетали самолёты с крестами. Погорельцы, правда, не бомбили, но люди в первые дни прятались кто куда.

Друзья наметили окончательный срок — в пятницу рано утром уходить. Допоздна засиделись у калитки, обсуждая планы на дальнейшую жизнь.

В четверг вечером по селу прокатился слух, что неподалёку упал в болото немецкий самолёт.

Слух подтвердил сосед Ивана — пятиклассник Гришка. Он стал с гордостью рассказывать, что его отец сам видел, как немецкий бомбардировщик свалился в Пуховское болото.

— Дым чёрный как попрёт из него, как попрёт! Потом наклонился гитлеряка носом вниз и прямиком на лес. А «ястребок» вокруг летает да из пулемёта! — торопливо выпалил сведения Гришка.

— Ладно, ладно, без тебя знаем, — осадил его Иван, а когда сосед ушёл, Иван горячо зашептал:

— Завтра, чуть рассветёт — айда в лес, на болото! Нужно разыскать самолёт!

— Чего когда рассветёт! Затемно выйдем. А то опередят!

Пуховское болото, в которое упал немецкий бомбардировщик, пряталось в лесах. Дорога туда неблизкая, и

двое друзей вышли с первыми петухами, когда восток только посерел. Было прохладно и так тихо, что даже не хотелось говорить.

Вася лес любил. Здесь можно было вдоволь набродиться, наиграться в разбойников или устроить поиски клада. Каждая полянка, каждый овражек или опушка были по-своему интересны и непохожи. А родниковая вода в лесу — всем известно — самая сладкая.

Шли легко, подгоняемые волнующей неизвестностью. Тропинки разбегались в разные стороны, но Вася не колебался, на какую свернуть. Иван полностью положился на друга, потому что за Васей Коробко в Погорельцах укрепилась репутация следопыта. Этому немало способствовал позапрошлогодний случай, когда пропал четырёхлетний мальчишка, и село вышло на его поиски. Лишь на третьи сутки, когда уже никто не верил в то, что мальчик жив, Вася набрёл на него…

Когда солнце пронизало кроны деревьев, ребята присели отдохнуть. Достали сухари, луковицы, яблоки и банку рыбных консервов. Вася набрал в родничке воды в бутылку из-под ситро.

— Я бы так в лесу и остался, — мечтательно сказал Вася. Построил бы шалаш, травы накосил бы…

— А ночью по лесу знаешь кто бродит? — перебил его Иван, хрустя сухарями.

— Кто?

— Черти!

— Тоже скажешь! А ещё пионер!

— Ну, может, не черти… Лешие, они в болоте живут…

Рассмеялся Вася громко, на весь лес. Весело стало ему и от рассуждений Ивана, и от яркого, тёплого летнего дня, и от тишины.

— Чего смеёшься? Уже и пошутить нельзя!

Остаток дороги до болота прошагали молча.

Болото, вернее его дух, они учуяли задолго до того, как как блеснула тёмная вода. Влажный, густой воздух растекался над землёй, не в силах подняться вверх. Босые ноги сразу почувствовали холод.

— А вода там, наверное, как лёд, — сказал Иван.

— В болоте вода всегда холодная, даже в жару.

— А если самолёт упал как раз посерёдке?

— Ну и что же! Полезем!

— А если утонем?

— Можешь сидеть на берегу — сам полезу!

— Ты ещё сначала его найди!

Искали недолго.

— Вот тебе и самолёт, — произнёс Вася.

— Где? — вскинулся Ваня.

— Не туда смотришь! Во-он за берёзой…

Они поспешили. Под ногами зачавкала вода. Тёмно-серый двухмоторный самолёт с паучьей свастикой на хвосте провалился в трясину правым крылом, и, казалось, силился вырваться из цепких объятий болота.

— Ага, попался, гад! — закричал Иван.

— Тихо ты! — шикнул на него Вася. — А вдруг там фашисты?

Ваня так и присел.

Они некоторое время рассматривали самолёт. Стеклянный колпак был разбит, в хвосте зияли рваные дыры.

— Пошли, — решительно сказал Вася.

— А может, немцы сидят и ждут нас… Затаились, гады!

— Тогда я сам. Ты подожди. В случае чего… — Вася не закончил, но Ваня согласно закивал головой.

Осторожно нащупывая ногами дно, Вася направился к самолёту. Сердце стучало в груди.

Но страха не было. Подхлёстывало любопытство. И ещё — ненависть к машине, на крыле которой красовался чёрный крест.

Осторожно приближался к кабине. В кабине таинственно блестели приборы.

Нервы у Васи напряглись до предела. Но из самолёта не доносилось ни звука.

Вася решительно перекинул ногу вовнутрь. Самолёт был пуст: валялись какие-то бумаги, на которых часто встречалось изображение чёрного орла со свастикой в когтях. Трофеев было немного. Самым ценным оказался пистолет.

— Только гляди — никому! — снова и снова предупреждал он Ваню.

Весь обратный путь Вася шёл молча, прикидывая в уме, как снять с самолёта пулемёты. У него родилась мысль: устроить на дереве, что росло на огороде, пулемётное гнездо. «Пусть только попробуют сунуться! — рассуждал Вася. — Узнают, как летать над советской землёй!..»

Ещё на дальних подступах к родному селу они почувствовали запах гари.

— Неужели пожар? — встревожился Ваня.

Они сложили находки в ямку, присыпали прошлогодней хвоей, веточками

Подрывники уходят на задание.

и приметили место. Только с пистолетом Вася не расстался. Он сунул его в котомку, где были остатки еды.

Ребята выбежали на опушку. В разных концах села пылали хаты. По улицам и дворам бегали солдаты в ненавистной форме.

Так война ворвалась в родной край Васи Коробко…

Васю разбудило солнце. Жара соткала дрожащую пелену, в которой колыхались травинки, цветочки, высокие берёзы.

Луч солнца, пробившийся сквозь густые ветви, обжигал лоб, и Вася отодвинулся в сторону. Но спать больше не хотелось. Он приподнялся на локтях и огляделся. Партизаны упали и уснули там, где их сморила усталость. Клевал носом и часовой, но Вася не беспокоился. Они находились в такой чащобе, что немцы вряд ли решатся тут рыскать. Правда, нельзя забывать, что среди их пособников были и полицаи из местных жителей. Но так прекрасен был этот лесной мир, так сладок и прозрачен воздух, что не хотелось допускать даже мысли о предательстве.

— Иди, поспи, — предложил Коробко, неслышно подойдя к часовому. — Да не дёргайся, это я… — поспешно добавил он, увидев, как тот схватился за автомат.

— Задремал, — виновато покачал головой автоматчик. — Ты уж прости… Дом приснился… будто стою ранним-ранним утром на крыльце… а из-за речки солнце поднимается… взмахнул я руками и взлетел… лечу всё выше и выше…

— Ладно, спи. Расскажешь, куда долетел.

Вася поднялся и пошёл к своему рюкзаку. Осторожно извлёк мину новой конструкции, лишь недавно доставленную с Большой земли. Осмотрел её смахнул приставший листок. Эти несколько килограммов взрывчатки, подумал Коробко, могут спасти жизни десяткам наших бойцов. Нужно, очень нужно, чтобы мина сегодня же пустила под откос воинский эшелон!

Уже почти два года он жил в лесу. Лес стал его домом, семьёй, школой, и выходы на операцию чередовались с короткими передышками. Но всё равно к свисту пуль нельзя привыкнуть, как нельзя позабыть всё то страшное, что принесли фашисты на нашу землю.

— Что, Василий, пора бы и подниматься, — сказал пожилой партизан Митрофан Короп. Вася любил ходить с ним — пулемёт Коропа строчил без промаха, а сам пулемётчик не ведал страха. Бывают такие люди — сами ищут смерти, а смерть бежит от них. У Коропа в живых не осталось никого — и старых родителей, и малых детей фашисты расстреляли как заложников.

— Пусть ещё поспят, — сказал Вася. — Думаю я, дядя Митрофан, выйти к железной дороге через болото.

— Если ты имеешь в виду Чёрную гать… — покачал головой Короп. — Гиблое место. Там и днём с огнём не пройдёшь, а ночью… Пропадём ни за грош.

— Раз называют Чёрная гать, значит, когда-то люди проходили. Сыщем и мы тропу. Иначе к линии не подойдёшь! Охраняют, точно самого Гитлера собираются везти!

…Наверное, минуло не менее часа, а они смогли преодолеть метров сто. Коробко сидел на кочке посреди болота мокрый с ног до головы. Один сапог остался в трясине Чёрной гати, намокший ватник казался тяжёлым, как свинец.

Партизаны отдыхали молча.

«Неужели я ошибся, неужели так и не удастся пробраться к железной дороге? Видно, потому немцы и не держат здесь постоянных постов…» — думал Коробко.

— Возвращаться нужно, Вася, — посоветовал Короп. — Ещё можно успеть выйти к «железке» в другом месте…

Чтобы получить пулю в лоб?! — не согласился Коробко. — Здесь пойдём… то есть, вернее, я пойду. Короп, давай мину.

— Ты что задумал?

— Ничего я не задумал. У меня есть приказ командира, и я его должен выполнить! Пойду один.

— А мы что, сидеть будем да глядеть?

— Здесь действительно гиблое место, дядя Митрофан, — сказал Коробко. — Потому попытаюсь выполнить задание сам.

— Нет, ты это брось, — жёстко сказал Короп. — Или никто, или все. Тоже мне герой сыскался!

И такое неодобрение звучало в голосе партизана, что Васе стало жарко от стыда. Хотел было сказать, что не мальчишеская заносчивость заставила его принять такое решение. Когда он ушёл с головой под воду и едва не задохнулся в гнилой жиже, понял: здесь действительно не пройти. Чудом избежав смерти, Вася испугался. Хорошо, что никто из товарищей не заметил его состояния!

— Ладно. Пусть со мной идут добровольцы…

— А мы все здесь добровольцы, — прозвучало в ответ.

И снова Васе пришлось краснеть из-за своих слов.

…Они прошли через болото. Одного Коробко всё же не мог предусмотреть — топь подходила к самой насыпи, и укрыться было негде. Вася легко себе представил, что произойдёт через пять минут после взрыва. Охрана ринется к месту диверсии с двух сторон. Партизанам придётся или сложить головы вот здесь — па насыпи, или утонуть в болоте.

Вася Коробко (первый слева) и его бесстрашные товарищи.

— Дела… — протянул Короп.

Коробко лихорадочно искал выхода из создавшегося

положения. Конечно, можно было, пока охрана не обнаружила их, уйти тем же путём. Но тогда эшелоны будут катить к фронту…

— Слушай мою команду! — приказал Коробко. — Всем двигаться вправо вдоль железной дороги!

— Там же немцы, охрана, — тихо сказал Короп.

— Задача, — словно не услышав голоса партизана, продолжал Коробко, — как можно ближе подобраться к охране и замаскироваться. Я остаюсь здесь, минирую. После взрыва охрана кинется сюда. Не стрелять, пока она не минует вас. Бить в спину, неожиданно!

О себе он не сказал пи слова, по каждый из шести партизан диверсионной группы понял — у Коробко остаётся один шанс из ста выбраться живым. Но здесь уже никто не мог нарушить приказ. Командир на то и был командиром, чтобы иметь право рисковать собой.

Они уползли в темноту, и Вася не услышал ни звука. «Здорово!» — похвалил он их мысленно.

Немного посветлело. С болота наползал сырой воздух.

Вася взобрался на насыпь. Ножом и руками выкопал углубление. Осторожно установил мину. Проверил взрыватель. Потом приложил ухо к рельсу и прислушался. Ему показалось, что рельс чуть слышно вибрирует.

…Когда тяжёлый паровоз вздыбился и завалился на бок, из топки вдруг вырвалось яркое пламя и озарило картину крушения. С открытых платформ, срывая крепления, катились вниз орудия и танки, офицерский вагон смяло и вверх полезли листы железа, какие-то доски. В хвосте поезда рвались боеприпасы.

Васю ударило взрывной волной, густо посыпало сверху землёй. Оглушённый, полуослепший, Коробко побежал к своим. Там уже разгорался бой. Партизаны обстреляли охрану.

Немцы долго и упорно преследовали подрывников, и был момент, когда, казалось, им не удастся вырваться. Но вот за спиной у фашистов раздалась частая стрельба, и преследователи сами вынуждены были спасаться бегством. Когда с преследователями было кончено, Коробко увидел выходящего из-за деревьев Фёдора Ивановича Короткова, командира соединения имени Попудренко.

— Разрешите доложить, товарищ командир! — спросил Коробко.

— Погоди докладывать! Санитара ко мне!

Когда подоспел санитар, Коротков приказал:

— Перевяжите раненого!

И лишь после этого разрешил:

— А теперь можешь докладывать…

Я навсегда запомнил нашу последнюю встречу с Васей Коробко. Мы уже соединились с частями Советской Армии. Я сказал Алексею Фёдоровичу Фёдорову:

— Васе Коробко нужно учиться, Алексей Фёдорович. Рекомендуйте его в суворовское училище.

— Дело говоришь, — согласился Фёдоров.

Вечером в хату, где расположилась моя походная «фотолаборатория», ворвался Коробко. Я и слова не успел ему сказать, как он подлетел ко мне, схватил за гимнастёрку и с силой дёрнул на себя. Он закричал:

— Зачем, зачем вы сказали это командиру?! Я хочу воевать! Пока хоть один живой фашист есть на земле, нет мне покоя!

…Коробко таки добился своего. Он ушёл в соединение Героя Советского Союза Петра Вершигоры и в 1944 году погиб смертью героя. Василию Коробко тогда едва исполнилось шестнадцать. Подвиги его Родина отметила орденами Ленина и Красного Знамени.

Глава, которая требует продолжения

В кабинете дважды Героя Советского Союза Алексея Фёдоровича Фёдорова висит фотопортрет. Круглолицый, улыбающийся молодец в крестьянском тулупе нараспашку, в кубанке с партизанской ленточкой. Он переполнен оптимизмом, силой. Никогда не скажешь, что за час до того, как был сделан этот снимок, отгремел жестокий бой. В тот день партизанские соединения Ковпака и Фёдорова разгромили фашистскую карательную флотилию на реке Припять. Такой уж характер у Фёдорова — никогда не унывать, как бы трудно ни приходилось. Сколько раз в той далёкой теперь от нас партизанской жизни оптимизм и бодрость командира вселяли уверенность, помогали людям преодолевать, казалось бы, непреодолимые трудности!

Сидя под этим портретом, мы с легендарным «генералом Орленко» охотно вспоминали былое, подолгу беседовали о людях, с которыми почти сорок лет назад воевали в тылу врага, спали на снегу и вместе поднимались в атаку.

— Знаешь, частенько мы несправедливы, вспоминая о прошлом — мы всё время называем одни и те же имена, хотя круг этот нужно расширять постоянно, — задумчиво сказал мне Фёдоров.

Я, помнится, сослался на время: вон сколько лет прошло с тех пор. Попробуй сыскать тех, кто остался в живых: разъехались партизаны во все концы страны.

— Нет, — твёрдо возразил Алексей Фёдорович, — это наш священный долг. Я и по сей день стараюсь в книгах своих и статьях открывать молодому поколению новые имена. Ведь войну выиграли не отдельные личности — пусть и самые героические! — а многие и многие незаметные герои…

Сознаюсь: не сразу взялся я за эту книгу, хотя Фёдоров и заставил меня всерьёз призадуматься. Меня сдерживали предполагаемые трудности, связанные с поисками, неуверенность в успехе. Но чем дальше, тем труднее было избавиться от мысли о долге перед боевыми побратимами. Когда вышла моя книга «Уходили в поход партизаны», посыпались письма. Они приходили из самых дальних уголков страны и даже из-за рубежа. Тогда-то и окрепло окончательное решение — рассказать о детях, которых я повстречал в партизанских отрядах.

Когда начиналась работа над этой книгой, всё казалось ясным и определённым. Но поставить в книге последнюю точку я не мог — рука не поднималась. Ведь рассказал я только о тех, кого знал лично. А фотографий детей у меня осталось очень

много. Как быть с ними? Справедливо ли вспоминать только о тех, с кем по воле обстоятельств я познакомился поближе?

Володя Малахов.

Тогда и родилась мысль обратиться к вам, красным следопытам, с просьбой продолжить эту книгу. В этой главе вы узнаете лишь имена ребят, запечатлённых на плёнку, и обстоятельства, при которых я сфотографировал их. Вам предстоит трудная, но благородная и нужная работа — разыскать партизан, узнать, как складывались судьбы ваших сверстников времён Великой Отечественной войны.

В апреле 1943 года соединения Алексея Фёдоровича Фёдорова, Сидора Артемьевича Ковпака и Якова Ивановича Мельника предприняли крупную операцию.

В белорусском городе Брагин фашисты сосредоточили склады с огромным количеством военного снаряжения и продовольствия. Они укрепили оборону и считали себя недосягаемыми для партизан.

Сначала работала разведка: изучала подходы к городу, систему патрульной службы, выявляла огневые точки. В этом деле юные партизанские связные были незаменимы.

Разведчик Николай Шубин.

Операция прошла успешно: ни одному гитлеровцу не удалось уйти от возмездия. Партизаны праздновали победу. Тогда я и наткнулся на мальчугана лет 6–7, который разговаривал с окружившими ого командирами —

Братья Ступак.

Ковпаком, Фёдоровым, Мельником и Рудневым. Я поспешно сфотографировал эту сценку и прислушался к разговору. Отец Володи Малахова тоже был в партизанском отряде. Володя же выполнял разные задания и очень гордился оказанным ему доверием. Держался он солидно, на вопросы отвечал спокойно и рассудительно, и Ковпак, слушая его, не раз усмехался в бородку. А Семён Васильевич Руднев (он крайний слева на снимке) даже сказал:

Федор Лиходид и Вениамин Стукало.

— Геройский ты человек, Володя!

Семья Марковых.

А вот о следующем снимке.

Это было в Белоруссии в деревне Оревичи. Снег только-только сошёл с земли, наступил апрель 1943 года. Немцы предприняли карательную экспедицию против партизан. Целая флотилия речных судов, набитых гитлеровцами, двигалась по разлившейся полноводной Припяти. Думали фашисты застать партизан врасплох, а наткнулись на такой огонь, что немногим удалось унести ноги. Но, конечно, это легко сказать — еле ноги унесли. В действительности бой был упорным и кровопролитным.

Ковпак наблюдал за боем, и приказы его передавал разведчик Николай Шубин. На своём кауром жеребчике он смело скакал в самую гущу схватки. Он был опытным партизаном, награждён медалью «За отвагу».

Когда бой кончился, подскакал Коля к Ковпаку.

— Славно мы с тобой сегодня повоевали, Микола! — сказал тогда Ковпак юному разведчику.

С тех пор я не встречался с Николаем Шубиным.

Детство братьев Ступак пришлось на самый разгар войны. Отец их, Феодосий Ступак, был ротным командиром. Кто-то донёс об этом фашистам, и каратели бросили его жену и двоих сыновей в корюковскую тюрьму.

Всех заключённых немцы объявили заложниками, то есть приговорёнными к смерти. Стоило где-нибудь партизанам разгромить полицейскую управу, как фашисты безжалостно расстреливали ни в чём не повинных детей, стариков, женщин.

Тогда и возникла мысль разгромить фашистов в Корюковке, а

заложников освободить. Как протекал бой, вы уже знаете из книги. Вызволяя свою семью, погиб партизанский командир Ступак.

А его сыновей я снял сразу же после взятия тюрьмы.

Старшина Сережа Бондаренко.

Мне кажется, они живут непременно где-то на Черниговщине, в родных краях.

Комсомольцы Фёдор Лиходид и Вениамин Стукало воевали в разведвзводе в отряде имени Кутузова. А сфотографировал я их летом 1943 года. Оба они родились на Черниговщине.

Нередко в партизанских отрядах воевали целые семьи.

Я много раз снимал семью Героя Советского Союза Петра Андреевича Маркова, командира отряда имени Ворошилова. Анна

Павловна была санитаркой, а сын Виктор — связным.

Партизанская семья Корень.

Я возвращался с подрывниками, когда увидел, как Марков обучал приёмам стрельбы из ручного пулемёта Анну Павловну и Витю. Дело было зимой, кажется, в январе 1943 года, в брянских лесах.

Мы поздоровались, и Пётр Андреевич сказал:

— А из Витьки пулемётчик выйдет. Пули кладёт с умом…

Витя даже раскраснелся, услышав похвалу отца. Скромный, неговорливый, он пользовался уважением взрослых в отряде. Знали: парнишка никогда не подведёт. Больше всего он не любил, когда с ним пытались обращаться как с ребёнком. Помню, отец пожалел сына и захотел отменить какой-то приказ взводного. «Я получил приказ, товарищ командир отряда, и обязан его выполнить, — звонким голосом выкрикнул Витя. — Вы ведь так учите поступать партизан!»

А вот как сложилась потом судьба Виктора Маркова, мне неизвестно.

Разные «должности» занимали ребята в партизанских отрядах. Серёжа Бондаренко был, несмотря на свой юный возраст, старшиной в отряде имени Кирова. Когда партизаны шли на операцию, они непременно обращались к Бондаренко: он отпускал им положенную норму продуктов. Вы можете сказать: тихая должность у парня, вроде бы завхоз, никакой героики,

сплошная проза. И ошибётесь!

Ведь в партизанских лесах не было ни складов с продовольствием, ни централизованного снабжения. И чаще всего фашисты предпринимали всё, что могли, чтобы сделать невозможной доставку продуктов в лес. Когда это им удавалось, в отряде наступал голод: ели грибы, дикий лук и чеснок, ягоды, по нескольку дней бойцы не видели куска чёрного хлеба. Сильные люди на глазах превращались в «доходяг», которые едва волочили ноги. А ведь нужно было идти в бой, преодолевать пешком да ещё с оружием и взрывчаткой десятки километров.

Имя его неизвестно.

Вот в таких ситуациях старшина, ведавший продовольствием, творил чудеса. Если, конечно, он был предусмотрительным хозяином и имел НЗ — неприкосновенный запас.

А именно таким и был Серёжа Бондаренко.

Снимок этот сделан в начале 1943 года, когда соединение Фёдорова готовилось к рейду на Украину. Серёжа достал свои знаменитые весы-безмен. Их нужно было держать в одной руке, а другой передвигать гирьку. Ни граммом меньше, ни граммом больше, — так работал Серёжа. Партизан Горелый, судя по его улыбке, доволен: Серёжа норму мяса взвесил точно.

Но, конечно, когда нужно было, юный партизан становился разведчиком, или связным, или брал в руки карабин. Всякое бывало в нелёгкой партизанской жизни.

Интересно было бы узнать, кем стал Серёжа Бондаренко

после войны.

А вот партизанская семья Корень, воевавшая в соединении Героя Советского Союза Попудренко. Отец и старший брат — пулемётчики, а младший — подносчик патронов. Летом 1943 года партизаны вели упорнейшие бои с фашистами, взявшими соединение в стальное кольцо. Каждый боец был на счету, и юный Корень воевал наравне со взрослыми. А было ему лет одиннадцать, не больше…

В центре снимка па этой странице — безымянный герой.

Дело было на Брянщине. Партизаны выбили врага, и командиры объявили днёвку — нужно было подкрепить силы, привести в порядок снаряжение, помыться, постирать бельё, — словом, сделать то, что делают люди, когда они выходят из леса, где много ночей спали прямо на земле…

Василий Быков.

Я шёл по селу, по привычке высматривая, что бы снять поинтереснее.

Моё внимание привлекла группа ребят. В центре её стоял юный партизан и что-то рассказывал своим сверстникам. Он даже карабин свой дал посмотреть — это было высшее проявление доверия. Я подошёл и прислушался.

— …В отряде каждый выполняет свою роль. Как кому выпадет — кто в разведчики, а кого в диверсанты определяют, — говорил юный партизан. — И никаких скидок на возраст: раз ты партизан, значит, человек ответственный и храбрый. Но я вам скажу: не всем в отряде нужно находиться. И здесь, и фашистском тылу, можно захватчикам навредить будь здоров сколько!

Я сожалею теперь, что, щёлкнув затвором аппарата, не

поинтересовался как зовут парнишку. Уж очень не хотелось мне прерывать эту беседу… Мне кажется, что живёт нынче бывший партизан где-то на Брянщине. Но вот вопрос — где?

С Василием Быковым (снимок слева) мы повстречались в клетнянских лесах, и он рассказывал мне свою историю.

Родился и вырос в Белоруссии, на Могилёвщине. Когда немцы приблизились к селу, райком комсомола оставил его для подпольной работы. Их было человек пятнадцать. Они писали листовки и расклеивали на стенах домов. Собирали оружие. Но провокатор выдал группу карателям. Вася Быков и ещё несколько ребят и девчат из его села успели уйти в лес, где и встретились с партизанами Фёдорова. Быков стал вторым номером на станковом пулемёте.

Участвовал во многих операциях, был свидетелем последнего боя болгарки Лили Карастояновой…

Тяжело раненого Васю самолёт доставил в Москву.

По моим сведениям, бывший партизан Василий Быков живёт на Могилёвщине.

Василий Быков.

На снимке рядом — двоюродный брат Василия Быкова, тоже Василий Быков. Я сфотографировал его в Лесограде, в клетнянских лесах. Он только что вернулся вместе с диверсионной группой Героя Советского Союза Владимира Павлова с железной дороги Гомель — Брянск. Партизаны очень устали, и на моё предложение сфотографироваться откликнулся лишь Быков.

Он родился в Костюковичском районе Могилевской области. Провоевал всю войну — сначала в партизанском отряде имени Кирова, а потом добровольцем ушёл в Советскую Армию.

Мне говорили, что Василий Андреевич Быков живёт в Ленинграде, но встретиться с ним мне так и не

посчастливилось…

Есть и другие снимки в моём архиве. Но герои их, к сожалению, часто неизвестны. Возможно, с вашей помощью, ребята, нам удастся найти сначала тех, чьи имена попали в мои партизанские записные книжки. Хочется верить, что вы поможете снимкам заговорить, полнее рассказать о юных героях тех далёких лет.